

Эхо прошлого.
Ты вошёл в мои сны.

— КНИГА 1 —

Кристель Грейстон

**Эхо прошлого. Ты
вошёл в мои сны**

«Автор»

2026

Грейстон К.

Эхо прошлого. Ты вошёл в мои сны / К. Грейстон — «Автор»,
2026

Существуют книги, которые неожиданно трогают сердце. Так, на меня произвела сильное впечатление дорама «Бесконечная тоска в разлуке». После этого я решила прочитать книгу Тун Хуа, что оказалось непросто: китайский язык даже в английском переводе читать очень сложно. Моя новелла сиквел к роману «Данное обещание» и «Бесконечной тоски в разлуке». События происходят после разгрома повстанцев Шэнь Нун и гибели Сян Лю. Во всех вариантах перевода названия и имена передаются по-разному, поэтому я привела их к единому переводу. В моём новелле будут даосские школы бессмертных, мастера, а также любовный треугольник. Из старых персонажей вы встретите демона Сян Лю, Сяо Яо, Ту Шань Цзин, Жёлтого императора Хуанди, императора Дахуана Сан Сюаня (Чжуань Си), Левое Ухо, А-Сяна, демона летающего лиса, а также новых героев и их приключения. Новелла состоит из двух частей: Книга I: «Эхо прошлого. Ты вошёл в мои сны» Книга 2: «Яд в крови, тоска в сердце» Книга 3: Эхо прошлого, ветра грядущего».

© Грейстон К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Кристель Грейстон

Эхо прошлого. Ты вошёл в мои сны

Эхо прошлого.

Книга первая. Ты вошёл в мои сны.

Оглавление

Пролог.

Глава 1. Часть 1. «Я дарю тебе перерождение.»

Глава 1. Часть 2. «Повелительница снежных драконов.»

Глава 2. «Старец Южного моря.»

Глава 3. «Янь Шань».

Глава 4. «Вот он какой, мир смертных.»

Глава 5. «Сяо Яо.» «Это не напрасно, если я смог оставить след в твоём сердце».

Глава 6. «Ничто не предвещало беды.»

Глава 7. «Жёлтый Император.»

Глава 8. «Путь в мир смертных.»

Глава 9. «Цин Чжиу. По следам памяти».

Глава 10. «Город Чишуй.»

Глава 11. «Седоволосый старец.»

Глава 12. «Небесная школа Янь Шань.»

Глава 13. «Когда наставник становится судьёй, сердце ученицы остаётся без приюта.»

Глава 14. «На пути к новым приключениям.»

Глава 15. «Город Джии... улицы хранят твои следы.»

Глава 16. «Поклон ветрам прошлого.»

Глава 17. «Цин Шуй. Когда тень прошлого коснулась нового рассвета.»

Глава 18. «А луна, как прежде, так же ярка.»

Глава 19. «Тропы, ведущие к запретному».

Глава 20. «То, что беспокоит моё сердце.»

Глава 21. «Праздник середины осени.»

Глава 22. «Под месяцем сердце согрето; под полной луной оковано былым».

Глава 23. «Неполная луна, тепло в сердце. Полная луна, холод былого.»

Глава 24. «Я никогда не оставлю тебя.»

Глава 25. «Обещание.»

Глава 26. «Тонкий аромат яда.»

Глава 27. «Я готов уничтожить этот мир ради тебя.»

Глава 28. «Ветер приносит забытое имя, и сердце дрожит от старой боли.»

Глава 29. «Жду, пойдут снега, жду, придёт судьба.»

Глава 30.1. «Тени прошлого в свете полной луны.»

Глава 30.2. «Загадочное предсказание.»

Глава 31. «Вечная память воинам Шэнь Нун».

Глава 32. «Когда звуки циня отзываются болью в сердце.»

Глава 33. «Призрак на пике Чин Жун.»

Глава 34. «Шкатулка с секретом.»

Глава 35. «Старый друг, которого узнало сердце.»

Глава 36. «Тонкий замысел Линя.»

Глава 37. «Между тенями прошлого и светом чистого сердца.»

Глава 38. «Призраки прошлого, возникающие из тени.»

Глава 39. «Старый знакомый. Отголоски прошлого.»

Глава 40. «Эхо прошлого, дороги настоящего.»

Глава 41. «Возвращение домой.»

Глава 42. «Кем ты хочешь, чтоб я был?»

Глава 43. «Дочь Повелителя драконов.»

Глава 44. «Эхо прошлого, дороги настоящего.»

Глава 45. «Когда сердце было готово открыться, старый ветер принёс бурю.»

Глава 46. «Вот мы и встретились вновь...»

Глава 47. «У каждого из нас теперь свой путь.»

Глава 48. «Сделка, затянувшая узел судьбы.»

Глава 49. «День иллюзий».

Глава 50. «Сердце в узлах из тысячи нитей, имя твоё я зову лишь в мыслях.»

Глава 51. «Твои глаза, как звёзды ночи, твоя улыбка, солнце моей печали.»

Справочник читателя: персонажи и места действия

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ

Сян Лю

Главный герой. Девятиглавый демон-змея, бывший военный советник армии бога воды Гун Гуна. После гибели и возрождения стал наставником Чаньэ. Обладает силой Повелителя Драконов и собственной демонической силой (10 духовных корней). Строгий, сдержанный, несёт в себе тоску по Сяо Яо. В прошлом носил имя Фан Фэн Бэй, в книге также появляется под псевдонимом Сыфэн.

Линь (бывший Пушистик)

Белый орёл, принявший человеческую форму по договору с Повелителем Драконов. Верный соратник Сян Лю, называет его «хозяином». Для Чаньэ, как старший брат. Управляет Домом Талантов в Цин Шуе под именем «управляющий Линь».

Чаньэ

Дочь Повелителя Драконов, воспитанница Сян Лю. Выросла на острове, наивна, но сильна духом. На протяжении книги влюбляется в Сян Лю, сначала не осознавая этого. К концу книги становится его женой.

Силин Сяо Яо

Несбывшаяся любовь Сян Лю. Принцесса Хаолина, дочь принцессы Сюань и Чи Ю. Была связана с Сян Лю любовными жуками-вуду. В книге живёт в Цин Шуе под именем Тянь Эр.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Боги и правители

Ту Шань Цзин

Избранник Сяо Яо. В прошлом был вынужден жениться по воле семьи, но вернулся к Сяо Яо. Погибает в ходе событий книги.

Повелитель Драконов

Отец Чаньэ. Передал Сян Лю свою силу и поручил воспитание дочери. К началу книги уже ушёл из мира, оставив завещание Пути.

Повелительница Снежных Драконов

Тётя Чаньэ. Хозяйка Бэймина (Крайнего Севера). Воспитывала Чаньэ, Сян Лю и Линя несколько десятилетий после возрождения Сян Лю.

Сань Сюань (Сюань)

Император Дахуана, победившей державы. Двоюродный брат Сяо Яо, был влюблён в неё. Бывший противник Сян Лю.

Жёлтый Император

Верховный бог, бывший император Сюань Юань. Завоеватель, победил Шэнь Нун. Дедушка Сань Сюаня и Сяо Яо.

Лун Ван

Старец Южного моря, хранитель сокровищ. Помог Сян Лю, дав золото, артефакты, оружие и книги для основания Небесной школы.

Прошлое: павший мир

Гун Гун

Бог воды, приёмный отец Сян Лю. Генерал повстанцев государства Шэнь Нун. Погиб в финальной битве.

Чи Ю

Демон-генерал, клятвенный брат последнего императора Шэнь Нун. Отец Сяо Яо. Погиб в войне. Его призрак появляется на пике Чин Жун.

ВАЖНЫЕ АРТЕФАКТЫ И МАГИЯ

Жуки-вуду (любовные жуки)

Связывали Сян Лю и Сяо Яо. Одно чувство на двоих, одна боль на двоих.

Раковина-дом

Личное пространство Сян Лю, материализуется по его зову. Место, где он скрывал Сяо Яо 37 лет.

Духовные корни

Источник силы в этом мире. У Сян Лю 10 корней, что уникально. Чем больше корней, тем сильнее существо.

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Дахуан

Объединённый мир, в котором происходят события книги. Создан после победы Сань Сюанем новым Императором Дахуана.

Бэймин

Крайний Север. Владения Повелительницы Снежных Драконов. Здесь Сян Лю, Чаньэ и Линь провели десятилетия после возрождения.

Горы Цзюи

Юго-западные дикие горы. Место, выбранное для основания Небесной школы Янь Шань по завещанию Повелителя Драконов.

Небесная школа Янь Шань

Школа, основанная Сян Лю на горе Янь Шань. Юго-запад горного массива Цзюи. Принимает учеников всех рас. Глава Сян Лю.

Город Джии

Один из городов мира смертных. Здесь Сян Лю жил под именем Фан Фэн Бэй в прошлой жизни. Бывшая столица Империи Шэнь Нун. Столица Дахуана.

Цин Шуй

Город, в котором Сян Лю открывает Дом Талантов. Здесь живёт Сяо Яо под именем Тянь Эр. Место большинства событий середины книги.

Дом Талантов

Развлекательный дом в Цин Шуе, открытый Сян Лю как прикрытие. Управляется Линем. Здесь проходит свадьба Сян Лю и Чаньэ.

Пик Чин Жун

Гора, памятная для армии Шэнь Нун. На вершине погибла остатки армии сопротивления Шэнь Нун.

Сюань

Бывшая столица Сюань Юань. Северо-запад Дахуана.

Шэнь Нун

Павшее государство богов, родина армии Гун Гуна. Существует лишь в воспоминаниях и на страницах истории. Название горного массива в центральной части Пустоши, тянется севера на юг.

Хаолин

Государство племени Гао Син. Родина Сяо Яо. Теперь часть Империи Дахуан. Юго-восток Великой Пустоши. Часть Дахуана.

Сан Юэ

Горный пик, любимое место великого императора Шэнь Нун. Место, где он занимался медициной. Теперь место проживания Жёлтого императора. Центральный горный массив Шэнь Нун.

Пролог.

Когда Небеса ещё не отстранились от мира смертных, а мост между божественным и земным не был разрушен, на просторах Великой пустоши возвышались два древних государства, созданных двумя величайшими божественными племенами.

На плодородных землях Централных и Средних равнин процветало первое из них, государство Шэнь Нун. Двадцать восемь вершин, девять главных гор и четыре полноводные реки обнимали земли, где Великий Паньгу доверил власть клану Шэнь Нун. Седьмой правитель этих земель, Шэнь Нун Ши Нянь, известный миру как Яньди, Император Пламени, держал свой народ не силой меча, но силой милосердия и справедливости. На высочайшем пике Цзи Цзинь возвышался императорский дворец, подобный рассветному солнцу, что пронзает утренние облака. Но истинным прибежищем сердца владыки был пик Сан-Юэ, где, вдали от шума придворной жизни, он постигал тайны целебных трав, собственноручно составляя великий медицинский свод и испытывая снадобья на себе. В стране процветали торговля и искусства, а народ жил в довольстве, под покровительством мудрого правителя.

На юго-востоке Великой пустоши простирались земли второго государства, Хаолина, где царили вечная весна и благоухание цветов. Здесь властвовало племя Гао Син, хранители страны восходящего солнца и источника всех вод. Пять священных гор, омываемых волнами безбрежного океана, возвышались над долиной Тангу. На острове среди облаков возвышалась гора Ушэнь, увенчанная великолепным дворцом Чэнь Энь, жемчужиной, вызывавшей зависть всех богов.

Бамбуковые тропы, извиваясь, вели к изящным павильонам и лotosовым прудам, а волшебный сад Ци Цин был обителью духов растений и животных, что путём совершенствования

обретали человеческий облик. Здесь правил Император Цзюньди из рода Гао Син, покровитель музыкантов и поэтов, ценитель женской красоты. В его просторном гареме обитали красавицы многих племён, и отцовское сердце гордилось шестью сыновьями.

Двое старших принцев, Шаохао, рождённый от умершей жены из клана Цинлин, и Яньлун, сын нынешней Императрицы, вели непримиримую борьбу за право наследования. Шаохао снискал любовь народа и признание среди богов своей храбростью в бою, искусностью в кузнечном деле и талантами в музыке и поэзии. В придворных интригах клан Цинлин и Сэхе поддерживали Шаохао, а кланы Чансе и Байху стояли за Яньлуном и его матерью. Так дворец Чэнь Энь опутывала паутина политических интриг.

Но когда десять тысяч лет уже отсчитали небесные часы, на северо-западе Великой пустоши, в малоизвестных горах Сюань Юань, забрезжила новая сила. Юноша по имени Хуанди объединил разрозненные племена и за время, что для богов лишь мгновение, основал могущественное государство Сюань Юань. Объявив себя Императором, прозванным в народе Жёлтым, он создал армию, где боги и демоны стояли рядом, ценимые не по происхождению, но по доблести и таланту.

Жёлтый Император, отец девяти сыновей и единственной дочери, принцессы Сюань Юань Силин А Хэн, взирал на земли Шэнь Нун с глазами, полными амбиций. И как лезвие рассекает шёлк, так его желание завоевать Центральные и Средние равнины разрезало мир надвое.

Тысячелетия войны между Сюань Юань и Шэнь Нун заставили содрогаться и Небо, и Землю. И в те скорбные дни Император Шэнь Нун, изучая свойства ядов, принял смертельную отраву и, промучившись долгие годы, покинул земной мир, оставив на троне доброго, но слабого сына Юйваня.

Предвидя бурю, что разразится после его ухода, мудрый Яньди взял с сына клятву разделить власть с демоном-генералом Чи Ю, могущественным существом из таинственного племени Джиу Ли, обитающего на горе Лунтоу Шань. Юйвань и Чи Ю, склонившись у ложа умирающего владыки, поклялись быть братьями, хранить верность друг другу и защищать государство Шэнь Нун ценой собственной жизни. Но даже клятвы, скреплённые кровью, не смогли предотвратить неизбежное. Внутренние распри между кланами, подобно ржавчине, разъели государство изнутри. И настал день, когда Шэнь Нун пал под натиском армии Сюань Юань, и погиб Юйвань, последний император Пламени королевского рода Шэнь Нун, от руки Жёлтого Императора.

Чи Ю, верный своей клятве до последнего вздоха, пал в битве. Погибли боги Шэнь Нун, многие сыновья Хуанди и его единственная дочь, принцесса Сюань Юань Силин А Хэн. Лишь бог воды Гун Гун, подобно непокорной волне, отказался склонить голову и увёл десять тысяч воинов в горы Шэнь Нун, чтобы продолжать сопротивление.

Его правой рукой стал демон Сян Лю, девятиглавый змей, чья кровь, обогащённая ядами совершенствования, могла отравить всё живое.

Но время, безжалостное даже к богам, стирало острые грани прошлого. Потомки Шэнь Нун соединились узами брака с родом Сюань Юань. Чи Ю, преданный защитник своего государства, в хрониках победителей стал безжалостным демоном. Жёлтый Император передал трон своему старшему внуку Сань Сюаню, который, взяв в жёны единственную наследницу Императора Хаолина Шаохао, объединил все земли под единым знаменем Дахуана.

Когда ветви цветущей сливы в двенадцатый раз обновились, Сань Сюань обрушил свою мощь на последних защитников павшего Шэнь Нун. В решающей битве, где кровь окрасила землю в багряный цвет, пали и Гун Гун, и его приёмный сын, демон Сян Лю.

Так гласили свитки истории...

Но истинная судьба не всегда совпадает с тем, что записано кистью летописца. И здесь, где

заканчивается история, начинается наше повествование.

«Жизнь, как танец на снегу, завершилась».

Там, где недавно гремела симфония битвы, теперь царило безмолвие, глубокое, как древние озёра. Лишь вороны-вестники разносили скорбные песни над выжженной землёй, где таяли последние следы мистических формаций. Запах гари переплетался с горьким духом крови, тяжёлый, удушающий, словно дыхание самой смерти. Так растворилась в потоке времени история повстанческой армии генерала Гун Гуна, последний отголосок некогда великой империи Шэнь Нун, печальный, но неизбежный, как смена созвездий на ночном небе.

Военный советник-демон Сян Лю лежал на земле, чувствуя, как последние потоки ци покидают его израненное тело. Генерал должен уйти вместе со своей армией в объятия вечности... О такой смерти он мечтал, на поле битвы, где павшие воины становятся звёздами на небесном полотне. Сотни лет он провёл в повстанческом лагере бога всех вод Гун Гуна, своего приёмного отца. Скольких храбрецов проводил он в сумеречные земли предков, но так и не постиг тайну, ради чего они отдавали свои жизни. Империя Шэнь Нун давно растаяла в тумане времён. Лишь горстка мечтателей, ведомых нестигаемым Гун Гуном, продолжала свой танец сопротивления на священных горах, бросая вызов самому ходу судьбы. Он не видел смысла в их борьбе, но следовал за ними. За отцом, подарившим ему второе рождение. Он видел, как они пели древние гимны и шли навстречу смерти с глазами, в которых горели созвездия давно угасшей империи.

Жалеет ли он о пути, избранном среди переплетений судьбы? Теперь, когда его сущность тает в пепле выжженной горы? Нет. Именно на этом пути он встретил Её, ту, кто коснулась его холодного, одинокого сердца девятиглавого демона. Сяо Яо... лучик света в бескрайнем море его одиночества.

Он уходит безмятежно, словно погружаясь в древний сон. С мыслями о тех, кого хранил в сердце. С уверенностью, что та, которую он оберегал, найдёт свой путь среди гор и морей. Сян Лю исполнил свой долг и сплёл нити судеб так, чтобы они соединились в узор, предначертанный звёздами. Теперь у неё два защитника: один, могущественный император Дахуана и любящий брат, а другой, тот, кого избрало её сердце.

Тишину пререзал крик, подобный звуку древней флейты.

— Пушистик... Глупая птица... Я же отослал тебя на Юйшань... — прошептал он, и сознание его угасло.

С высоты небес спикировал величественный белый орёл. Опустившись, он бережно подхватил израненное тело советника своими могучими когтями, взметнув облако пепла над полем последнего сражения, прощальный жест ушедшей эпохи.

Императорские воины, застыв подобно статуям, безмолвно наблюдали, как над ними восходит белоснежное видение, могучий орёл с крыльями, распахнутыми словно врата между мирами. В его когтях покоилось тело в одеждах, где белизна переплеталась с алыми узорами крови.

Орёл пролетел над их головами и растворился в дымке горизонта, унося своего хозяина к безбрежному океану, где, быть может, души находят новый путь среди волн вечности.

Глава 1. Часть 1. «Я дарю тебе перерождение.»

Орёл летел, не обращая внимания на бурю, которая поднималась вдалеке. Его крылья несли не только тело, но и душу. Пушистик, несмотря на свою птичью форму, был всё тем же

верным другом, который никому не позволил бы оставить Сян Лю в тени смерти. Он был готов на всё, чтобы вернуть его, даже если для этого нужно было преодолеть саму смерть.

Сян Лю чувствовал, как тягучая пустота поглощает его сознание, но где-то в глубине оставалась маленькая искра. Искра, которую Пушистик так упорно пытался сохранить. Его голос ещё звучал, хотя и был искажён тьмой. *«Не сдавайся, Сян Лю. Я с тобой. Мы пройдем через это вместе»*. Его слова становились туманными, как будто их поглощала сама тьма. Но они не исчезали. Где-то в пустоте сознания Сян Лю чувствовал Пушистика, который пытался что-то сделать, что-то изменить, вытянуть его обратно в мир живых. Через мгновение что-то внутри него дёрнуло, как тугой шнур, и сознание вернулось на миг, точно камень, упавший в безбрежное море.

«Ты не уйдёшь», — пищал Пушистик на своём птичьем языке.

Сян Лю ощущал каждый взмах крыльев и каждое движение Пушистика. Это каким-то образом держало его душу. Но что-то внутри него всё ещё сопротивлялось, будь то усталость или глубокая печаль, и не позволяло ему полностью вернуться в этот мир. Пушистик продолжал лететь, несмотря на усталость. Он знал, что есть место, где его друг может вернуться, место, где можно исцелить его и вернуть всё, что было утеряно. Но этот путь был непростым.

Пушистик приземлился на узкую платформу, вырезанную в скале, где поверхность покрывал мох и древние символы, выветрившиеся с течением веков. Земля была холодной и пахла тленом, будто весь остров был поглощён магией забвения. Он огляделся: его зоркие глаза искали пещеру. Пушистик помнил, что в старых легендах говорилось о том, что в этих пещерах спит десятитысячелетний Повелитель драконов. Но как найти его, найти быстро, пока душа ещё не отправилась в загробный мир?

Наконец, Пушистик достиг глубокой пещеры, скрытой среди серых скал. Внутри царила темнота и холод, воздух был насыщен древним, мистическим запахом, указывающим на то, что здесь скрывается нечто древнее и могущественное. В самом центре пещеры стоял огромный камень, омытый светом, исходящим от него. Это было место обитания Дракона, хранителя силы, которая могла вернуть Сян Лю к жизни.

«Ты не можешь умереть. Ты обещал мне, что будешь жить. Ты отослал меня и пошёл умирать один. Это нечестно».

Пушистик осторожно положил его тело у подножия камня и поднял взгляд, прислушиваясь к древнему шёпоту, который эхом отдавался в пещере. Звуки были нежными, но полными власти, словно сама гора пела древнюю песню. Орёл протянул крыло в сторону драконьего камня, и тот, как будто чувствуя его присутствие, начал светиться ещё ярче.

— Дракон! — его птичий голос пронзал тишину. — Могущественный Повелитель, я прошу твоей помощи. Спаси моего друга! Он всё, что у меня есть на этом свете.

Ответом было глубокое молчание. И тогда, внезапно, огромные глаза дракона, сверкающие, как два океанских озера, взглянули на Пушистика. Пушистик почувствовал, как что-то могучее проходит через него, как сама сущность Дракона изучала его душу.

Из глаз дракона потекла древняя магия, и Пушистик, в свою очередь, почувствовал, как его воспоминания начинают перетекать в сознание Дракона. Как Сян Лю спас птенца из рук смертных, как заботился о нём, как делился с ним надеждами и своей болью. Их общие воспоминания о том, что их связывало. Как Сян Лю боролся на арене рабов, как бежал из рабства, как стал верным и преданным сыном бога-генерала Гун Гуна из Шэнь Нун в благодарность за своё спасение. Дракон увидел воспоминания о его любви, чистой и безответной, о том, как он страдал от невозможности быть с ней. Его тоска и боль были настолько глубокими, что даже Дракон почувствовал их тяжесть. С каждым новым воспоминанием глаза Дракона становились всё более печальными, его древняя душа ощущала боль этого демона, который сражался с судьбой, оставаясь с чистым сердцем.

Сердцем, несмотря на горькую судьбу, умеющим преданно и жертвенно любить, и хранить верность.

И в сердце Дракона пробудилось давно забытое сострадание. Он устал от одиночества и бесконечно долгой жизни, полной потерь, от того, что уже тысячу лет охранял яйцо и ждал, когда его дочери суждено появиться на свет. Теперь она вылупилась и подросла, приняла человеческую форму, ей уже не место было в этой пещере. Именно она была тем последним светом, который удерживал его в этом мире. Теперь, увидев то, что он увидел в Пушистике и Сян Лю, Дракон понял: пришло время. Он нашёл нужного человека.

Сложив свои огромные крылья, Дракон опустил голову и принял человеческий облик. И заговорил, его голос был полон древней силы и печали.

— Ты пришёл сюда, чтобы попросить о помощи, и я, возможно, дам тебе то, что ты ищешь. Но помни, что всё, что связано с магией этого мира, имеет цену. Я верну его к жизни и даже дам ему свою силу, моё десяти тысячелетнее совершенствование, и восстановлю его истинную форму девятиглавого змея. Но взамен он должен сопровождать мою дочь на Крайний Север к моей сестре, Повелительнице Снежных драконов, и, возможно, провести годы там в совершенствовании. Он не покинет её, пока она сама не будет готова идти своим путём. Он станет ей Наставником и другом. Когда вы покинете Крайний Север, то пойдёте на дикие юго-западные горы Цзюи и там, на одной из вершин, создадите школу пути Дао. Вы будете принимать всех одарённых в эту школу, всех, кто выберет идти по дороге совершенствования и познания Дао.

Пушистик молча кивнул. Он знал, что это не просто сделка, это было решение, которое он принимал от имени Сян Лю и которое меняло не только судьбу Сян Лю, но и его собственную.

Дракон продолжил: — Я дам тебе силу, чтобы ты мог обрести человеческую форму и пережить эту тяжесть, чтобы быть рядом с ним. У твоего друга тяжёлый и противоречивый характер, он привык повелевать и принимать решения самостоятельно. Ему будет тяжело привыкнуть к новой ситуации. Однако теперь ты станешь частью его мира, частью его магии, и ты не сможешь отступить от этого пути. Ты никогда не покинешь его.

Пушистик посмотрел на дракона, осознавая всю серьёзность решения. — Я согласен, — произнёс он, — и буду защищать его, как всегда.

Дракон опустил свои глаза, и в этот момент камень, лежащий рядом с телом Сян Лю, начал светиться ярким сиянием, пронизывающим всё пространство вокруг. Магия древности взорвалась, и тело Сян Лю начало медленно восстанавливаться. Его раны затягивались на глазах в потоках белого света, дыхание стало ровным, и вскоре он открыл глаза. Пушистик, стоя рядом, почувствовал, как изменились его силы, как его тело принимало человеческую форму.

Когда Сян Лю окончательно очнулся, над ним склонился незнакомый юноша в белом. Его одежда струилась, как снежная пелена, а за спиной лежала накидка из перьев, светившаяся бледным серебром. В его глазах Сян Лю увидел что-то знакомое, родное и понял: это Пушистик. Только теперь он был иным. Он приобрёл человеческую форму.

Сян Лю попытался приподняться и ощутил, что все девять его голов были на месте, а он сам находился в полном смятении. Но не только они. Он чувствовал внутри себя новые токи, силы столь древние и глубокие, что от одного их прикосновения к сознанию ему стало трудно дышать.

Это была не его сила. Это была сила веками спящего повелителя дракона.

Из глубин пещеры донёсся голос, спокойный, властный, древний. — Теперь ты немного сильнее, чем раньше, — произнёс Дракон. — Я отдал тебе мою божественную силу Повелителя драконов, но ты должен знать: за всё нужно платить. Ты станешь хранителем и наставником моей дочери.

Сян Лю молчал, сжав пальцы в кулаки. Его душа была в смятении, и он не знал, как реагировать на услышанные слова.

— Испив моей крови, — продолжил Дракон, — через неё ты будешь признан всеми драконами. Ты больше не просто демон. С десятью корнями и слиянием двух сил: божественной, древнего дракона, и демонической, ты единственный в мире, как на земле, так и на небесах. Держать их в равновесии потребует от тебя много сил и годы медитации. Это твой новый путь, путь гармонии и силы.

Дракон сделал паузу. Сян Лю всё ещё не мог вымолвить ни слова, ошеломлённый. — На Крайнем Севере, в Бэймине, моя сестра, Повелительница Снежных Драконов, поможет вам. Чаньэ, дитя высших божеств. Её сила велика, но пока неуправляема. Ты должен стать ей наставником и проводником в этом мире. Она не знает ни добра, ни зла. Ей незнаком мир за пределами острова. Она наивна и чиста. Научи её жить в этом мире.

Сян Лю отвёл взгляд. Внутри поднималась буря из противоречивых чувств. В его сознании он всё ещё сражался с войсками Сюань Юань.

— Я заглянул в твоё сознание, — продолжал Дракон. — Я видел любовь и преданность. Я видел, как ты страдал ради той, кого любишь. Но я также видел жестокость, безжалостность, ненависть и кровь. Ради Чаньэ ты должен стать лучше. Не повтори свой путь. В новой жизни живи счастливо, ты больше не один.

Дракон повернул голову к Пушистику. — Твой друг, Пушистик, избрал судьбу добровольно. Его любовь, преданность и чистота сердца, редкость даже среди богов. Теперь он может принимать человеческую форму, может быть рядом с тобой. Ваши судьбы переплелись. Где бы ни шёл один, за ним последует другой. Твой путь, его путь.

И тогда Дракон призвал дочь.

— Чаньэ!

Его голос разнёсся по пещере, отражаясь тысячекратным эхом. Из глубин пещеры вышла девочка. Её белые, как снег, кудри были собраны тёмно-зелёной лентой и ниспадали почти до колен. Одежда, зелёный шёлк, расшитый жемчугами, струилась, словно из самого света.

Она была почти ребёнком на вид, но в её огромных изумрудных глазах, похожих на озёра, плескались древние воды.

Они встретились взглядами. Не нужно было слов, драконы общались иначе. Телепатия, связь душ. Одного взгляда отца было достаточно: она уже знала всё. Кто перед ней. Зачем они здесь. Что теперь ей предстоит.

Сян Лю встал, не отводя от неё взгляда. Он никогда не видел такую необычную красоту. Дракон медленно приблизился к дочери, его высокий рост и величественная осанка в человеческом облике лишь подчёркивали ту древнюю силу, что исходила от него. Белоснежные волосы спадали ему на плечи, глаза, глубокие, как вечность, смотрели на Чаньэ с нежностью и грустью. Он обнял её осторожно, его губы коснулись её лба: благословение, прощание, последний след отцовской любви.

— Чаньэ, — его голос стал тише, мягче. — Я оставляю тебя в этом мире не одну, теперь эти двое твоя семья. Один станет тебе наставником, а другой старшим братом.

Он взял её ладонь в свою, а вторую руку медленно протянул к Сян Лю, жестом приказывая подойти. В глазах Дракона появилась неумолимая сила, заставляющая подчиняться. Сян Лю, хотя и ощущал, как всё в нём стремилось сопротивляться, устоять не смог. Как будто сама нить судьбы вела его шаги. Он подошёл, хотя его лицо оставалось хмурым.

Дракон вложил ладонь дочери в руку Сян Лю. Их пальцы невольно соприкоснулись. Тёплая ладонь Чаньэ была удивительно хрупкой.

— Теперь вы связаны, — произнёс Дракон. — Я передал тебе свою силу не ради разрушения, Сян Лю, а ради защиты. Ты стал частью нашей крови, нашей судьбы. А ты, Чаньэ, должна учиться у него. Видеть в нём не только его силу, но и его сердце.

Сян Лю хотелось выдернуть руку, но он не мог. Он чувствовал, как сквозь этот простой контакт неведомая сила заставляет его ощутить не только тепло, но и хрупкость этой юной души, её одиночество и её надежды.

Дракон рассёк ногтем запястье, и перед ним появилась чаша, которую он наполнил своей кровью и передал Сян Лю, взглядом выражая приказ выпить.

— Я ухажу. Моя сила теперь в тебе, Сян Лю. А ты, Чаньэ, продолжение нашего рода. Не забывай, ты дочь Повелителя драконов. Не подведи. Придет день, и ты узнаешь свое предназначение.

Он сделал шаг назад, и его тело снова начало обращаться в свет. Он растворялся в снежном ветре, как древнее заклинание, исполнившее своё предназначение.

А в пещере остались трое: Сян Лю, Пушистик и драконья принцесса с глазами цвета изумруда. Сян Лю стоял, не убирая руки, в которую древний дракон вложил ладонь девочки. Всё произошло слишком быстро, слишком резко. Смерть, темнота, возрождение... А теперь чья-то рука в его руке, дыхание живого существа рядом, хрупкого на первый взгляд, но с огнём драконьей крови внутри.

Он чувствовал, как в груди что-то ноет. Много нового за один миг: Пушистик, его верный спутник, больше не птица, а человек. И этот взгляд, пронизательный, тёплый, уже не птичий. Словно видит его душу до самого дна.

Эта девочка. Чаньэ. Хрупкая, как цветок, но в ней дремлет огромная сила. Изумрудные глаза смотрели на него изучающе, открыто, с доверием и надеждой. Она не боялась, она пыталась понять его чувства.

— Всё это... слишком, — пробормотал Сян Лю глухо, хрипло. — Я только что умер на поле боя. Я не готов... быть чьим-то наставником.

Он отпустил её руку, отступая на шаг, но не грубо, будто бы боясь, что может задеть или разрушить нечто слишком чистое.

Пушистик подошёл ближе, теперь в обличье стройного, чуть смущённого, но решительного юноши в светлых одеждах. Его глаза светились счастьем, он был рад видеть Сян Лю живым. Но он тоже переживал перемены.

— Мы живы, — сказал он тихо. — А значит... всё только начинается.

Чаньэ сделала шаг вперёд, заглянув в глаза Сян Лю. — Мой отец выбрал тебя, — тихо произнесла она. — Я доверяю тебе. Он верил, что ты сможешь научить меня жить в этом мире. Я никогда не покидала этот остров.

Она смотрела ему прямо в глаза и думала, что Сян Лю очень красив, ведь никогда раньше не видела никого в человеческом облике кроме отца.

Сян Лю посмотрел на неё, и его демонический взгляд увидел чистую, бесхитростную душу драконьей принцессы. Возможно, не всё так уж и плохо.

— Не жди, что я буду мягок, — сказал он. — Я научу тебя выживать в этом мире.

Пушистик, величественный белокрылый орёл, взмыл в небо с такой лёгкостью, словно сам воздух подталкивал его под крылья. Он казался больше, чем прежде. На его спине удобно устроились Сян Лю и Чаньэ. Девушка держалась непринуждённо, она чувствовала движение и ветер.

Сян Лю закрыл глаза, позволяя себе просто дышать. Он жаждал твёрдой земли под ногами, свежести мира, пульса живого и одиночества, хотя бы краткого. Он устал от глаз добрых, тёплых, невинных. Они, казалось, видят его насквозь. Чаньэ молчала. Лишь украдкой наблюдала за ним со смесью любопытства и чего-то похожего на восхищение. И это раздражало.

Под ними в океане появился небольшой остров, покрытый зеленью и буйной растительностью. — Этот остров... — прошептал Сян Лю, приоткрывая веки. — Он обитаем? — Нет, — ответила Чаньэ. — Некогда здесь жили лесные духи, но давно покинули его. Земля плодородна. Можно найти временное убежище. А ещё там есть озеро. Чистое, как кристалл, с духовными жилами.

Сян Лю хмыкнул. Озеро. Пристанище. Эти слова звучали как отголоски иной жизни. У него никогда не было дома, только временные пристанища. Веками он обитал то в бамбуковых хижинах в горах, то в палатках, то в усадьбе семьи Фан Фэн, но и там не был его дом. Однако почему бы и нет? Его духовные силы, несмотря на дар дракона, были нестабильны и хаотичны. Ему нужно было время для медитации. Время, чтобы принять новую судьбу. И совладать с тоской, что ледяными когтями сжимала сердце. Путь к Повелительнице Снежных Драконов, в Бейминь, недалек. Они не были готовы к такому пути.

Пушистик издал крик, указывая клювом вниз. Из пелены облаков проступил остров. Изумрудный, увитый густыми лесами, с золотыми песчаными берегами. Его окутывала мягкая дымка духовной энергии, а в центре, словно око мира, поблёскивало озеро.

— Подходит, — кивнул Сян Лю.

Орёл начал снижение, плавно паря над кронами древних деревьев. Ветер ласкал лица, а рокот моря остался далеко внизу. Они плавно приземлились.

— Как мне звать тебя? — спросила Чаньэ, когда они ступили на землю. — Приёмным отцом или братом? — Зови меня Наставником, — наконец произнёс Сян Лю, опустив взгляд на песок.

Слово отозвалось в груди странной тяжестью. Ответственность. Он не думал, что, когда произнесёт его вслух, оно прозвучит так по-настоящему.

Чаньэ, сидевшая на корточках у разгорающегося костра, внимательно кивнула, словно принимая его слово как нерушимую клятву. Она просто приняла. — Хорошо, Наставник, — тихо сказала она, и это слово заставило Сян Лю отвести глаза.

Пушистик, уже в человеческом облике, юноша в светлых одеждах, сделал вид, что возится с рыбой, но на губах его играла улыбка. Он знал, каким трудным был для друга этот первый шаг в новую жизнь. Рыба источала аромат дыма и свежих трав. Чаньэ ловко разделила духовные персики и ягоды с листьями, источавшими пряный дух. Её руки не дрожали, хотя это был её первый вечер за пределами родной пещеры, первый ужин в чужом мире, с демоном и птицей, получившими человеческий облик. Теперь они стали её семьёй.

— А тебя как называть теперь? «Линь» подойдёт? — спросил Сян Лю, не глядя на Пушистика, но отчётливо ощущая его присутствие.

Юноша рассмеялся мягко, без вызова. — Линь. Конечно, хозяин. Если это имя дал мне ты.

Сян Лю едва заметно кивнул. — Линь. Теперь я тебе не хозяин. — Хозяин, — упрямо повторил Линь. — Я триста лет так тебя называл! Про себя. — Ладно, — сдался Сян Лю. — Неважно. Зови как хочешь. Это всего лишь имена.

Они сидели у костра, трое среди дикого острова, забытые миром, уже ставшие частью иной, новой жизни. Огонь потрескивал, отражаясь в глазах каждого.

— Завтра, — негромко сказал Сян Лю, обращаясь к обоим, — начнём с управления дыханием. Это основа основ. Чтобы повелевать силой, а не стать её рабом. — Я готова, — отозвалась Чаньэ. — Хорошо, хозяин, — кивнул Линь. — А я позабочусь о пище.

И в ночной тиши море пело свою древнюю песню, словно благословляя их новую судьбу.

С тех пор как они построили своё убежище на острове, окружённом лазурной водой, прошло немало времени. Дом, созданный с помощью древней магии, был прост, но надёжен: стены из зелёного бамбука и тёплого песка, крыша из переплетённых лиан, укреплённая мерцающими магическими печатями. Он служил защитой от палящего солнца и проливных дождей, что иногда обрушивались на остров с неистовой яростью тропических штормов. Сян Лю настоял, чтобы у Чаньэ было отдельное помещение.

- Она же девочка, — говорил он, хмуря тёмные брови. Это было продиктовано приличиями, о которых он помнил из прошлой жизни. Когда-то в Дахуане, в мире, где он носил имя Фан Фэн Бэй, у него была младшая сестра, и теперь он пытался воскресить в памяти, как её воспитывали заботливые няни. Но была и другая причина: в глубине души он не знал, как находиться рядом с Чаньэ постоянно, как справляться с её изучающим взглядом.

Но Чаньэ была особенной. Чистая, как талая вода горных ручьёв, бесхитростная, как утренняя роса, и дикая, как нетронутая природа вокруг. Она искренне не понимала, зачем оставаться одной, если рядом есть те, кто не боится твоей сущности, кто принимает тебя целиком. Когда ночь опускалась на остров густой чернильной пеленой и звёзды вспыхивали над океаном подобно россыпи драгоценных камней, она тихо, словно призрак, кралась в общее пространство. Там она устраивалась в углу, свернувшись клубочком, точно маленький дракон, тоскующий по теплу родного гнезда. Со временем, набравшись смелости, она начала пристраиваться рядом с Линем, забираясь к нему под широкий плащ. Он никогда не протестовал, несмотря на неодобрительные взгляды Сян Лю. Линь и сам ещё только делал первые неуверенные шаги в человеческом облике, и ему, как и Чаньэ, предстояло привыкнуть к правилам приличий, которые так заботили их наставника. Линь с радостью делил с ней тихие вечерние часы. Их смех звенел серебром в воздухе, наполненном солёными брызгами и ароматом цветущих лиан. А иногда они молча слушали печальную мелодию, летящую из флейты, вырезанной из кости морского демона. Сян Лю играл, сидя поодаль от них, его длинные пальцы словно говорили то, чего не могли выразить губы, а тёмные глаза отражали отблески звёзд и печаль, понятную лишь ему одному.

Линь незаметно для себя принял роль настоящего старшего брата: терпеливого, заботливого, готового выслушать и защитить. И Чаньэ тянулась к нему, ища то душевное тепло, которого не могла найти в строгом и молчаливом наставнике.

Когда тяжесть тренировок утомляла тело и разум, Линь и Чаньэ принимали истинные формы. Небо содрогалось от крика птицы и рёва юной драконицы. Их воздушные погони, полные радости, не имели победителей, только восторг свободы. Иногда Чаньэ скрывалась в морских глубинах, выплёвывая на берег дары океана: рыбу, кораллы, даже редкие жемчужины и блестящие чешуйки исчезнувших существ.

Сян Лю наблюдал за ними. И внутри постепенно что-то оттаивало.

Он тоже уходил в пучину, туда, где царила тишина и забвение. Лишь в темноте морских глубин он мог отбросить тоску и боль. Иногда он позволял Чаньэ сопровождать его, и та плыла рядом, словно тень, и училась чувствовать ритм течений, безмолвные песни океана и крик древних духов.

Они набирались сил, не по дням, а по часам. Их силы переплетались, словно две половины чего-то большего.

И однажды Сян Лю принял решение, что они готовы проделать длинный путь.

Он встал у костра, в котором дымились сушёные водоросли, посмотрел на Чаньэ и Линя и произнёс:

— Завтра мы отправляемся. На Север, в Бейминь, к Повелительнице Снежных Драконов. Время пришло.

Линь молча кивнул. Чаньэ просто посмотрела ему в глаза. Её взгляд был чист и безмятежен, полон доверия к решению наставника.

Ночь над островом была тихой. В последний раз, прежде чем уйти в неизвестность, они смотрели на звёзды, трое, чьи судьбы были связаны кровью, магией и тем, что называли доверием.

Утро было ясным. Сян Лю стоял у самого берега, высокий, в своих неизменных белых одеждах, с тенью напряжения на сдержанном лице. Он молча вглядывался в горизонт. С трес-

ком и шорохом белых перьев Линь обратился в гигантскую птицу, чисто-белую, с сильными крыльями и острым взглядом. Сян Лю легко, без слов, взлетел на его спину. Чаньэ устроилась рядом.

- На Север, — приказал Сян Лю, и огромная птица взмыла вверх.

Ветер усиливался, небо сжималось, превращаясь в ледяную пустоту. Линь летел высоко и бесстрашно, пронзая снежные тучи. Сян Лю молчал, не закрывая глаз, следя за изменяющимся миром. Чаньэ осторожно прижималась к нему.

Через три дня путь привёл их к ледяному хребту, что, казалось, держал небо на своих вершинах. Над одной из гор вился серебряный защитный купол, служивший знаком, что там обитель повелительницы снежных драконов.

Глава 1. Часть 2. «Повелительница снежных драконов.»

Как только они вступили на заснеженные земли Бэймина, казалось, даже ветер затаил дыхание. Вокруг царил странная, почти пугающая тишина, безмолвие, в котором слышно лишь биение сердца. Чаньэ инстинктивно сделала шаг ближе к Сян Лю. Несмотря на то, что в ней текла кровь принцессы драконов, сейчас она была всего лишь маленькой девочкой в чужом незнакомом мире, а Сян Лю в её глазах уже стал защитником и опорой. Этот робкий жест не ускользнул от его внимания. Он легко коснулся её плеча, словно отгоняя невидимые страхи:

— Не бойся. Скоро ты увидишь свою тётю.

Чаньэ посмотрела на его спокойный профиль, вырезанный на фоне белоснежного пейзажа, и проследила за его взглядом. Сян Лю смотрел на ледяную гору, возвышавшуюся перед ними, величественную и неприступную. Его глаза демона уже видели то, что было скрыто от других: как колышется защитное поле и проявляется рельеф дворца Повелительницы Снежных Драконов, подобно узору, проступающему на морозном стекле.

Через несколько мгновений воздух наполнился звуком, похожим на перезвон тысячи хрустальных колокольчиков. В тот же миг их окружили ледяные вихри, которые закружились, образуя сверкающий круг. Сян Лю из осторожности призвал свою духовную силу, его ладони засветились холодным белым светом, а взгляд стал острым и напряжённым, готовым уловить малейшую опасность.

Вихри вдруг раздвинулись, создавая перед ними прозрачный коридор, ведущий во дворец, который теперь полностью проявился и сиял своим белоснежным величием. Стены его, казалось, были высечены из чистейшего льда и украшены узорами, подобными морозным узорам на зимнем окне.

— Пойдём, — тихо произнёс Сян Лю, делая первый шаг по сияющей дорожке.

Чаньэ нерешительно взялась за его рукав, как за единственную опору в этом холодном мире.

— Кто у нас такая трусиха! — подшутил над ней Линь, хотя сам уже дрожал от пронизывающего холода, думая, будет ли в ледяном дворце теплее. Он пытался защититься духовной силой, но даже один взгляд на белую пустыню вокруг заставлял его зябко поёживаться.

Как только они переступили порог дворца, ледяные вихри приобрели очертания стражников, прозрачных фигур с человеческим обликом, словно вырезанных из чистейшего льда, в доспехах, сияющих подобно алмазам. Чаньэ с изумлением разглядывала их и подняла голову, чтобы спросить что-то у Сян Лю, но не успела.

На другом конце огромной белой сверкающей залы из серебристого тумана появилась женщина необыкновенной красоты. Лицо её, прекрасное и безмятежное, как замёрзшее озеро, казалось юным, хотя глаза выдавали мудрость тысячелетий. Её длинные белые волосы струились до самого пола, подобно застывшему водопаду. Она была облачена в белоснежные одежды, усыпанные жемчугом и расшитые серебряными нитями, тонкими, как иней. В руке

она держала прозрачный ледяной посох, увенчанный кристаллом, в глубине которого, казалось, плескалась живая вода. На голове возвышался замысловатый головной убор, напоминающий корону из ледяных шипов.

Сян Лю и Линь почтительно склонились в поклоне, а Чаньэ, преодолев робость, шагнула вперёд и низко поклонилась своей тёте. Повелительница медленно приблизилась, каждый её шаг был плавным, словно она не шла, а скользила над полом.

— Сян Лю, Девятиглавый демон змеи, ты привёл ко мне мою племянницу. Значит, мой брат наконец нашёл того, кому смог доверить свою дочь. — Её голос, чистый и звонкий, как хрусталь, разнёсся по залу и откликнулся эхом.

Повелительница перевела взгляд на Линя, и уголки её губ тронула лёгкая улыбка, подобная лучику солнца на снегу:

— Тебе, белый орёл, будет нелегко в этом мире льда.

Она протянула руку в сторону Линя, и юноша сразу почувствовал, как тепло разлилось по его телу, прогоняя стужу.

— Немного моей магии согреет тебя.

Теперь настал черёд Чаньэ. Повелительница драконов посмотрела на неё долгим изучающим взглядом, будто видела сквозь толщу времени всю её судьбу.

— Ты повзрослела и подросла, стала очень похожа на свою мать. Уже не ребёнок, но ещё не девушка, — произнесла она мягко, с нотками нежности в голосе.

Затем она перевела взгляд на Сян Лю, и её глаза стали строже:

— Тебе предстоят трудные времена. В тебе сейчас две разные силы, демоническая и божественная моего брата. У тебя десять духовных корней, такое давно не встречалось в нашем мире. Новые силы, которые ты получил, ещё требуют, чтобы ты научился ими управлять, иначе погубишь и себя, и всё живое вокруг, — голос её звучал как приговор и предостережение одновременно. — Здесь, среди снегов и драконов, не спрятать свою суть. Зло выйдет наружу. В тебе много противоречий. У тебя тяжёлый характер, ты знаешь лишь бой и одиночество. Жестокость, неотъемлемая часть твоей натуры, и слишком много крови на твоих руках. Ты жесток к другим, но ещё больше к самому себе.

Она ненадолго замолчала, позволяя своим словам отозваться в сердцах слушающих, потом добавила мягче:

— Но у тебя чистое сердце. Оно разорвано болью, но оно живо. Именно потому мой брат и вернул тебя в этот мир. Возможно, было бы лучше, чтобы ты испил чашу из реки забвения... Ты получил новую жизнь, но сохранил воспоминания, — она задумалась, не сводя глаз с Сян Лю, словно пыталась прочесть в его душе что-то скрытое даже от него самого. — Мой брат поверил, что ты сможешь стать чем-то большим. Он отдал тебе свою силу... и доверил тебе свою дочь.

Повелительница повернулась к Чаньэ и Линю, её длинные одежды зашелестели, словно снег под ветром:

— Следуйте за мной.

Служанки и стражи Повелительницы драконов были в основном ледяными марионетками, движущимися с удивительной грацией и точностью, словно управляемые невидимыми нитями судьбы. Но среди них встречались и мелкие духи, мерцающие призрачным светом, как первые звёзды на вечернем небе. Настоящие драконы редко появлялись во дворце, величественные создания проводили большую часть своей долгой жизни в вековом сне, погружённые в грёзы о древних временах и далёких звёздах. Лишь некоторые из них, любопытные или более молодые, принимали человеческий облик, чтобы побеседовать с Линем или Чаньэ. Девочка легко понимала их язык даже в истинной форме, как все дети драконьей крови, она могла улавливать их телепатические послания, наполненные образами и чувствами древнего народа. Но чаще всего им троим приходилось проводить время в изнурительных тренировках с вои-

нами-марионетками, которыми искусно управляла Повелительница драконов. Каждый день она усложняла задания, создавая всё более изощрённые препятствия. Иногда даже Сян Лю, с его демонической силой и опытом бесчисленных сражений, с трудом отбивал яростные атаки ледяных воинов, чьи движения были быстры, как зимний ветер, и точны, как удар молнии.

День сменялся днём, но зима в этих краях не знала конца, лишь становилась глубже, чище, строже, подобно совершенствующемуся мастеру, достигающему новых высот своего искусства. Как не прекращались и их тренировки, закаляющие тело и дух.

Повелительница обучала Чаньэ тонкому искусству управления своей драконьей силой, показывала, как различать истоки разных видов магии, направлять энергию подобно реке, меняющей русло, и сдерживать яростные порывы стихии внутри себя. Под её строгим руководством девочка постепенно раскрывала врождённые таланты наследницы драконов. Линь учился стремительно, схватывая на лету сложнейшие приёмы. Он вкладывал всё своё упорство в каждое движение, каждый удар, твёрдо решив стать сильнее, чтобы однажды суметь защитить Сян Лю и Чаньэ от любой опасности. Ни на секунду он не забывал о клятве, данной Повелителю драконов, теперь его жизнь была неразрывно связана с судьбой демона, он стал частью волшебства перерождения, и его предназначение заключалось в том, чтобы всегда быть рядом с хозяином и маленькой принцессой.

Сян Лю. Он присутствовал здесь, среди снегов и льдов, и всё же, казалось, часть его души где-то далеко, словно тень на грани двух миров. Он терпеливо тренировался с Чаньэ, передавая ей своё мастерство боевых искусств, учил правильно направлять поток силы, не позволяя ей выйти из-под контроля. Сам он тоже осваивал магические заклинания и формации, о существовании которых даже не подозревал раньше, расширяя границы своего могущества.

Каждый день он проводил долгие часы в глубокой медитации, но в редкие минуты отдыха его мысли уносились прочь от ледяного дворца. Он полюбил стоять на скалистом выступе и, глядя в белоснежную даль, видел не бескрайние снега, а далёкие земли Дахуана, тени прошлого и образы, что хранились в сердце и памяти, лица тех, кого он потерял, и чувства, которые так и не успел выразить. Иногда Чаньэ или Линь поднимались к нему на вершину, но редко решались нарушить его одиночество словами. В эти часы Сян Лю был наедине с собой и с болью, что не отпускала его даже в новой жизни, словно клеймо, выжженное на самой душе.

И эта боль в большей степени была связана с одним именем. Сяо Яо... Бесконечная тоска и боль.

Любовь и печаль, сплетённые в одно чувство.

Светлая, чистая любовь к девушке, которую Сян Лю встретил много веков назад, в маленьком городке Цин Шуй. Городок тогда не принадлежал ни государству Хаолину, ни державе Сюань Юань. Он был ничей, словно специально созданный, чтобы в нём могли встретиться те, кому не суждено.

Их первая встреча произошла в лесах на одном из склонов гор Шэнь Нун, где в лесах, на склонах располагалась повстанческая армия генерала Гун Гуна. Тогда она была переодета в оборванного юношу, и с такой дерзостью, граничащей с безрассудством, отравила Пушистика, его ездового орла. Это поразило: его верный спутник, испробовавший столько ядов, питавшийся змеями, привыкший к смертельному, и вдруг... сражён?

— Я простой лекарь, — заявила она. — Меня зовут Вэй Сяо Лю. Работаю уже почти двадцать лет в Зале Омоложения.

Он не поверил: шпионка Сюаня? Он отдал приказ выпороть её за наглость. Тогда в лагерь за ней пришёл странный юноша. Он был из верховных божеств, но скрывал свою сущность. Она тоже прятала лицо. Даже Сян Лю не мог разглядеть её маскировку, настолько искусна она была. Но он сразу понял: она девушка из божественной расы. Не обычная девушка, но без духовных сил. В её глазах таились боль и одиночество, хитрость и уязвимость. Единственное, что было в её словах правдой тогда, она действительно была слаба. Не обладала духовной

силой. И много страдала. И не могла себя защитить. Она боялась его, но всё равно подшучивала. Он пугал её нарочно, из озорства. Но в этих играх рождалось нечто большее. Он и не заметил, как привязался... как полюбил.

Когда он был ранен, он пил её кровь, волшебную, живую, исцеляющую. Она называла его Девятиглавым демоном, но без презрения, а как-то даже ласково. Шутила над его девятью головами. Только за намёк про его истинную форму он убивал. А с ней он даже не сердился. Прятал улыбку.

А потом...

По глупости, она переселила в него любовного жука. Она вырастила пару жуков-вуду, думая, что это жуки контроля. Один себе, другого посадила Сюаню. Хотела управлять им и отомстить. Тогда она ещё не знала, что Сюань, её двоюродный брат, и когда узнала, решила жука забрать. Вот только оказалось, это не так легко!

Сян Лю же вскоре выяснил главное: эта пара не жуки контроля, а жуки-любовники. Таинственная магия племени Джиу Ли. Жуки любви, которые могут существовать только в паре, связывая два сердца и две судьбы в одну.

Призвать жука из Сюаня можно только в сердце по-настоящему влюблённого в неё человека. Который добровольно готов принять его. И если жук приживётся, он становится кровью и плотью, судьбой. И он согласился. Согласился переместить любовного жука в себя, потому что знал: тот без труда войдёт в его сердце. В его сердце демона, которое уже принадлежало ей. Глупая... милая, безрассудная. Они даже не понимали, что на самом деле сделали. Жуки соединили их жизни и сердца. Он и она, связанные навеки. Одно чувство на двоих. Одна жизнь на двоих. Одна боль на двоих. Тогда он ещё не знал, что вскоре она воссоединится с семьёй и окажется принцессой Хаолина. Что его любовь всего лишь мечта, обречённая не сбыться. Несбыточная мечта о любви. Быть нужным. Быть любимым. Спасение от одиночества. Всё оказалось обманом. Как же он был зол! Зол на её обман, на ложь, на недосказанность.

Но больше всего были её слова, сказанные легко, будто нож по живому: *«Ты не тот мужчина, которого барышня может впустить в свои сны. Это было бы хуже смерти»*.

Он должен был отвернуться. Исчезнуть. Исчезнуть из её жизни. Но не мог. Жук уже был частью его. Всё внутри жаждало её взгляда, её смеха, её голоса. И он последовал за ней в облике Фан Фэн Бэя, своей второй личности в мире божеств и смертных. Наследник аристократической божественной семьи Фан Фэн. Под этим именем он мог свободно прогуливаться по улицам столицы Сюаня и Джиу, растворяясь в толпе, словно капля воды в реке. Он шутил и веселил принцессу Хаолина, обучал её тайному искусству стрельбы из лука, передавая древнюю технику семьи Фан Фэй. Лёгкий и непринуждённый, он сопровождал принцессу в игорные дома и места развлечений, став её верным спутником в забавах. Но никогда не забывал о том, что прежде всего он Сян Лю, демон и советник мятежной армии, враг её семьи.

Однажды он вложил в её руки артефакт, особенный лук, который заказал именно для неё. С ним она могла защитить себя, даже не обладая духовной силой. Он был рядом. Оберегал. Их отношения напоминали танец, изящный и опасный, с приближениями и отступлениями, с неуловимой гармонией противоречий. Даже когда она узнала, кто скрывается под именем Фан Фэн Бэя, она не отвернулась. Продолжала быть собой рядом с ним, лечила его раны, позволяя пить свою волшебную кровь. Когда её заманили в ловушку и едва не убили в зловещей формации, Сян Лю не колебался ни мгновения. Рискуюя собственной жизнью, он прорвался сквозь защитную формацию дворца Цзи Цзинь и, один против всех, предстал перед принцем Сюанем, своим заклятым врагом.

— Отдай мне её, — потребовал он, глядя в глаза принцу. — Только я смогу её спасти. И это была правда. Только тот, с кем связан любовный жук, чья кровь наполнена силой девятиглавого демона, мог попытаться вернуть Сяо Яо из-за завесы смерти.

Тридцать семь лет она спала в его раковине-доме в лазурных глубинах океана. Он поил её своей кровью, капля за каплей, прямо из сердца. Отдал одну из своих жизней, одну из девяти, чтобы вновь привязать её парящую душу к безжизненной оболочке. Он знал, как она страшилась одиночества, потому оставался рядом. Выносил её на поверхность любоваться серебристым ликом луны и слушать завораживающее пение русалок, пока её душа ещё не вернулась в покинутое тело. Он разговаривал с ней, чтобы молчание не стало её единственным спутником.

Принц Сюань, её двоюродный брат, таил к ней чувства, далёкие от братских. Он ждал.

Ревновал. Ненавидел демона. И всё же... Сян Лю нашёл способ обратить это себе на пользу.

Он знал, как невыносимо Сюаню быть ему обязанным, и потому потребовал:

— Если ты станешь императором, сделай пик Чин Жун в горах Шэнь Нун запретной землёй.

В память о павших воинах, в честь государства Шэнь Нун, которого больше нет. Сделка.

Почему бы и нет? Сюань тогда был лишь в начале своего пути к трону.

Лишь в эти долгие годы Сян Лю позволил себе быть по-настоящему нежным и ласковым с Сяо Яо, полагая, что она не слышит и не видит. После целительных ритуалов он ложился рядом и обнимал её, согревая своим теплом неподвижное тело. Они были так близки в эти мгновения и так бесконечно далеки. Когда ей стало лучше, в полнолуние, он всплывал с ней на поверхность, и они вместе смотрели на россыпь звёзд в чёрном бархате неба. К ней постепенно возвращалась жизнь, и он понимал, что уже может разбудить её, но медлил, зная, она устремится в свой мир, к Ту Шань Цзин. Но время не ждало: Ту Шань Цзин умирал, и Сян Лю знал, что Сяо Яо не простит, если пробудится слишком поздно. Она могла спасти умирающего. И Сян Лю разбудил её, отпуская своё счастье.

Сяо Яо выздоравливала. Он видел, как румянец возвращался на её бледные щеки, как разгорался огонь в её глазах. Он не смог попрощаться. Тридцать семь лет хранил её в своём доме-раковине, словно бесценную жемчужину. Это были его грёзы о жизни вместе, сладкий сон, от которого пришло время пробудиться. Она уходила, и вместе с ней уходили его мечты. Они возвращались к беспощадной действительности: она принцесса и внучка его злейшего врага, он советник армии повстанцев Шэнь Нун. Два мира, две судьбы. Она плакала, покидая раковину. Три слезы скатились с её ресниц, чистые, как горный хрусталь, прозрачные, как её душа. Из них он создал жемчужину, хранил её как самое драгоценное достояние, память о несбывшемся.

Сяо Яо вернулась в Сюань. А он вновь стал для неё Фан Фэн Бэем. Тенью. Весёлым другом. Неизменно рядом, но уже не в её сердце. Она вернулась к Ту Шань Цзин и впустила его в своё сердце, оставив ему лишь отголосок того, что могло быть.

А потом этот непутёвый... подчинился семье и женился. Сяо Яо осталась с разбитым сердцем, потерянная и одинокая. И в тот момент Сян Лю видел: сделай он шаг, всего один шаг, он мог бы быть с ней. Счастье могло быть так близко. Но он не сделал этого шага. Потому что знал: его судьба уже предрешена. Он был Фан Фэн Бэй, но был и Сян Лю. Верным генералу Гун Гу, преданным повстанческой армии, связанным с дорогой, с которой нельзя было свернуть.

Он знал: настанет день, когда он заплатит жизнью за свой выбор.

И снова он играл для неё роль беззаботного повесы, Фан Фэн Бэя. Тем временем принц Сюань шёл своим путём и стал Императором Сюань Юаня. Сян Лю тысячу раз мог убить его. И хотел. Но как он мог причинить такую боль Сяо Яо? Она любила своего двоюродного брата, шла на любые жертвы ради него.

После предательства Цзин Сяо Яо продолжала улыбаться, но Сян Лю чувствовал её боль. Любовный жук в нём реагировал на её сердечную тоску, вызывая боль в его сердце. Она оказалась куда более хрупкой, чем казалась. Тоска поселилась в её глазах. И он тосковал вместе с ней.

А потом он узнал, что Сяо Яо решила выйти замуж за Фэн Луна, одного из приближённых Императора Сюаня. Сдалась. «Раз не Цзин, то почему не Фэн Лун?» — будто говорила она этим выбором.

Но именно тогда к нему пришёл Цзин и предложил сделку.

— Помоги сорвать свадьбу. Взамен я буду снабжать армию повстанцев тридцать семь лет. И Сян Лю согласился. Как Фан Фэн Бэй, он увёл её со свадьбы.

После этого Фан Фэн Бэй больше не мог существовать. Он должен был исчезнуть. Да и ему пора было меньше видеться с Сяо Яо. Он не ожидал, что Сяо Яо так сильно расстроится. Что будет плакать так, будто потеряла кого-то очень дорогого. Она смотрела на него глазами, полными слёз. Ждала... чего-то. Признания?

— Ты бессердечный демон! — бросила она с отчаянием, в конце концов.

А он... ответил, что никогда ничего не чувствовал к ней. Что всё это была лишь игра Фан Фэн Бэя. Холодная ложь, его единственная защита.

Когда Сяо Яо узнала, что за её похищением стоял Цзин, она уехала разбираться с ним в Цин Чжоу. А между ними начала расти пропасть. Сян Лю всё яснее осознавал: дни повстанческой армии сочтены. И его собственные тоже.

Когда весь Дахуан узнал правду, что Сяо Яо дочь принцессы Сюань и проклятого всеми демона Чи Ю, волна шока прокатилась по Дахуану. Её родословная стала для многих пятном, позором, а для неё новой раной, глубокой и горькой. В эти дни он пришёл к ней, как тот, кто знал, каково это: не знать, кто твои родители. Трагическая судьба её родителей, их невозможная любовь, была для них словно предупреждением, знаком, что и их история, его и Сяо Яо, тоже обречена. Им лучше больше не встречаться вообще. Сяо Яо была сестрой и внучкой Жёлтого императора, его злейших врагов, и смертельная схватка была уже не за горами. Исчезнуть. До того, как они станут врагами.

Повелительница драконов наблюдала за ним уже давно. Одинокий белый силуэт на краю ледяной скалы, он часто сидел неподвижно, словно сам стал частью этого безмолвного мира. Его взгляд устремлялся в бескрайние белые просторы, не в снег и небо, а куда-то дальше, туда, где он оставил своё сердце. Ей не нужно было спрашивать, о чём он думал.

Она чувствовала тоску и боль, глубокие, как океан, холодные, как лёд вокруг.

Прошло много десятков лет с тех пор, как трое пришли в её владения. За это время Сян Лю изменился. Он научился контролировать свои силы, смирил свой вспыльчивый нрав, взгляд стал спокойнее, хотя печаль никогда не покидала его полностью. Он превратился в строгого наставника, терпеливого учителя для Чаньэ.

Девочка очень привязалась к нему. Казалось, её не смущали чёрные бездонные и холодные глаза наставника. Но и он с ней и с Линем менялся, смягчал свой голос, позволял себе улыбаться. Со временем Чаньэ из девочки превратилась в прекрасную девушку, распустилась, словно редкий снежный цветок среди вечных льдов. Повелительница Драконов заметила, что во взгляде её юной племянницы, когда та смотрела на Наставника, светился огонь совсем иной привязанности, той, о которой сама девушка ещё даже не догадывалась.

«Пришло время им двигаться дальше», — думала Повелительница.

В один из тихих, почти безветренных дней она подошла к нему. Он сидел, как всегда, на своём выступе и не заметил её приближения. Только когда она опустилась рядом, он вздрогнул, словно пробудившись от долгого сна.

— Повелительница... — он попытался подняться.

— Сядь, — мягко остановила она.

Он подчинился.

— Пришло время вам идти дальше по вашему пути, — сказала она, глядя на горизонт. — Все эти годы ты был хорошим наставником. Чаньэ выросла, она стала сильной, не только

в магии, но и сердцем. Я отпущу её с лёгкой душой. Мир велик. Нет смысла вечно сидеть во льдах. Это не твоя дорога и не её.

Сян Лю молчал.

— В тебе огромная сила, — продолжила она. — Я надеюсь, ты не потратишь её напрасно. Куда ты пойдёшь? Ты ищешь мести?

Он медленно покачал головой.

— Нет, — ответил он после долгой паузы. — Мне некому мстить. Моя жизнь... уже и так была сплошным морем крови. Сейчас я просто хочу жить. Мир огромен, я ещё почти ничего не видел. Я хочу идти и познавать этот мир.

Повелительница посмотрела ему в глаза. В её взгляде читались только печаль и понимание.

«Ты пойдёшь в Дахуан», — подумала она, но вслух сказала:

— Иди туда, куда зовёт твоё сердце, Сян Лю. Только не забывай: то, что ты несёшь внутри, способно как разрушать целые миры, и яд в твоей крови может отравить всё живое, но также может создавать и исцелять. Сделай правильный выбор.

Он промолчал, но его лицо озарила редкая улыбка.

— Мир удивителен и бесконечен. Я не забуду ни вашей доброты, ни ваших наставлений и оправдаю ваше доверие. Я буду защищать Чаньэ ценой своей жизни и никогда не подведу её, — он низко поклонился Повелительнице.

«Сможешь ли ты подарить ей своё сердце, Сян Лю? Сможешь ли ты это сделать?» — подумала она, с мягкой улыбкой глядя на склонившегося перед ней демона.

Они все трое стояли перед входом во дворец, готовые к дальнему пути. Накануне Чаньэ долго беседовала с Повелительницей. Тётя была необычно ласкова с ней последние дни. Сегодня, перед долгой разлукой, Чаньэ было грустно. Она покосилась на Линя: он выглядел счастливее, чем за все последние годы, глаза блестели, и довольная улыбка не сходила с его лица. Чаньэ тихонько вздохнула и перевела взгляд на высокую фигуру Наставника. Почувствовав, Сян Лю бросил на неё быстрый взгляд. Он хотел было что-то сказать, но в этот момент из снежного облака проявилась фигура Повелительницы.

Её серебряные волосы развевались, словно ледяной туман, а голос звучал мягко:

— Я вижу, вы готовы начать свой путь.

Она подошла ближе и, подняв ладонь, провела ею перед собой. В воздухе вспыхнула тонкая снежная линия, очерчивая силуэт огромного морского змея, сверкающего драгоценностями.

— Прежде чем отправиться в мир людей и исполнить завещание моего брата, вам нужно обзавестись драгоценностями, тем, что ценят в мире смертных и богов. В глубинах южного океана живёт Лун Ван, хранитель сокровищ. Он уже знает, кто ты, Сян Лю, я отправила ему весточку, и зачем вы придёте. Он ждёт вас.

Сян Лю молча кивнул и поклонился.

— И запомни, — она посмотрела прямо на него. — Мир смертных хрупок, и вмешательство могущественных существ вроде нас может привести к бедствиям.

Она перевела взгляд на Чаньэ:

— И ты, дитя моё, мир, в который ты отправляешься, отличается от того, что ты знаешь. Ты должна учиться. Смотреть. Чувствовать. Не судить по первому взгляду. Не всякая доброта искренняя, не всякая враждебность злая. Ты сильна, но сила без понимания ведёт к беде.

Повелительница снова повернулась к Сян Лю и сказала уже тише, с ноткой тоски:

— Ты уже жил в мире смертных, пусть и под другим именем. Ты был Фан Фэн Бэем и Сян Лю. Помнишь ли ты это? Используй свои воспоминания. Они помогут тебе стать тем, кем ты должен.

Она сделала шаг назад и посмотрела на всех троих:

— Идите. Когда придёт время, путь сам откроется перед вами.

Она обняла Чаньэ, прижала её к себе на мгновение, затем сдержанно кивнула Сян Лю. Он, опустившись на одно колено, склонил голову в почтении. Слова были лишними. В следующее мгновение снежная буря закружилась вокруг них, будто сама стихия прощалась, пропуская воздух шёпотом древнего заклинания. Всё вокруг завертелось, задрожало, и, словно после выдоха холода, дворец исчез. Ни входа, ни следа, лишь снежные горы, белые равнины и ледяной ветер.

Чаньэ стояла, растерянно глядя в то место, где только что был дворец. Она машинально протянула руку, словно надеясь прикоснуться к воспоминанию, но тут же опустила её. Её изумрудные глаза поднялись на Сян Лю. В них блеснули слёзы от неизбежности расставания с тем, что было её домом несколько десятилетий. Сян Лю промолчал, но слегка приобнял её. Линь, не сказав ни слова, уже принял свою истинную форму. Его величественное тело сияло мягким светом под тусклым небом, а белоснежные перья переливались голубыми отблесками. Он мягко коснулся клювом края плаща Чаньэ, призывая в путь.

Сян Лю с Чаньэ взлетели на спину Линя. Гигантская птица встряхнула крыльями и с мощным порывом ветра взмыла в небо. Они уносились прочь от ледяного царства, прочь от северной тишины, к югу, туда, где тёплые течения хранили тайны, а на дне океана ждал Лун Ван, хранитель несметных богатств. Они летели на юг, ближе к жизни, прочь от ледяной тишины.

Глава 2. «Старец Южного моря.»

Они летели долго над зеркальной гладью океана, над чередой гор, чьи вершины были укрыты вечными снегами. Воздух становился то холодным, то тёплым и напоенным ароматами цветущих долин. Когда они пролетали над просторами Дахуана, лицо Сян Лю, казалось, стало ещё бледнее, а в его глазах отразилась невысказанная тоска, словно земля внизу хранила воспоминания, которые он не желал тревожить. Чаньэ заметила эту перемену, но промолчала.

Вскоре снова потянулись горные хребты, а затем перед ними распахнулось бескрайнее тёплое южное море, переливающееся бирюзой под лучами солнца. Линь, до сих пор неутомимо несущий их на своей спине, спикировал вниз и, зависнув над самой поверхностью воды, принял человеческую форму. Он не обладал способностью дышать под водой, как Сян Лю и Чаньэ, но на его шее висела сердцевина демона-рыбы, редкий артефакт, который Сян Лю добыл для него с морского дна во время короткой остановки на их пути.

— Готовы? — спросил Сян Лю, взглянув на своих спутников.

Получив в ответ кивки, он первым нырнул в глубину. Вода расступалась перед ним, будто признавая древнюю силу демона. Чаньэ и Линь последовали за ним, погружаясь в сумрачные глубины, где солнечный свет преломлялся и рассыпался на тысячи мерцающих лучей.

Они опустились на дно океана, где их уже ждала почётная стража Лун Вана: воины с хвостами морских змеев и глазами, мерцающими, словно жемчуг в лунном свете. Безмолвно они сопровождали троих гостей сквозь таинственные водовороты и коралловые тоннели, загадочно светящиеся подводным сиянием, к величественному дворцу на самом дне. У входа в чертоги Владыки Лун Вана формация древних символов удерживала воду снаружи, создавая внутри пространство, где можно было дышать и двигаться свободно.

Лун Ван встретил их в огромном зале, напоминающем застывшую морскую пещеру. Стены из розового коралла отливали перламутром, словно внутренности гигантской раковины, потолок покрывали люминесцентные водоросли, испускавшие мягкое сияние, а в воздухе плыла нежная музыка: прекрасные русалки с полупрозрачной чешуёй играли на цине

мелодии древнего моря. Старец восседал на троне из переплетённых раковин и кораллов, его длинная серебристо-голубая борода струилась, подобно водорослям, а глаза сверкали мудростью и затаённой грустью, присущей лишь тем, кто видел рождение и гибель эпох.

Сян Лю, Чаньэ и Линь отвесили глубокий поклон, соблюдая древний этикет.

— Я знаю, кто вы и зачем пришли, — заговорил Лун Ван голосом, напоминающим шум прибоя. — Девятиглавый демон, прекрасная дочь моего старого друга и ты, Белый орёл.

Старец медленно поднялся с трона и спустился на несколько ступеней, чтобы лучше рассмотреть гостей. Его взгляд задержался на Чаньэ, и в глазах промелькнула тень узнавания.

— За эти долгие годы, Чаньэ, ты из девочки превратилась в необыкновенно красивую девушку, — произнёс он с теплотой в голосе. — В тебе течёт древняя кровь, дитя.

Её длинные белоснежные локоны ниже пояса, её огромные изумрудные глаза, обрамлённые бархатными чёрными ресницами и тонкими бровями, а её нежное фарфоровое личико напоминали богиню, сошедшую с Небес.

Чаньэ смущённо склонила голову, не привыкшая к таким прямым комплиментам.

Потом Лун Ван перевёл взгляд на Сян Лю, и его лицо стало серьёзным, словно он видел не только внешнюю оболочку, но и самую суть девятиглавого демона.

— Теперь, если позволите, я хотел бы поговорить с ним наедине, — произнёс он, указав на Сян Лю.

Две русалки с длинными перламутровыми хвостами мягко подплыли к Чаньэ и Линю и жестом пригласили их следовать за собой. Чаньэ бросила короткий взгляд на Сян Лю, получила едва заметный кивок и позволила увести себя в глубину дворца, в богато украшенные покои для отдыха путников.

Когда они остались вдвоём, Сян Лю подошёл ближе к трону. Старец сел и долго смотрел ему в глаза, словно пытаясь прочесть в них ответы на вопросы, которые ещё не были заданы.

— Я вижу холод в твоём сердце, — начал Лун Ван, неторопливо оглядывая демона. — Ты жесток к врагам и нетерпелив в битвах. Сколько крови пролилось от твоей руки... сколько жизней оборвалось.

Сян Лю не дрогнул и не отвёл взгляда, он не отрицал своей природы.

— Но, — продолжил старец с неожиданной мягкостью, — ты приютил в своём сердце нескольких людей, и именно это говорит мне, что ты достоин той силы, которая тебе доверена. В тебе есть то, чего нет во многих: чистое, верное сердце, способное любить.

Лун Ван поднялся с трона и подошёл ближе, его дыхание напоминало морской бриз. Глаза его, подобные глубоким заводям, смотрели проницательно:

— Ты знал женщину, которую звал матерью, хоть она тебя не родила. Её любовь стала твоим первым теплом, стержнем, что не позволил тьме поглотить тебя полностью. Ты знал мужчину-воина, который спас тебя и принял как сына. От него ты узнал, что такое честь и верность не на словах, а на деле, в крови и пламени сражений.

Лун Ван сделал паузу, словно собираясь с мыслями, затем добавил тише:

— Ты также знал любовь к женщине, ради которой ты смог отказаться от неё, чтобы сделать её счастливой с другим. Ты умеешь жертвовать. Это значит, что ты способен не только разрушать, но и созидать, сколь бы ни была разрушительна твоя природа.

Сян Лю молчал, но лёгкая тень промелькнула по его лицу. Старец затронул самые глубокие струны его души, раны, что никогда не заживают полностью.

Лун Ван сделал паузу, и его голос стал мягче, словно он говорил не только с демоном, но и с младшим собратом, нуждающимся в совете:

— Но теперь ты возвращаешься в мир людей и богов после долгого отсутствия. Там всё иначе: алчность, зависть, страх и ложь правят многими сердцами. Ты хочешь жить среди них как демон? Как божество? Ради этого ты пришёл ко мне?

— Мой путь сейчас не ясен, — ответил Сян Лю, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность. — Но я должен выполнить обещание, данное Повелителю Драконов, и построить Школу бессмертных на горном хребте диких юго-западных гор. Там я должен обучать смертных и демонов познанию и пониманию этого мира, без войн и разрушений.

— Тогда слушай, — Лун Ван протянул ему перламутровый кубок, в котором мерцала капля глубинного света, похожая на звезду, заключённую в воду. — Я дам тебе то, что нужно для этого пути: золото, чтобы обеспечить свободу выбора; артефакты, способные защитить невинных; береги, что скроют твою истинную природу; и возможность жить в мире смертных, не тревожа их хрупкие разумы своей силой. Там, где эти богатства так ценятся, они откроют многие двери.

Старец посмотрел на Сян Лю с предостережением во взгляде:

— Но не забывай, богатство делает заметным, оно притягивает и зависть, и алчность других. А ты должен оставаться тенью, пока не обретёшь новую основу. Сян Лю умер на поле битвы, и мир должен так думать. Ты теперь должен взять новое имя и построить новую жизнь. Помни, — он посмотрел на него пронзительно, — Чаньэ не знает этого мира. Она будет учиться у тебя, видеть сквозь твои глаза. Не навреди ей своими тенями. Не пытайся изменить мир смертных. Просто живи. И иди туда, куда зовёт сердце, когда оно оттаёт.

Лун Ван медленно обошёл Сян Лю, словно изучая каждую грань его сущности, и демоническую, и божественную.

— Я вижу, ты всё ещё не обрёл цель, — тихо сказал старец. — Твой путь расщеплён между прошлым и будущим, как клинок с двумя лезвиями. У тебя есть сила, у тебя есть память, но нет направления. Ты словно корабль с могучими парусами, но без компаса.

Он медленно обернулся и указал в сторону огромного свитка, покоящегося на каменном пьедестале, окружённом мерцающими жемчужинами.

— Ты построишь Школу бессмертных там, где указано в свитке. Место силы, где сходятся потоки земной и небесной энергии. Там найдут прибежище те, чья душа жаждет истины и познания, а не власти и превосходства.

Лун Ван приблизился к Сян Лю и положил руку ему на плечо. Тихо, почти с печалью, словно вспоминая собственные потери, он произнёс:

— Набери учеников. Пусть они познают Путь истины, путь Дао и овладеют искусством совершенствования души и тела. Когда же познают внутреннюю истину и обретут совершенство, пусть спустятся в мир смертных. Пусть станут щитом для простых людей, чтобы защищать их от жестокости и несправедливости тех, кто использует силу во зло.

Он шагнул назад, и морская вода вокруг них заиграла мягким, переливающимся светом, словно отражая внутреннее сияние старца. Жемчужины на стенах зала засияли ярче, как звёзды в ночном небе.

— А пока... — добавил Лун Ван, протягивая руку, — возьми с собой дары: оружие, способное сокрушить зло; книги, хранящие мудрость тысячелетий; духи-хранители, что будут оберегать твой сон; и золото, что даст свободу выбора в мире людей. Не ради роскоши, а ради цели, поставленной перед тобой Повелителем Драконов.

Расставшись со старцем и получив его благословение, они покинули морской дворец через потайной проход, который вёл к самой поверхности. Всплыв, они оказались в тихой бухте, окружённой скалами, где их не могли увидеть случайные свидетели. Сян Лю, сжав в руке маленькую жемчужину, один из даров Лун Вана, призвал свою раковину-дом. Огромная перламутровая раковина материализовалась из воздуха и мягко опустилась на воду, слегка покачиваясь на волнах.

— Вперёд, — тихо сказал Сян Лю, помогая Чаньэ подняться на борт.

Раковина, повинаясь неслышному приказу своего хозяина, плавно заскользила по глади тёплого южного моря, оставляя за собой мерцающий след. Вода сверкала под лучами заходящего солнца, словно была усыпана тысячами мелких драгоценных камней. Всё вокруг дышало умиротворением: на горизонте рисовались размытые силуэты островов, небо окрашивалось в пурпурные и золотые оттенки закатного солнца.

Вскоре солнце скрылось за горизонтом, и на небе появилась полная луна, заливая море серебристым светом. Линь, утомлённый долгим путешествием и глубоководным спуском, уже давно уснул в глубине раковины, свернувшись клубком. В то время как Сян Лю и Чаньэ сидели на краю раковины, словно на палубе корабля, молча глядя вперёд. Перед ними стелилась лунная дорожка, серебристая и бесконечная, как сама ночь над их головами.

— Как прекрасно... — сказала девушка зачарованно, почти шёпотом, боясь нарушить величественную тишину.

Сян Лю медленно кивнул, не отрывая взгляда от горизонта, где лунная дорожка тонула в бесконечности океана и неба.

— Видя такие пейзажи... хочется жить, — проговорил он, и в тот же миг его сердце дрогнуло.

Эти слова. Он уже произносил их когда-то. В другой жизни, которая теперь казалась сном. Сидел вот так же, под полной луной, рядом с той, чьё имя до сих пор отзывалось болью в груди.

«Сяо Яо... Как мне забыть тебя? Как избавиться от этой тоски, что грызёт меня изнутри?»

Он тихо вздохнул, стараясь не выдать своих мыслей. Но Чаньэ, обладавшая чуткостью, присущей её роду, ничего не сказала, лишь повернулась к нему, чувствуя, что в его молчании скрывается что-то большее, чем просто созерцание ночной красоты. В глубине его глаз отражалась не только луна, но и тени прошлого.

Чаньэ молча смотрела на Сян Лю. Даже в лунном свете было заметно, что его сердце сейчас не здесь, не в этом моменте под южной звёздной ночью, оно блуждало где-то в лабиринтах памяти.

— Ты вспомнил кого-то? — негромко спросила она, не отводя взгляда от его профиля, чётко вырисовывающегося на фоне звёздного неба.

Сян Лю медленно обернулся. Лицо оставалось спокойным, как гладь озера, но глаза, те самые глаза, что видели века, войны и падения империй, выдали всё. Он долго молчал, словно решал, стоит ли говорить о призраках прошлого с той, кто только начинает своё путешествие в этом мире.

— Да, — наконец сказал он. — Девушку с глазами, как звёзды. Очень давно. Мы сидели вот так же, смотрели на небо и полную луну, и я сказал ей эти же слова.

Чаньэ тихо кивнула, будто ожидала такого ответа, её лицо не выразило удивления.

— Ты всё ещё её любишь? — спросила она простодушно, с той прямоотой, что свойственна лишь тем, кто ещё не познал горечи утраты.

Он слабо усмехнулся, и в этой усмешке было столько печали, сколько не выразить словами:

— Любовь не исчезает просто так, Чаньэ. Она превращается во что-то другое. Иногда она становится светом, что ведёт тебя во тьме. Иногда тенью, что следует за тобой повсюду. Иногда болью, что учит тебя ценить радость. Но она всегда остаётся частью тебя, как шрам на коже или узор на камне.

Чаньэ опустила глаза, вглядываясь в тёмную воду, что плескалась у их ног. Она была молода, ещё не познавшая того, о чём говорил Сян Лю. Её сердце ещё не знало, что такое любовь, ни её взлёты, ни её падения.

— Я тоже когда-нибудь кого-то полюблю? — спросила она вдруг, и в её голосе промелькнула неуверенность, словно она боялась и желала этого одновременно.

Сян Лю взглянул на неё пристально, затем его лицо смягчилось, и он произнёс с теплотой, которую редко кому позволял увидеть:

— Да, Чаньэ. Но пусть это будет не «когда-нибудь». Пусть это будет тогда, когда ты сама захочешь и будешь готова. Не торопись. Мир большой, и чувства приходят тогда, когда должны, не раньше и не позже. Нужно встретить правильного человека, того, кто увидит твою истинную душу. Тогда любовь принесёт радость и силу, а иначе обернётся тоской и страданиями, как незаживающая рана.

Она снова посмотрела на луну, обдумывая его слова. Они долго молчали, слушая, как волны мягко бьются о перламутровые бока их раковины и как Линь тихо посапывает во сне, видя, возможно, свои собственные сны о небесных просторах. Лунная дорожка всё так же вела вперёд, в неизвестность, в будущее, в новую главу их общего пути.

Утро встретило их ярким солнцем, которое ласково скользило по водной глади, играя бликами на волнах. Раковина-дом мягко покачивалась у берега небольшого острова, который они заметили на рассвете и решили сделать остановкой для отдыха. Остров казался крохотным зелёным раем посреди бирюзового моря, с белоснежными песчаными пляжами и пальмами, склоняющими свои кроны к воде.

Чаньэ, сбросив верхние одежды и оставшись в лёгком шёлковом платье, плескалась у берега, ныряя за яркими рыбами, которые мелькали в прозрачной воде. Она смеялась, будто была обычной девушкой, не носившей в себе силу древнего рода драконов. Её изумрудные глаза сверкали на солнце, капли воды искрились в длинных белоснежных волосах, а лёгкость движения выдавала искреннюю радость существования в этом моменте.

Сян Лю и Линь, оставшись на берегу, разожгли небольшой костёр прямо на песке, используя сухие ветки, собранные в глубине острова. Пойманная Чаньэ рыба уже шипела на самодельном вертеле, распространяя аппетитный аромат. Сян Лю добавил в огонь несколько духовных трав, которые всегда носил с собой, и их тонкий аромат вплетался в запах морского воздуха, создавая удивительное сочетание. Линь, вернувшийся к своей человеческой форме, что-то тихо насвистывал, беззаботно и весело, словно всё его существо отзывалось на это тихое счастье простых моментов.

Позднее, когда они расположились вокруг костра и стали есть горячую рыбу, Чаньэ, сияя от удовольствия, произнесла с искренним восторгом:

— Такая рыба вкусная только на островах. Наверное, из-за особого воздуха и соли!

Сян Лю не ответил словами, но его обычно холодный взгляд смягчился, глядя на её неподдельную радость. Этот момент простого счастья, казалось, согревал даже его вечно одинокую душу. Он доел молча, аккуратно отложил рыбью кость и поднялся:

— Я немного пройдуся, — коротко сказал он и направился вдоль линии берега, оставляя Чаньэ и Линя наслаждаться трапезой и отдыхом.

Песок под его ногами был тёплым и мягким, словно шёлк. Море тихо шептало свои вечные истории, спокойное и величественное в своей безграничности. Сян Лю шёл, не оставляя следов, с той лёгкой походкой, что свойственна лишь древним демонам и бессмертным. С каждым шагом он словно отдалялся не только от своих спутников, но и от тяжести прошлого, от воспоминаний о крови и сражениях. Здесь, вдали от дворцов и полей битв, казалось, что его прошлая жизнь была лишь дурным сном, от которого он наконец пробудился.

Тем временем на берегу Чаньэ, завершив трапезу, легла на тёплый песок рядом с Линем, который уже растянулся, подставив лицо солнцу. Она глубоко вздохнула, наслаждаясь моментом абсолютного покоя:

— Как же хорошо... Я и не думала, что можно вот так просто лежать, ничего не делать... и быть такой счастливой.

Линь приоткрыл один глаз, лукаво ухмыльнулся:

— Это потому, что рядом нет ледяных бурь, и Сян Лю не гоняет нас с рассвета по утренним тренировкам. Наслаждайся, пока он не придумал какое-нибудь новое упражнение «для укрепления духа».

Они оба засмеялись, и их смех, лёгкий и беззаботный, унёс морской бриз над водой.

Солнце поднималось всё выше, наполняя утро золотистым сиянием. Жизнь казалась простой и понятной, как дыхание, как ритм волн, набегающих на берег. Однако Чаньэ вскоре притихла, задумчиво глядя в сторону, куда ушёл Сян Лю, словно пытаясь разгадать загадку, которую он носил в себе.

— Он и правда так сильно её любил? — почти шёпотом спросила она, не отрывая взгляда от горизонта.

— Любил, — кивнул Линь, глядя в небо, где парила одинокая чайка. — Настолько, что даже не просил ничего взамен. Только чтобы она была жива и свободна, даже если эта свобода означала быть с другим. Она была его слабостью.

Чаньэ молчала, обдумывая услышанное. Её сердце странно сжалось: впервые она почувствовала, как многослойна может быть тоска, как глубоко могут быть спрятаны чувства под маской холодного безразличия.

— Она всё ещё жива? — спросила она после паузы, словно это имело значение для понимания Сян Лю.

Линь отвернулся, его лицо стало серьёзным:

— Жива или нет, какая теперь разница. Они всегда были из разных миров. Соединение их путей было временным, как встреча луны и солнца во время затмения. И не стоит тебе об этом думать слишком много, Чаньэ. У каждого свой путь. У тебя тоже. Не пытайся нести его боль, у тебя будет достаточно своей.

Чаньэ не стала больше расспрашивать, уважая границы чужих тайн. Вместо этого она снова посмотрела на сверкающее море, такое спокойное и вечное. Волны плескались на берегу, не зная ни боли, ни памяти, ни сожалений. Они просто были в вечном движении, в вечном возвращении.

Закат окрасил небо и море в глубокие оттенки пурпура и золота. Сян Лю сидел у костра, который они разожгли с наступлением сумерек. В его руках был кусок нефрита, который он неторопливо обтачивал своим демоническим когтём с использованием духовной силы, придавая ему форму. Чаньэ, вернувшаяся с берега, где собирала раковины, подошла неслышно, как умеют только те, в ком течёт кровь драконов.

— Наставник, — она присела рядом на песок. — Почему ты так часто молчишь?

Он не сразу поднял взгляд, словно собирался с мыслями для ответа на такой простой, но глубокий вопрос.

— Так устроены те, кто много видел, — ответил он после паузы, продолжая работать над нефритом. — Иногда слова становятся лишними. Молчание говорит больше, чем тысячи слов.

— Когда ты молчишь, мне становится тревожно, — призналась Чаньэ. — Будто всё вокруг становится холоднее, словно зимний ветер пробирается в самое сердце.

Он усмехнулся, но без обычной горечи:

— Ты дракон, Чаньэ. Неужели тебе может быть холодно от простого молчания?

— Я не про тело... — она коснулась груди. — Здесь холодно. Но когда ты рядом, мне спокойно. Наверное, так чувствуют себя рядом с родными, защищёнными даже от собственных страхов.

Она добавила почти шёпотом, глядя на огонь:

— Иногда мне хочется, чтобы ты смеялся чаще. Когда ты улыбаешься, действительно улыбаешься, не ради вежливости, всё вокруг становится светлее. Словно лёд тает от солнца.

К ночи Чаньэ и Линь, утомлённые днём на солнце и морским воздухом, свернулись клубочками у угасающего костра, укрытые лёгкими покрывалами, которые Сян Лю достал из своего пространственного кольца. Они спали глубоко и безмятежно, словно дети, не знающие тревог.

Сян Лю же долго ещё сидел, глядя на звёзды и на лунную дорожку, что исчезала в тёмной глубине горизонта. Мысли, словно водоросли, цеплялись за камни прошлого, но уже не так болезненно, как раньше. Что-то менялось в нём медленно, незаметно, как приливы и отливы меняют очертания берега.

Он перевёл взгляд на спящую Чаньэ, чьё лицо в лунном свете казалось особенно нежным и незащищённым. Осторожно, чтобы не разбудить, он поправил плащ, укрывая её плечи от ночной прохлады, и тихо произнёс:

— Спасибо, что напомнила мне, что я жив. Что у меня есть не только прошлое, но и настоящее.

Он посмотрел на тёмный горизонт, где небо сливалось с морем. Прошлое осталось с ним, как шрам, как отметина на душе, но уже не как цепь, приковывающая к месту.

«Сяо Яо.... Я всегда буду тебя помнить. Но теперь не ты нуждаешься во мне. Теперь со мной Чаньэ и Линь. Они доверили мне свои жизни и будущее. Я не имею права жить только в тени воспоминаний.»

Он поднял голову к небу, где всё ещё светила полная луна, обливая мир серебряным светом:

«Завтра начинается новый путь. Я не позволю вам потеряться в этом мире, каким бы сложным он ни был.»

Солнце первыми лучами окрасило небо на востоке, когда Сян Лю открыл глаза, выходя из состояния глубокой медитации, в которой провёл последние часы ночи. Он плавно поднялся на ноги, чувствуя, как энергия моря и острова течёт через него, наполняя силой. В тот же миг он услышал за спиной голос Чаньэ:

— Доброе утро, Наставник.

— Доброе утро, Чаньэ, — ответил он, и в его голосе прозвучала теплота, которая раньше была редкостью.

Линь, всё ещё полусонный, пробормотал, потягиваясь:

— Неужели уже утро и опять в путь? Я только-только привык к этому райскому острову...

Сян Лю усмехнулся, и эта усмешка была уже не горькой, а почти весёлой:

— Нам надо поспешить. Не стоит растягивать путь, который уже начертан в книге судеб. Чем скорее мы достигнем горного массива, тем быстрее сможем начать строительство Школы.

Чаньэ, словно поймав его настроение, радостно кинулась к воде:

— Тогда я пойду наловлю рыбы на завтрак, прежде чем мы отправимся.

Сян Лю проводил её взглядом, и на его лице промелькнула настоящая улыбка, редкая, как драгоценный камень, и такая же ценная. Он смотрел на своих спутников и понимал: теперь у него есть за что бороться и ради чего жить. Чаньэ и Линь нуждались в его защите и руководстве, но, возможно, ещё больше он нуждался в них, в их непосредственности, в их доверии, в их способности радоваться простым вещам.

Вскоре раковина-дом уже скользила по волнам, унося их с острова. Их путь лежал на юго-западный горный массив, где, согласно указаниям Лун Вана, они должны были основать Школу бессмертных. Линь, принявший форму белого орла, взмыл в небо, скрываясь среди облаков, разведчик их маленького отряда.

Путь только начинался. А вместе с ним и новая глава в их странствиях, уже не бегство, не скитание, а движение к цели. К месту, которое они смогут назвать домом.

Глава 3. «Янь Шань».

Чем ближе Сян Лю и Чаньэ, сидевшие на широкой спине парящего Линя, подлетали к горам Цзюи, тем величественнее они становились. С юга эти горы выглядели словно застывшие волны неведомого океана, безбрежные, древние, пронизанные дыханием самого неба, хотя Линь летел высоко, так что даже облака плыли внизу. Когда под ними раскинулся горный хребет, орлу пришлось набрать ещё больше высоты: пики, будто копья титанов, пронзали небеса.

Внизу открывались картины неземной красоты. Острые вершины, укрытые серебром снега, глубокие ущелья, где клубился туман, сверкающие реки и водопады, что падали со скал, как потоки расплавленного света. Между скал мерцали озёра с изумрудной водой, отражавшие солнце, словно зеркала богов.

Линь повернул на запад, следуя вдоль хребта. Горы вставали одна за другой, словно бесконечная стена древних стражей, а между ними извивалась широкая река, сверкая подобно змею из чистого нефрита.

— Это горы Цзюи и Бофу, — сказал Сян Лю, перекрикивая ветер. — А на севере от нас лежит Дахуан.

Когда-то он уже бывал здесь, на самой загадочной из гор Цзюи, горе Лунтоу Шань. Там жили древние демонические племена, чья кровь помнила времена до богов. Самым странным среди них было племя Джиу Ли, ведомое Королём Вуду, чья магия вуду могла свести с ума даже богов, как и познания в области природных ядов. Магии Вуду боялись боги, ибо в ней было что-то чуждое самим законам Неба.

Наконец, одна из гор показалась Сян Лю, та, что была отмечена на свитке. Он похлопал Линя по спине:

— Спускайся. На ту вершину.

Линь послушно начал снижение. Воздух вокруг загустел, ветер ударил в лицо ледяным дыханием, и вскоре огромный орёл мягко коснулся лапами камня. Его крылья сложились, и он опустился на пике одной из гор.

Горный массив Цзюи испокон веков считался границей мира. Они тянулись между Дахуаном, отделяя Великую пустошь по юго-западной границе от другого мира, и за тысячелетия так и не стали частью ни одного царства. Ни великие правители Шэнь Нун, ни императоры Хаолина, ни даже Жёлтый Император Хуанди, покоривший половину Поднебесной, не смогли подчинить их своей воле. Цзюи принадлежали лишь себе и ветрам, что вечно кружили над их вершинами.

Когда они ступили на камень, воздух вокруг словно дрогнул. Ветер, до этого свободно гулявший между скал, вдруг стих, будто сами горы прислушались. Казалось, древний дух пробудился, не злой, но настороженный, наблюдающий за пришельцами с высоты тысячелетий.

Сян Лю сделал шаг вперёд. Под его ногами пробежали тонкие трещины, из которых поднялся лёгкий пар, дыхание горы, древнее и тёплое, пахнущее металлом и дождём. Над вершиной завихрились облака, и в их очертаниях на миг можно было различить фигуры, то ли птиц, то ли духов, охраняющих тайны этого места.

Линь, уже в человеческом облике, расправил плечи. Его глаза отражали небо, и в них мерцал тот же свет, что и в снежных вершинах. Он чувствовал тихое биение магии, струящейся сквозь землю, камень и воздух.

— Эти горы помнят всё, — произнёс он негромко. — Здесь время не умирает, оно спит.

Чаньэ стояла рядом, глядя на море облаков, разлитое под ними. Ветер касался её волос, будто играя, и каждый его порыв приносил шёпот.

Сян Лю смотрел вдаль. Где-то за горизонтом, скрытые туманом, лежали земли Дахуана, беспокойные, населённые смертными, демонами и богами. Там, где он прожил долгие годы, где убивал и был убит.

Горы Цзюи дышали рядом, медленно, тяжело, с безмолвным величием. И каждый их вдох звучал как напоминание: даже бессмертные должны склонить голову перед тем, что древнее самих богов.

— Давай осмотримся здесь, — произнёс Сян Лю, оглядывая просторную вершину. — Долина достаточно широка, чтобы разместить здесь здания и павильоны школы. К тому же, не слишком высока, ведь нужно подумать о тех, кто ещё не владеет духовной силой или не постиг искусства полёта на мечях.

Чаньэ, между тем, уже носилась по поляне, смеясь и гонясь за радужными бабочками. Она собирала цветы, вдыхая их аромат, и волосы её развевались на ветру, словно лучи весеннего солнца. Поляна была просторна, за ней начинался густой лес, где деревья вздымались как столбы из нефрита, а неподалёку журчала быстрая горная река, переливаясь серебром. Где-то в глубине ущелья гремел водопад, и его звон сливался с пением птиц.

После долгих лет, проведённых на Дальнем Севере среди вечных льдов, Чаньэ будто заново родилась. Каждое дуновение ветра, каждый цветок, каждая песчинка земли были для неё откровением. Весна казалась чудом, и она впитывала её всей душой.

Сян Лю подошёл к краю обрыва. Перед ним раскинулся бескрайний пейзаж: долины и реки, змейкой бегущие меж горных хребтов. На севере виднелись земли Дахуана, покрытые дымкой, словно сам воздух не желал раскрывать их тайны.

Он вздохнул. Рано или поздно им придётся туда вернуться. В Империю Дахуан, туда, где когда-то всё началось. Придётся пройти по знакомым местам, спустя более ста лет.

Сто лет... Прошло сто лет с того дня, как магия Повелителя Драконов вдохнула в Сян Лю жизнь, когда всё казалось закончилось. Он вернулся сильнее, могущественнее, с духовной силой демона и кровью десяти тысячного дракона. Но за вторую жизнь всегда платят, и его плата была миссией.

Здесь, среди диких гор, он должен будет возвести школу в духе древних школ бессмертных, где ученики идут по пути Дао, учатся познавать истину через совершенствование. Ведь школы Дао были не просто местами учения, они были вратами между смертным и бессмертным, где каждый шаг вперёд был шагом внутрь самого себя. Здесь наставники не столько учили, сколько открывали в ученике путь его собственной природы. Ведь Дао нельзя навязать, его можно лишь пробудить.

Им предстояло найти учителей: алхимиков, что познают тайны эликсиров, мастеров медицины, способных лечить не только тело, но и дух; воинов, что овладели путём меча и путём слова; знатоков рун и амулетов, кующих связь между энергией Неба и человеческой волей.

Это была задача не из лёгких. Сян Лю всегда совершенствовался в одиночестве. Как уникальный демон, он уже родился с десятью корнями духа, совершенствовался в одиночестве путём ядов и холода. Теперь же, обретя силу Повелителя Драконов, он владел огромной силой, способной уничтожить землю и сотрясти Небеса. Сила, которая требовала от него постоянного контроля.

Линь подошёл ближе. На его лице играли тени облаков.

— Хозяин, — произнёс он. — Что думаешь?

За эти годы Линь тоже изменился. Изучая древние свитки и заклинания, он постиг искусство духа и речи, научился быть человеком, и в его взгляде теперь мерцало то же понимание, что и в глазах наставника.

Сян Лю опустился на одно колено и приложил ладонь к земле. Камень под пальцами был холоден, но под его поверхностью чувствовалось мягкое, едва заметное пульсирование, будто в недрах горы билось сердце.

— Здесь проходят сильные духовные жилы, — произнёс он. — Земля насыщена энергией, но её течение беспорядочно, словно зверь, которого нужно приручить.

Он прикрыл глаза. Вокруг него постепенно стихли все звуки: ветер, журчание реки, даже шум водопада будто отошёл в даль. Мир сжался в один миг, только он и дыхание горы. Сян Лю поднял руку, и между пальцами вспыхнул слабый голубоватый свет. Ци дрожала, как пламя свечи, потом растеклась по воздуху, превращаясь в тонкие серебристые нити. Они потянулись к земле, впитываясь в неё, пробуждая древние узоры, скрытые веками.

Постепенно из-под камня проступили линии, словно корни света, расходящиеся от точки, где стоял он. Каждая линия текла в своём направлении, соединяясь с источниками воды, с ветром, с самой жизнью леса. Это было дыхание Неба и Земли, соединённое в единое целое.

Чаньэ замерла, наблюдая, как на земле проступает узор. Её глаза широко раскрылись, когда линии, переплетаясь, образовали огромный круг, знак древнего Символа Пути.

Линь стоял рядом, и его лицо освещалось бледным сиянием. В груди у него отзывалась вибрация этой силы, она входила в кости, в кровь, в самую душу.

Сян Лю медленно открыл глаза.

— Вот здесь будет главный павильон, — сказал он. — В сердце линии ци. Здесь мы возведём Храм Пути. Пусть энергия горы течёт сквозь него и питает всех, кто будет учиться понимать Дао.

Он выпрямился. Свет вокруг начал угасать, но в воздухе всё ещё ощущалось что-то, лёгкий звон, как эхо чьего-то далёкого дыхания.

— Мы пробудили гору, — тихо сказал Линь. — Она примет нас.

— Или испытает, — ответил Сян Лю с лёгкой улыбкой. — В этих землях даже камни помнят волю духов.

Он посмотрел вдаль, туда, где сквозь облака пробивались солнечные лучи. И словно в ответ на его слова ветер прошелестел по вершине, подняв вихрь лепестков, как благословение или предупреждение.

Сян Лю встал, и его взгляд стал сосредоточенным, словно вся гора, небо и ветер теперь существовали лишь для одной цели.

— Чтобы школа могла стоять века, ей нужна защита, — произнёс он. — Барьер, что соединит гору с небом, дух с плотью, жизнь с вечностью.

Он поднял руку, и воздух вокруг дрогнул. Ветер завертелся спиралью, поднимая в воздух мелкие камни, сухую траву и лепестки. Из его ладони вспыхнули семь светящихся символов, руны Великого Закона, каждая отражала одну из стихий: Воду, Огонь, Землю, Металл, Дерево, Свет и Тьму. Они закружились вокруг него, словно семь звёзд вокруг древнего солнца.

— Формация Небесного Круга, — произнёс он.

Ци из его тела рванулась наружу, рассыпаясь по ветру, и Линь, не колеблясь, последовал его примеру. Чаньэ закрыла глаза и направила свою энергию, мощную, мягкую, светлую, как дыхание весны.

Воздух сгустился. Гора загудела низким голосом, будто просыпалась из тысячелетнего сна. Из трещин в камнях вспыхнули лучи: золотые, лазурные, зелёные. Они переплетались, поднимались вверх, соединяясь в сияющий купол, что окутал всю вершину.

Сян Лю сделал шаг вперёд и вытянул обе руки. Голос его стал гулким, как будто говорил он не один, а вместе с самим Небом:

— Небо над, Земля под, дух в центре, соединитесь в одно! Пусть это место станет местом Пути!

На миг всё погрузилось в безмолвие. Потом из самой глубины горы донёсся глухой звук, как удар сердца. В тот же миг по вершине пронёсся всплеск света, и купол формации окончательно сомкнулся. Внутри стало тихо, настолько, что даже дыхание казалось громким.

Чаньэ огляделась, и глаза её засияли. В воздухе мерцали частицы света, мягкие, как падающие снежинки.

— Это... как будто гора дышит вместе с нами, — прошептала она.

— Так и есть, — ответил Сян Лю. — Теперь мы едины с ней. Эту формацию можно разрушить только изнутри, когда исчезнет вера тех, кто её создал.

Линь кивнул, глядя на светящийся купол, который с каждым мгновением становился прозрачнее, пока не растворился в воздухе, сливаясь с небом.

— Теперь у нас есть дом, — сказал он тихо.

Сян Лю улыбнулся.

— Дом не стены и не крыша. Это место, где мы вместе.

Ветер пронёсся над горой, рассыпая свет, и казалось, что сама Янь Шань одобрила их.

— Теперь можем подумать, где проведём первую ночь, — сказала Чаньэ, шурясь на горизонт. — Я чувствую... тут неподалёку есть пещера.

Она закрыла глаза и коснулась ладонью земли. Словно сама порода отзывалась на её зов, под кожей ощущалось лёгкое дрожание, будто камни шептали о своих тайных трещинах и пустотах. Чаньэ выросла среди скал и умела чувствовать гору, как живое существо.

Перевернув ладонь, она создала небольшой светящийся шар, он вспыхнул мягким зелёным сиянием и, послушно взлетев в воздух, полетел в сторону леса, освещая путь.

Они пошли следом. Лес встретил их густым ароматом хвои и смол, влажным воздухом и звуками. Капля падала с листа на лист, вдалеке переговаривались ночные птицы. Свет шара отражался в каплях росы, словно в них прятались маленькие духи.

И вскоре, как и предчувствовала Чаньэ, они наткнулись на массивную скалу, изрезанную прожилками белого кварца. Среди каменных глыб тёмным зевом чернел вход. Будто сама гора открыла им врата.

Они вошли внутрь, и перед ними открылась просторная пещера. В её центре тихо плескалось небольшое духовное озеро. Вода сияла изнутри мягким изумрудным светом, а от поверхности поднимался густой пар, переливающийся радужными оттенками.

Чаньэ подбежала, опустила ладонь в воду и вспыхнула радостью:

— Наставник! Она горячая и полна духовной силы! Это целебный источник! Нам невероятно повезло!

Сян Лю приблизился и, глядя на воду, чуть улыбнулся. Ци источника струилась ровно, глубоко, чистая, без искажений, словно сердце самой горы било здесь, под землёй.

По кругу от озера расходились два прохода, ведущие в небольшие пещеры. Их стены были гладкими и тёплыми на ощупь. Одна могла стать местом для отдыха, вторая служила хранилищем или местом для медитаций. Из потолка свисали сталактиты, на которых блестели капли, отражающие свет озера как звёзды в миниатюре.

Чаньэ развернула ладонь и выпустила из неё струйку пламени. Маленькие духовные огни вспыхнули вдоль стен, озаряя пещеру мягким золотистым светом. Затем она раскрыла пальцы, и из них вылетела стая светляков-духов, крошечных существ, похожих на живые искорки. Они закружились над озером, отражаясь в воде и превращая её в мерцающее море света.

— Наставник, какая красота! — воскликнула Чаньэ, глаза её сияли от восторга.

Сян Лю смотрел на неё с лёгкой улыбкой. После долгих лет холода и битв, бесконечного одиночества, это место, рядом с Чаньэ и Линем, казалось даром судьбы.

— Пусть эта пещера станет нашим первым прибежищем, — тихо сказал он. — Здесь начнётся история нашей школы.

Свет от духовных огней мягко колебался на стенах, а за пределами пещеры ветер шептал сквозь деревья, будто сама гора благословляла их первую ночь.

— Одну пещеру займём мы с тобой, — сказал Сян Лю, обращаясь к Линю. — Вторая пусть будет для Чаньэ. Пока переночуем здесь. А пока... — он окинул взглядом тёплую пещеру и тихо добавил, — надо подумать, что тут можно найти перекусить. В реке наверняка есть рыба, а в лесу водится дичь.

— Я наловлю рыбы! — радостно перебила его Чаньэ, подскочив к ним. — Только я не хочу спать в пещере одна! Наставник, можно я с тобой или с Линем!

Линь тяжело вздохнул. Его лицо, обычно спокойное и уравновешенное, выразило что-то среднее между усталостью и смирением.

С тех пор как они покинули Дальний Север, Чаньэ вела себя иногда, как ребёнок. Ни увещевания Сян Лю, ни его туманные объяснения о правилах между мужчинами, женщинами, богами и смертными не помогали.

Сян Лю редко спал, скорее погружался в состояние, где границы между медитацией и сном стирались. Его сознание всегда оставалось настороже. А вот Линь спал глубоко, как обычный бессмертный, и потому почти каждое утро, с тех пор как они покинули Север, обнаруживал Чаньэ у себя под боком, тихо сопящую, укрывшуюся его плащом. Он был не против, скорее растерян. За три сотни лет, прожитых среди смертных, Линь многому научился: он служил Сян Лю, видел мир богов и людей, знал, что между мужчиной и женщиной есть черта, которой следует придерживаться. Для него Чаньэ была словно младшая сестра, беспечная, светлая, нуждающаяся в защите.

Он даже не заметил, когда из той смешливой девочки, что тянулась к нему от одиночества, выросла юная девушка, с мягким взглядом огромных изумрудных глаз и лёгкой поступью, от которой воздух вокруг всё становился светлее.

Сян Лю был строг и требовал от Чаньэ держаться достойно, учиться сдержанности и уважению к границам.

— Ты останешься в своей пещере, — сказал он мягко, но с той холодной твёрдостью, от которой даже Линь чуть выпрямился. — Свет от духовного озера будет тебе защитой. Мы рядом.

Чаньэ опустила глаза, но в уголках её губ всё же мелькнула улыбка.

— Тогда я пойду ловить рыбу, наставник, — сказала она и, взмахнув рукой, выпустила в воздух нить духовного света, которая указала ей путь к реке.

Линь проводил её взглядом и тихо хмыкнул:

— Кажется, теперь она ловит не только играет в воде, но и на наших нервах.

Сян Лю чуть приподнял уголок губ.

Ветер из глубины пещеры принёс запах влажного камня и пара от источника.

Солнце склонялось к западу, заливая вершины деревьев густым золотом. Чаньэ, лёгкая и беззаботная, шагала к реке, словно сама была соткана из света и ветра. Под ногами хрустели мелкие веточки, в листве звенели птицы, а по корням сновали лесные зверушки, настороженно прислушиваясь к чужачке, но не чуя от неё зла. Она чувствовала себя частью этого мира, древнего и дышащего, здесь каждая ветвь отзывалась на её присутствие, словно узнавая дочь гор и туманов.

На берегу река блестела, как растянутая по камням лента небесного шелка. Девушка быстро скинула одежду и, не колеблясь, вошла в воду. Холод не имел над ней власти: её тело было напитано духовной энергией, и потоки ледяной воды лишь зазвенели вокруг неё, рассыпая радугу брызг. Смеясь, Чаньэ нырнула, её длинные волосы разошлись по поверхности серебряным шёлком, отражая солнце.

Тем временем Линь, унося лук за спиной, растворился в лесной чаще. Его силуэт мелькнул между деревьями, и вскоре послышался лёгкий шорох, указывающий на удачную охоту. Сян Лю остался в пещере и занялся делом. Под его руками пространство постепенно преобразилось: из камня и воздуха, из ветра и духовного света возникали простые, но прочные деревянные настилы, низкий стол, три циновки. На стенах загорелись мягкие духовные фонари, их голубоватое сияние наполнило пещеру теплом.

Для Чаньэ он выделил отдельную нишу у озера. Там воздух был мягче, а вода светилась особенно ярко, отражая нежные волны света. Сян Лю создал для неё постель с пушистыми одеялами, поставил столик и стул, всё, что нужно для краткого уединения и сна.

Когда он вышел наружу, день клонился к вечеру. Воздух был наполнен ароматом хвои и влаги. Линь уже вернулся. У его ног лежали две утки и пара зайцев, очищенные и разделанные духовной силой. Рядом потрескивал костёр, языки пламени тянулись вверх, отражаясь в глазах. Он закрепил туши на тонких ветках, чтобы поджарить их равномерно, и магическим движением усилил жар, придавая пламени ровный, алый свет. И тут из леса появилась Чаньэ. Её волосы, ещё влажные, касались спины, а в рукавах одежды блестели капли воды. С улыбкой она подошла к костру, встряхнула рукав, из него с тихим всплеском выскользнули три крупные рыбины, за ними покатались несколько блестящих лесных плодов.

— Наставник, у нас намечается настоящий пир! — весело воскликнула она, глаза её сияли, как две звезды.

Сян Лю улыбнулся ей, мягко и тепло. Мир будто на мгновение стал таким, каким был до всех бурь и войн: простым, живым и бесконечно прекрасным.

Еда показалась им необыкновенно вкусной. Не из-за приправ, не из-за мастерства готовки, а, пожалуй, из-за самой тишины, лёгкой и доброй, которая опустилась вокруг них. Воздух был густ от духовной силы, земля здесь дышала живыми жилами, свет уходящего солнца ложился на траву золотым покрывалом, а в кронах деревьев тихо переговаривались птицы. Казалось, что само небо благословило их короткий покой.

Чаньэ сидела рядом с наставником, осторожно наливая ему в чашу горячий настой из трав, найденных у духовного озера. Она делала это с трепетной заботой. За годы странствий она привыкла: Сян Лю был человеком не из тех, кто говорит много. В нём всегда было что-то недосказанное, холодное и опасное, будто он и сам боялся собственных мыслей. Он был суров и безжалостен, прежде всего к самому себе. В нём не было мягкости, но была странная честность, от которой нельзя было отвести взгляд. И всё же Чаньэ давно заметила: для двух людей в этом мире Сян Лю делал исключение, для неё и для Линя. Может, он сам этого не осознавал, но его взгляд иногда теплее задерживался на них, его голос становился мягче, когда он отдавал распоряжения. Теперь же, в этот вечер, она ощущала, что-то в нём менялось. Не резко, не видимо, но словно трещина в вечном льду, тонкая, но живая. Его давняя тоска, та, что обвила его душу тысячелетним узлом, будто ослабла, отпуская на миг. Чаньэ задумчиво смотрела на него, не смея нарушить молчание. После их недавнего разговора, в котором впервые прозвучали слова о прошлом, о той женщине, которую он не мог забыть, в её душе поселилось беспокойство. Что это за чувство, любовь, если даже такой холодный наставник когда-то страдал из-за него? И что за долг может быть настолько велик, что способен затмить это чувство, но не уничтожив его?

Она не понимала. Слишком много всего хранил этот мир в своих тенях. Линь иногда пытался объяснять, спокойно, сдержанно, как старший брат, но она чувствовала: и он не до конца понимал, а может, просто не хотел касаться тех глубин, где слова становятся опасными. Ночь постепенно опускалась, и лишь треск костра, звонкий и ровный, соединял их троих с миром. Где-то вдали перекликались цикады, и духовное озеро мерцало в глубине пещеры, отражая небесные звёзды.

Весна на Янь Шань умела быть обманчивой: днём всё дышало теплом и жизнью, но стоило солнцу скрыться за снежными пиками, как горы снова становились суровы и холодны. Сян Лю, ощущая, как тонкий ветер стелется вдоль утёсов, усилил защитный барьер у входа в пещеру, пусть ни зверь, ни заблудший дух не приблизится этой ночью. Когда Линь и Чаньэ ушли отдыхать, он вошёл в горячий источник, окружённый лёгким паром. Вода была удивительно чистой, насыщенной духовной энергией; каждая её волна отзывалась в его теле, будто смывала усталость веков. Он закрыл глаза, погружаясь в медитацию. Вдруг в тишине раздался плеск и звонкий смех.

— Наставник! — голос Чаньэ прозвучал совсем рядом. — Здесь такая чудесная вода! Тёплая, живая... как будто сама земля поёт!

Он открыл глаза и замер. Сквозь пар, подсвеченный мягким светом духовных огней, к нему приближалась Чаньэ. На ней была лишь тонкая шёлковая рубашка, намокшая и почти прозрачная, а в её взгляде не было ни тени смущения.

— Чаньэ! — голос Сян Лю сорвался. — Выйди из воды. Немедленно!

Она удивлённо моргнула.

— Почему? Разве источник не для очищения тела и духа? Ты ведь сам здесь медитируешь. Разве я мешаю тебе?

Он отвернулся, чувствуя, как даже пар не способен скрыть его смущения.

— Ты не понимаешь... мужчина и женщина не могут находиться так близко, — сказал он, сдерживая дыхание.

Она подошла ближе, остановившись почти рядом, глядя на него с искренним непониманием.

— Но мы всегда рядом, Наставник! Разве это важно?

Сян Лю закрыл глаза, словно отсекая себя от реальности. Для неё всё было просто. Для него всё было мучительно сложно.

— Просто выйди!! Оставь меня одного, — наконец взмолился он, не поднимая взгляда.

Несколько мгновений она колебалась, а потом, всё ещё не понимая, почему наставник так странно выгоняет её, вышла из воды и обиженно надула губки. Ей так хотелось ещё поплескаться! Она даже не заметила, как промокшая шёлковая рубашка прилипла к телу, став почти прозрачной. Сян Лю мгновенно заметил и резко отвернулся, чувствуя, как в груди растёт смятение, смешанное с внезапной тревогой.

В воздухе остался лёгкий аромат цветов и пара, и только капли с её волос падали на камни, звуча, как отсчёт времени.

Лишь теперь он полностью осознал: Чаньэ больше не та маленькая девочка, что когда-то доверчиво взяла его за руку, выполняя приказ отца. Она выросла, стала юной девушкой, грациозной и прекрасной, словно цветок, распутившийся без всякого правила или этикета. И её естественная наивность лишь усиливала смятение Сян Лю.

Он глубоко вздохнул. Это была проблема. Проблема, которую придётся решить, и не через годы. Когда они построят павильоны школы и займются организацией, им предстоит спуститься в Дахуан, найти наставников и учителей, а лишь потом объявлять набор учеников. Это будет время, когда Чаньэ и Линь смогут пожить среди смертных, изучить их законы, обычаи и нравы. И тогда, возможно, у Чаньэ появится шанс увидеть мир не только глазами дочери

Повелителя драконов, верховного божества, но и как обычной девушки, найти подругу, понять дружбу, границы и собственное место в этом огромном мире. Сян Лю сжал кулак, обернувшись к источнику. На сердце было тревожно, но разум ясен. Всё это часть пути. И когда придёт время, он научит Чаньэ всему, что она должна знать, как наставник: дисциплине, мудрости и самоуважению. А пока она остаётся дитя гор, морей и льдов, светлое и свободное, пока ещё не готова к полёту среди правил мира смертных.

Утро было тихим и свежим. Едва забрезжил рассвет, Сян Лю разбудил Линя, и они принялись за работу. Лес ещё дремал, только первые лучи солнца коснулись вершин деревьев, окрашивая их в мягкий золотой свет. Скоро к ним присоединилась и Чаньэ, бодрая и полная энергии, с глазами, полными любопытства.

Сян Лю, стоя на краю будущего комплекса, поднял руку, и в воздухе вспыхнули мягкие линии духовной энергии. Они переплетались в сложную карту школы: павильоны, террасы, мостики между скалами, водные каскады, ступени, ведущие к учебным залам и залам медитации. Каждое строение будто было выточено из воздуха и света, а потом превращалось в прочный фундамент, с лёгким мерцанием духовной силы, что соединяла камни, древесину и кристаллы в гармоничное целое.

Павильоны были разной формы и назначения. Один, предназначенный для изучения боевых искусств, был высоким и широким, с открытой террасой для полётов на мечах и тренировок с духовной энергией. Другой, для алхимии и медицины, имел крышу из прозрачного кристалла, чтобы солнечный свет проникал внутрь, наполняя пространство живой энергией. Ещё один, для медитации и изучения Дао, с комнатами, выходящими на террасы с видом на горы, где ветер и туман сами становились учителями, напоминая о безграничности мира. Между павильонами Сян Лю задумал извилистые тропинки, мостики над ручьями и крошечные озёра, отражающие небеса, чтобы ученики чувствовали гармонию и связь с природой.

Теперь, когда у них была карта будущей школы, они, направив свои духовные силы, начали закладывать формации-фундаменты для каждого павильона. Даже работая до самого вечера, это занимало немало времени. Когда подготовительная работа была закончена, пришло время подумать, где найти мастеров, каменщиков и работников по дереву.

Духовная сила могла творить чудеса, но без рук умельцев строительство не завершить.

В одно ясное, солнечное утро он решил: пора спуститься в мир смертных.

— Мы слишком долго жили в облаках, — произнёс он тихо. — Настало время взглянуть на землю.

Он покрыл свои волосы лёгкой магией, превращая серебряные пряди в чёрные, а потом сделал то же самое с Чаньэ.

— Не стоит привлекать к себе излишнее внимание, — пояснил он.

Они облачились в простые одеяния даосов, а Линь оделся в наряд странствующего мастера меча. Призвав небесных скакунов, трое направились вниз, туда, где начинался мир смертных.

Глава 4. «Вот он какой, мир смертных.»

Северный склон юго-западных Цзюилийских гор был не таким, как суровые вершины северных гор. Здесь воздух дышал влагой и жизнью. Тёплые ветра, налитые ароматом цветущих камелий, поднимались от долин и раскачивали туманы, словно лёгкие вуали. Из-под скал струились серебряные ручьи, сбегавшие вниз, где за ними простирались густые леса, бамбуковые рощи и широкие террасы, залитые утренним солнцем.

С небесных скакунов они спустились, когда солнце уже золотило дальние облака. Перед ними раскрывалась долина. Мир смертных, полный звуков и красок. Там звенели колокольчики у храмов, доносился лай собак и смех детей, а вдоль дорог, обвитых плющом, струился аромат свежеваренного чая и риса на пару.

Чаньэ, ступив на землю, удивлённо замерла. Всё вокруг казалось ей невероятно живым: птицы, которые не боялись человека, животные. Она не понимала, почему Сян Лю был так осторожен, ведь здесь не было опасности, только жизнь.

Сян Лю же смотрел на долину иначе. В этом беспечном шуме он чувствовал зыбкость и тайные токи: смертный мир был слишком полон желаний, а значит, и соблазнов.

— Здесь всё кажется простым, — тихо сказал он, — но простота и есть самая тонкая маска.

Линь уже направился к дороге, ведущей в ближайшую деревню. Их путь начинался. Нужно было найти опытных строителей, смертных, демонов или мелких божков, кто владел ремеслом камня и дерева, чтобы продолжить возведение школы.

Так трое ступили в долину гор Цзюи, туда, где судьбы людей переплетаются с дыханием духов, где демоны, мелкие боги и смертные жили на одной земле.

Городок, в который они спустились, был словно ожившая миниатюра, крошечная, но полная движения, звуков и запахов. Каменные улочки петляли между домами с резными ставнями и красными фонарями под крышами. Откуда-то из переулка доносился аромат жареного теста и сладких бобов, дальше, терпкий запах чая на горных склонах.

По обе стороны улицы тянулись ряды лавок: торговцы выкрикивали цены, приглашая покупателей; где-то мальчишка гонял деревянное колесо, смеясь; у колодца старуха продавала лечебные травы, развешенные пучками на бамбуковой перекладине.

— Наставник, — снова позвала Чаньэ, дёрнув Сян Лю за рукав. — Посмотри, что это?

Она указывала на витрину с шёлковыми лентами, где девушки примеряли украшения в волосы. Её глаза сияли, как у ребёнка, впервые увидевшего чудо.

Сян Лю шёл рядом, стараясь не выдать улыбку. В этом шуме, в этой толпе было что-то беспечное и живое, и, несмотря на всю свою сдержанность, он чувствовал лёгкое волнение. Этот мир был полон движений, страстей, запахов, полон воспоминаний.

— Помни, Чаньэ, — тихо сказал он, — здесь нас зовут иначе. Не забывай.

— Да-да, Ли Сыфэн, — быстро ответила она и, не удержавшись, шепнула: — А можно я посмотрю поближе эти цветы?

Она уже почти подбежала к прилавку, где продавали резные гребни из нефрита и деревянные подвески с узором журавля. Торговка, смеясь, протянула ей гребень, предлагая примерить.

Линь шёл чуть позади, держа руку на рукояти меча. Он с недоверием наблюдал за уличной суетой, ловя в толпе не столько лица, сколько потоки энергии, слабые, человеческие, но перемешанные с другими. В южных городах, где граница миров тонка, нередко встречались не только смертные.

Сян Лю ощутил то же. Среди толпы мелькнул силуэт мужчины с жёлтыми глазами и чуть заострёнными ушами. Демон низкого уровня, неопасный. Сян Лю тихо сжал пальцы, чтобы ощутить пульс собственной духовной силы.

— Мы надолго здесь не задержимся, — произнёс он спокойно. — Возьмём сведения о мастерах камня и дерева и уйдём.

Но Чаньэ, как всегда, уже отвлеклась на другое: на девушку в ярком халате, торгующую сладкими рисовыми лепёшками.

— Наставник... можно попробовать? — спросила она, не оборачиваясь.

Он тяжело выдохнул:

— Нам надо сначала разменять деньги.

Их путь в мир смертных начинался с улыбки, запаха сладкого риса и лёгкого ветра, который трепал занавеси лавок. В одной лавке Сыфэн обменял несколько драгоценных камней и золотых слитков на местные деньги.

— Теперь выбери себе то, что пожелаешь, — сказал он Чаньэ.

— Наставник, сможешь? — Она, сияя, почти побежала к первому прилавку. Там лежали дешёвые безделушки, яркие, но грубые. Однако для Чаньэ всё это было ново и удивительно. Сыфэн тихо покачал головой.

— Пойдём, я найду что-то более достойное.

Через несколько шагов они вошли в ювелирную лавку, где воздух пах ладаном. Камни мерцали в витринах, словно крошечные духи света, заключённые в хрусталь.

— Здесь ты можешь выбрать, что тебе по душе, — сказал он с лёгкой улыбкой.

Линь остался у входа, скрестив руки на груди, наблюдая за потоком прохожих.

— Наставник! — Чаньэ воскликнула, восхищённо перебирая шпильки, гребни, браслеты. Продавец, заметив восторг в её глазах и осанку путешественников, сразу заулыбался, спешно выкладывая лучшие украшения.

Сян Лю, вспомнив давние времена, когда он жил под именем Фан Фэн Бэй и знал, как угодить красавицам, безошибочно выбрал для неё тонкие серебряные шпильки с нефритовыми цветами и изящный браслет в форме феникса.

Чаньэ замерла, едва касаясь украшения пальцами. Глаза её сверкнули, словно в них отражалось само солнце.

Сян Лю, пока она рассматривала покупки, задал продавцу нужный вопрос:

— Скажи, уважаемый, где можно найти лавку тканей, мебели и тех, кто ищет работу по строительству?

Продавец почтительно поклонился:

— Господин Даос, если ищите мастеров, у нас есть хорошие плотники и камнерезы. Особенно один, старый мастер Ма Юн, живёт в северной части города. Есть и другие, но он лучший. Если желаете, я покажу дорогу.

Сян Лю кивнул.

— Мы строим школу боевых искусств и просвещения на одной из гор Цзюи, на горе Янь Шань. Нам нужны мастера, что умеют обращаться с деревом и камнем.

Продавец даже выпрямился, уважительно взглянув на него:

— Значит, великий труд начинается... Даос, вам повезло, таких мастеров здесь немало. Если пожелаете, я пошлю к ним мальчика, он проведёт вас.

Чаньэ, тем временем, уже вставила одну из шпилек в волосы и повернулась к Сян Лю:

— Наставник, посмотри! — в её голосе звучала радость, чистая, как весенний ручей.

Он посмотрел на неё и мягко кивнул:

— Красиво. Берём.

Продавец, сияя, поспешил упаковать покупки, не скрывая довольства: день для него явно был удачным.

Чаньэ поражённо вертела головой, не в силах насытиться этим зрелищем. Слишком много звуков, запахов, лиц. Всё кипело, жило, дышало. Она пыталась уловить каждую ноту этого хаоса, но её внимание всё время перескакивало: то на девушку в алом платье, у которой в волосах блестели перья феникса, то на странного торговца с хвостом, прячущего его под поясом, то на высокого мужчину с волчьими глазами, наверняка полудемон. Один раз мимо прошёл небольшой божок, в дорогом одеянии и с аурой, похожей на колебание тёплого света. Его духовная сила была мала, но гордость и спесь сияли на лице, словно корона.

Сян Лю казался спокойным, но взгляд его оставался внимательным. Линь, как всегда, держался чуть позади, оценивая местность. Его зоркие глаза орла подмечали всё: от скрытых амулетов на дверях лавок до крохотных духов, сидящих на крышах.

Когда они наконец дошли до северной окраины города, Сян Лю остановился у дома старого мастера Ма Юна. Дом стоял особняком, с каменным двором, заросшим плющом, и мастерской, из которой доносился ритмичный стук, дерево отзывалось под рукой умельца.

Сян Лю постучал в дверь. Через мгновение изнутри вышел крепкий мужчина средних лет с глазами, полными ясности и силы.

— Кто вы, господа? — спросил он, вытирая руки о холщовую тряпицу.

Сян Лю сразу понял: *«божество низшего уровня»*, слегка поклонился:

— Мы пришли предложить тебе работу. На одной из гор Цзюи строится школа. Нам нужны мастера, умеющие обращаться с деревом, камнем и душой.

Ма Юн внимательно посмотрел на него, потом на Линя, и, похоже, что-то почувствовал.

— Ваше намерение чисто, — сказал он наконец. — Но горы Цзюи... это не простое место. Вы уверены, что хотите строить там? В каком именно месте?

Сян Лю спокойно ответил:

— Мир не станет светлее, если избегать тьмы. На пике горы Янь Шань, совсем близко от вашего городка. Мы лишь создаём место, где те, кто ищет путь Дао, смогут учиться идти по нему.

Старик кивнул и чуть улыбнулся.

— Что ж, Даос, вы говорите правильно. Я помогу. Завтра соберу людей и всё необходимое.

Чаньэ, стоявшая рядом, светилась от радости. Ей казалось, будто сама судьба помогает им. А Линь, наблюдая за разговором, впервые за долгое время позволил себе лёгкую улыбку. Всё шло так, как должно было.

Сян Лю поднял взгляд к горам, что синели вдали за крышами города. Там, среди облаков, их ждал путь, который только начинался.

Когда солнце клонилось к закату, город окутала тёплая дымка: запахи еды, пыли и ладана смешались в воздухе, превращая улицы в нечто между сном и воспоминанием. Торговцы начали сворачивать лавки, по переулкам лениво скользили тени, а где-то на площади мальчишка играл на флейте мелодию, похожую на журчание ручья.

Чаньэ шла позади Сян Лю и Линя, оборачиваясь всё чаще. Её взгляд цеплялся за лица, усталые, но живые. Люди смеялись, спорили, ели, пели, ходили парочками, так просто, будто у них впереди вечность. Она не понимала этого до конца. Почему, зная, что жизнь их коротка, они не прячутся от страданий, а наоборот, бегут навстречу им?

— Наставник, — тихо сказала она, — почему смертные не боятся умирать? Ведь их жизнь так коротка!

Сян Лю долго шёл молча, пока за городом дорога не вывела их к подножию гор. Только тогда он ответил:

— Они боятся. Просто живут быстрее, чем успевают осознать страх. Вот и всё их чудо. Бессмертные и боги могут медитировать годами, смертные берегут каждый день.

Линь усмехнулся, глядя на пурпурный горизонт:

— Быть может, именно поэтому боги завидуют им.

Чаньэ остановилась на миг, глядя, как мерцают первые огни. Внизу простирался мир, полный слабости и хрупкости. Но именно в этой хрупкости было что-то... красивое.

Она вдохнула глубже, словно запоминала этот момент, и пошла дальше, к горам, где их ждали тени древних духов.

Было уже темно, когда они вернулись на пик Янь Шань. Лунный свет лежал на склонах, как серебристый иней, и новые постройки школы, залы с ещё не освящёнными статуями, беседки без фонарей, каменные ступени, ведущие в туман казались пустыми, будто призрачными. После суетливого, шумного мира смертных эта тишина обрушилась на них почти с весом. Даже ветер здесь дышал иначе медленно, как дыхание спящей горы.

Чаньэ посмотрела на всё это и тихо выдохнула.

Сян Лю понял без слов.

— Когда-нибудь и это место оживёт, — сказал он, глядя на дальние пики, окутанные ночным сиянием. — Только дай ему время.

— Наставник, — голос Чаньэ прозвучал чуть неуверенно, — а ты уверен, что ученики придут? Ведь эти горы... смертные их боятся. Хотя тут так красиво!

Сян Лю устало улыбнулся.

— Красота и страх всегда ходят рядом. Где есть сила, там будет и легенда.

Ночь они по-прежнему проводили в пещере, где горели духовные огни. Синие языки света мерцали, будто живые, отражаясь в чашах с водой. В воздухе пахло травами. Линь молча разлил чай, поставил три чашки. Сян Лю сел за низкий каменный стол, принял чашу из его рук.

— Ты хочешь услышать, почему смертные избегают этих гор? — спросил он, когда тишина стала слишком глубокой.

Чаньэ устроилась у его ног на мягкой шкуре и кивнула.

— Да, Наставник, расскажи.

Сян Лю взглянул на огонь и заговорил тихо, будто вспоминая что-то очень древнее:

— Я, возможно, не знаю всей правды... но эти горы никогда не принадлежали ни одному из трёх великих государств, что существовали тысячелетия назад. Они лежали на самой границе земель Шэнь Нун, и боги часто совершали сюда набеги, похищая людей из горных племён. Говорят, девушки отсюда были редкой красоты, а мужчины лучшие бойцы, которых продавали в рабство на арены бойцов.

Он сделал паузу, чай в его чашке чуть дрогнул.

— Среди племён Цзюи жил воин невиданной силы, Король зверей, могучий демон по имени Чи Ю. В преданиях сказано, что он бросил вызов самому богу огня Чжу Жуну, чтобы защитить свои родные племена от истребления. Его неукротимой силой и острым стратегическим умом восхитился даже великий император Пламени, Яньди Шэнь Нун, сам позвал его в ученики. Так, демон Чи Ю стал приёмным сыном императора и возвысился до ранга Великого генерала Шэнь Нун.

Сян Лю сделал паузу, его голос приобрёл оттенок почтительного уважения.

— Он добился невозможного, отмены унижительного для племён Цзюи статуса «низших существ». Заметив искры таланта среди сородичей-демонов, он выбирал самых одарённых, воспитывал их, делая своими верными командирами. Когда дворцовые интриги начали угрожать его названому брату Юйваню, ставшему следующим императором династии Шэнь Нун, Чи Ю проявил беспощадность. Он методично уничтожил всех, кто посмел выступить против законного правителя, не оставляя камня на камне от гнезд заговорщиков.

Глаза Сян Лю сузились, в них появился опасный блеск.

— В момент, когда армия Сюань Юань вторглась на священные территории Шэнь Нун, Чи Ю превратился в воплощение ярости, перед которым трепетали даже бессмертные боги. Он был жесток и беспощаден к врагам, защищая границы своего императора до последней капли крови, до последнего вздоха. Однако даже его легендарная сила не могла противостоять тройному предательству. Он не предвидел ни коварства императора Сюань Юань, ни подлых интриг князей Шэнь Нун, ни изощрённых манипуляций императора Хаолина.

Лицо Сян Лю внезапно озарилось пламенем духовного огня, отражающим внутреннее волнение рассказчика.

— Чтобы победить Чи Ю, Жёлтый император Сюань Юань распространил целое море искусной лжи, окутав славное имя великого защитника паутиной клеветы. В Дахуане его имя теперь шепчут словно страшное проклятие, связывая с бессмысленной жестокостью, кровавыми расправами, бездушной безжалостностью.

Голос Сян Лю понизился до проникновенного шёпота:

— Но здесь, в древних горах Цзюи, среди его родных демонических племён, его до сих пор почитают как величайшего защитника, как неумирающий дух, что охраняет эти неприступные вершины от вторжения любых врагов. Такова судьба Чи Ю после смерти его подлинное имя было безжалостно опорочено, его истинные деяния забыты большинством. Ведь, Сян Лю поднял взгляд, в котором читалась горькая мудрость веков, победители всегда пишут историю по своему усмотрению.

Линь опустил взгляд, а Чаньэ долго молчала, слушая, как вдалеке, в ущелье, отозвался ветер, будто сама гора ответила на рассказ Сян Лю.

— В таких местах легенды не умирают, они дышат вместе с землёй.

Чаньэ протянула Сян Лю пару шпилек и резной гребень.

— Наставник, сможешь мне с причёской? — спросила она, усаживаясь поближе и поворачиваясь к нему спиной.

Это было не в первый раз. С тех пор как они покинули остров и отправились на Север, Чаньэ часто просила его о помощи. Когда-то она запутала свои волосы в колючках, и Сян Лю, не говоря ни слова, распутывал тонкие серебристые пряди. Тогда она была ещё ребёнком. Теперь же её волосы стали длиннее, мягкие волны, словно потоки лунного света, спадали почти до колен. И всё так же, как прежде, она без тени смущения склоняла голову перед ним. Сян Лю взял гребень, осторожно разделил её волосы и начал расчёсывать. Привычное движение вдруг стало волнительным. Что-то изменилось, и не в ней, а в нём самом. Он ощущал тепло её спины, слышал тихий шелест дыхания, аромат её духов, видел, как серебристые нити скользят сквозь его пальцы. Мысли спутались.

Чаньэ уже не была той маленькой девочкой, что когда-то держала его за руку, глядя снизу вверх с безграничным доверием. Она стала девушкой, прекрасной, чистой, но совершенно не понимающей, какие границы не следует переходить.

Сян Лю невольно задержал дыхание. На миг гребень замер в его руке. В груди нарастало странное волнение, не до конца понятное ему самому. Он мягко опустил гребень и произнёс, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Готово.

Чаньэ улыбнулась, обернулась и, не замечая ничего необычного, спросила:

— Спасибо, Наставник. А красиво?

Он лишь кивнул, не доверяя себе заговорить, и отвернулся к огню, пряча взгляд.

Чаньэ, чуткая к настроению окружающих, сразу заметила, что что-то изменилось.

— Наставник, — тихо спросила она, потянув его за рукав, — ты подумал о чём-то неприятном?

Сян Лю лишь покачал головой.

— Всё хорошо, Чаньэ. Иди прими ванну и ложись спать, уже поздно. Я подожду, пока ты закончишь, и буду медитировать в источнике.

Чаньэ встала и посмотрела на Линя:

— А ты что, молчишь и ничего не скажешь о моих покупках?

Линь устало вздохнул:

— Иди спать, Чаньэ! Всё завтра. Сегодняшний день меня вымотал. Не забывай, у меня ещё нет такого совершенствования, как у тебя и Наставника, и мои силы на исходе.

Она чуть приподняла бровь, а Линь, притворившись усталым, хотел лишь, чтобы Чаньэ ушла и оставила его одного с Сян Лю. Как только она покинула пещеру, он быстро достал из рукава две бутылки вина.

— Хозяин, выпьем! — сказал он с улыбкой. — Столько лет мы не пробовали вина смертных!

Сян Лю кивнул, едва заметно улыбаясь, и оба уселись на шкуру, чтобы насладиться редким мгновением спокойствия, пока ночь медленно опускалась на вершину Янь Шань.

Шли дни. На гору поднялись ремесленники во главе с Ма Юном, божком земли, который, хоть и не обладал великой силой, знал всё о камне, дереве и строительстве. Его руки, покрытые тонкой сетью светящихся жил, словно сами чувствовали живую плоть горы. Люди, которых он привёл за собой, были умельцами на все руки: плотники, каменотёсы, резчики по дереву и камню, кузнецы, мастера по лакированию. Среди них были и смертные, и мелкие божки, и мелкие демоны, что давно жили среди людей.

Пик Янь Шань оживал. Утром воздух звенел от ударов молотков и пения пил, над ущельем разносился запах свежего дерева, смолы и раскалённого железа. По вечерам над площадкой поднимался лёгкий дым костров, а в воздухе звенел смех. За мастерами поднялись их жёны и сёстры, девушки и подростки: кто приносил воду, кто готовил, кто убирал, кто помогал на стройке, смеясь и переговариваясь между собой.

Чаньэ часто приходила к ним, наблюдала. Она познакомилась с несколькими девушками, но те поначалу сторонились её. «Прекрасная богиня, спустившаяся с Небес», — шептались они. Добрая и приветливая, она не понимала, почему каждый раз, когда пыталась помочь или просто заговорить, девушки смущённо опускали глаза и падали на колени, кланяясь до земли и прося прощения за неведомое оскорбление.

Чаньэ не осознавала, как необычно она выглядела для них. Высокая, хрупкая, с белой, как фарфор, кожей и нежным румянцем на щеках, с огромными изумрудными глазами и длинными серебристыми локонами, перевязанными лишь простой зелёной лентой. Её волосы доставали почти до колен и мерцали, как потоки лунного света. Она всегда носила зелёное, и это навело Сян Лю, для всех господина Сыфэна, на мысль сделать форму для школы в этих тонах: мягкий зелёный низ и белый верх, цвета жизни и чистоты Пути. Сам он, как всегда, оставался в белом.

Эта троица вызывала восхищение и благоговейный страх. Господин Ли Сыфэн был высоким, широкоплечим, с поступью мастера боевых искусств. Его длинные белоснежно-серебристые волосы были перевязаны нефритовым гребнем, глаза чёрные, глубокие, как бездна, хранили в себе холод и мудрость. Его лицо, словно высеченное из мрамора, оставалось непроницаемым. Красота его была пугающей, почти нечеловеческой. Рядом с ним всегда был Линь, мечник с улыбкой на губах и острыми, как сталь, голубыми глазами. В его облике было что-то свободное, живое, как ветер. За спиной он носил длинный меч, знак его обета и пути.

Слухи о строительстве новой школы бессмертных быстро разнеслись по округе. О «тройке даосов с горы Янь Шань» говорили в трактирах Дахуана и даже за перевалом, по ту сторону гор Цзюи, где жили старые племена и странствовали демоны. Люди шептались, что на одном из забытых пиков вновь возрождается место силы, и что Врата Пути открываются для тех, кто осмелится подняться.

Прошли годы. Пик Янь Шань, некогда суровый и безмолвный, теперь преобразился до неузнаваемости. Каменные склоны покрыли террасы и беседки, между которыми вились дорожки, усыпанные галькой и обсаженные редкими соснами и цветами из дальних долин.

Там, где раньше гулял лишь холодный ветер, теперь звенел смех, стучали молотки, звучали песни мастеров.

Ма Юн, мелкий божок, стоял на площадке у главного павильона и осматривал свою работу. Вокруг сновали демоны-работяги, смертные мастера, духи глины и воды: каждый вложил в это место частицу своей силы и дыхания.

Сян Лю, стоя на вершине, наблюдал за всем, как за долгим сном, что наконец подходит к концу. Его глаза отражали свет заката и огни факелов внизу. Всё это началось с простого чертежа в воздухе, и теперь перед ним раскинулась школа: ансамбль павильонов, соединённых мостами, с садом нефритовых прудов и павильонами наставников и учеников, построенным в тени сосен. В этом комплексе был построен и особый двор для Главы, Чаньэ и Линя.

Чаньэ спустилась к нему по каменным ступеням. Её зелёные одежды тихо шуршали, серебряные локоны переливались в закатном свете. Она несла в руках глиняный сосуд с молодыми ростками, последними в саду, что она высаживала собственноручно.

— Всё завершено, — сказала она мягко.

Сян Лю кивнул. Он чувствовал странное опустошение, как будто, построив всё, чего желал, потерял что-то неувимое.

— Да, — ответил он, глядя вдаль, где дым поднимался над долинами. — Жизнь здесь только начинается.

Позади них стояли Линь и Ма Юн. Линь, в дорожной одежде мечника, с привычной лёгкой улыбкой, положил руку на эфес своего меча:

— Пик Янь Шань изменился.

Ма Юн довольно потёр руки, смахнув со лба пыль:

— Великое дело завершено. Небеса заметят это место.

И действительно, когда последние лучи солнца коснулись нефритовых крыш, лёгкий ветер поднялся с долины. Он прошёл по вершинам, зазвенел в кедровых ветвях, и все почувствовали, будто сама гора ответила им тихим вздохом.

Все, кто был на пике, замерли, глядя вверх. Даже ветер стих, почтительно склоняясь перед этим сиянием. Ма Юн, прищурившись, пробормотал:

— Это знак. Небеса приняли труд наш...

Сян Лю поднялся на край уступа, где сходились дороги всех павильонов. Его белые одежды развевались, словно крылья журавля. Он выдохнул, и между его пальцев вспыхнули тонкие нити света. На небе начал распускаться узор формации: звёздные линии, соединяясь в кольца, превращались в медленно вращающийся знак, охватывающий весь пик.

Это была Великая Защитная Формация, узор, способный скрыть гору от чужого взора, отражать зло и сохранять дыхание школы на века. Луч Небесного Дворца, спустившись ниже, коснулся центра этой формации, и знак вспыхнул изумрудным пламенем, запечатавшись в небесах.

— Отныне, — произнёс Сян Лю, его голос прозвучал глубоко, будто шёл из самой горы, — Янь Шань станет пристанищем для ищущих Дао. Пусть никто с дурными мыслями не переступит его порог.

Когда сияние рассеялось, над горами поднялась луна. У подножия павильонов уже разожгли огни. Ма Юн, смахнув слёзы радости, собрал всех к праздничному столу, длинному, украшенному цветами и светильниками. Вино текло рекой, звучали смех и песни, дети бегали среди фонарей.

Чаньэ сидела рядом с Сян Лю и Линем, глядя, как люди, духи и демоны вместе празднуют последнюю ночь. Её глаза сияли в лунном свете, но в их глубине пряталась лёгкая печаль. Завтра мастера, их жёны и дети покинут гору, возвращаясь к своим долинам и рекам.

Сян Лю, уловив её взгляд, тихо сказал:

— Всё течёт. Это закон мира. Но то, что создано с чистым сердцем, останется навсегда.

Ма Юн поднял кубок:

— За гору Янь Шань!

Огни вспыхнули ярче, и ночь наполнилась звоном чаш, смехом и звуками флейт. Так завершилось великое строительство, пиром под светом луны и под защитой сияющей формации, навеки укрывшей школу в объятиях гор.

За столом Чаньэ заметила, как все пили вино. Она ещё никогда не пробовала вина из мира смертных, впрочем, вообще не пробовала вина.

— Наставник, — тихо спросила она, — а мне можно попробовать этот напиток, от которого все начинают много говорить и смеяться?

Линь улыбнулся, услышав её слова.

Сян Лю налил ей чашу вина и протянул:

— Попробуй, но будь осторожна. Ты не привыкла к таким напиткам.

Чаньэ кивнула и, не раздумывая, залпом выпила. Напиток ей не понравился, она сморщилась и посмотрела на наставника и Линя.

— Как вам может это нравиться? Лимонад намного вкуснее.

— Вот и отлично, что тебе не понравилось, — отозвался Линь, подливая себе ещё.

Все пили, потом послышались звуки музыки. Чаньэ обернулась. Кто-то играл на цине.

Мелодия была красива и немного грустна:

«В горах есть дерево, о,

Ветвь к дереву, дерево к ветке, о,

Днём за днём, ночь за ночью вдвоём, о,

Утро за утром, вечер за вечером вдвоём, о.

Плющ при жизни вьётся до самой смерти,

Плющ умирает, дерево живёт, но узы остаются до смерти, о...»

Мужчина пел, и его голос разносился эхом по горам. В этой песне было что-то древнее, тревожащее душу.

Чаньэ подошла и села рядом с музыкантом.

— Странную песнь ты поёшь, музыкант, странную и печальную... — сказала она тихо.

Сян Лю, увидев, что Чаньэ сидит рядом с незнакомцем, подошёл, держа в руке бутылку вина.

— Откуда ты, музыкант? — спросил он, внимательно глядя на него. — Я когда-то слышал эту песню. Прошло столетий, а ты слова знаешь.

Сян Лю сразу почувствовал: перед ним демон-лис.

Мужчина встал и поклонился.

— Господин, я бродячий музыкант. Скитаюсь от города к городу, теперь возвращаюсь в родные края. Когда-то мои предки были из племён цзюи.

— Наставник, тебя тоже тронула эта песня? — спросила Чаньэ, отходя от музыканта, который теперь заиграл более весёлую мелодию.

Сян Лю ответил не сразу, глядя куда-то вдаль, на темнеющие пики, над которыми висела луна.

— Эту песню, — сказал он наконец, тихо, — когда-то пел демон Чи Ю своей возлюбленной... перед тем, как им суждено было встретиться на поле битвы. Он был генералом Шэнь Нун. Она была принцессой и военачальником армии Сюань Юаня.

Чаньэ удивлённо посмотрела на него.

— Как много ты знаешь, Наставник! Ведь прошло уже больше тысячи лет с тех пор, как пал Шэнь Нун.

Сян Лю усмехнулся, в его взгляде мелькнула тень воспоминаний.

— Я почти тысячу лет провёл рядом с одним из верховных богов Шэнь Нун, Гун Гуном, — ответил он. — Моим приёмным отцом.

Лёгкий ветер прошелестел по вершинам, вино в чашах качнулось, отражая свет луны. В этот миг даже Линь, до того шутливо настроенный, притих, будто сама ночь прислушивалась к древним именам, что вновь были произнесены.

Чаньэ подошла к столу и налила себе ещё вина.

— Ты же сказала, тебе не понравился вкус? — насмешливо заметил Линь.

— Я не успела распробовать, — ответила она, опуская ресницы. — Наставник и ты ведь находите в этом удовольствие.

Она сделала маленький глоток, потом второй. Горечь вина сменилась теплом, а лёгкий жар пробежал по телу. Сначала она лишь смеялась над собой, но вскоре мир вокруг словно расплылся: фонари засияли мягче, лица потеряли чёткость, звуки сместились, как во сне. Когда она попыталась подняться, ноги подкосились. Земля пошла волнами, и она бы упала, если бы чьи-то руки не поймали её.

— Наставник... — прошептала она, обвив его за шею. — У меня кружится голова...

Сян Лю крепче удержал её, чувствуя, как её дыхание обжигает кожу.

— Я предупреждал: не пей слишком много, — сказал он, но голос его прозвучал тише, чем обычно.

— Наставник... мне плохо... — шептала она, прижимаясь к нему.

Его сердце, обычно холодное, как застывший лёд, вдруг отозвалось странным, пугающим теплом.

— Потерпи, — произнёс он негромко, подхватил её на руки и понёс в пещеру.

Тепло её тела прожигало тонкую ткань одежды. Когда он уложил Чаньэ на постель, она всё ещё держала его за руку.

— Не уходи... — прошептала она.

Сян Лю замер. Он видел, как лунный свет ложится на её лицо, делая кожу прозрачной, а губы чуть влажными. В груди на миг вспыхнуло что-то, что он давно забыл.

Он осторожно освободился, словно боясь прикоснуться слишком сильно.

— Я приготовлю тебе отвар, и тебе станет лучше, — сказал он, стараясь вернуть голосу твёрдость.

Когда он вернулся, Чаньэ уже спала. Длинные серебряные локоны рассыпались по подушке, дыхание стало ровным, а губы изогнулись в лёгкой улыбке.

Сян Лю тихо усмехнулся, поставил чашу с отваром рядом и прошептал:

— Ты даже не понимаешь, насколько ты стала прекрасной и опасной...

Он развернулся, но, прежде чем уйти, ещё раз взглянул на спящую девушку. В груди снова шевельнулось то самое чувство, странное, тревожное.

Сян Лю присел на край постели, наблюдая, как тихо спит Чаньэ. Лунный свет ложился на её серебристые локоны, на щёки с едва заметным румянцем, на тонкие брови и большие изумрудные глаза, которые сейчас были закрыты. Всё в ней говорило о мягкости, доверии и невинности, о том, что он видел только в детях...

Он вспомнил Сяо Яо, которую любил страстно и безответно. Её голос, её смех, её взгляд, память о ней жила в его сердце, как вечная тоска, как шрам, который никогда не зажил. Сколько лет он жил с этой тенью прошлого, а теперь...

Теперь он чувствовал что-то другое. Нечто новое, тревожное и странно захватывающее. Чаньэ... её доверие, лёгкая игривость, нежность, всё это будило в нём чувства, которых он не мог назвать. Сердце стучало сильнее, грудь будто сжималась, а разум пытался найти оправдание: она же ребёнок, которого ему доверил Повелитель драконов. Но ребёнком она уже не была.

Сян Лю закрыл глаза и тихо прошептал сам себе:

— Что происходит со мной? Я... не должен...

Он вспомнил все годы одиночества. Слова Сяо Яо: *«Ты не тот мужчина, которого барышня может впустить в свои сны. Это хуже смерти»*. И она выбрала не его.

Внутри него смешались тоска по прошлому и новое, пугающее чувство к Чаньэ, это смятение было сладким, опасным и неразрешимым.

На утро Линь первым нарушил медитацию Сян Лю своими стонами.

— Моя голова!! — вскричал он, шатаясь и опрокидывая кувшин с водой, который тут же допил целиком.

И тут на пороге появилась Чаньэ. Её волосы были в беспорядке, в руках она держала гребень и пару заколок

— Наставник, — простонала она, — у меня ужасно болит голова, причеши меня, у меня нет сил даже руки поднять!

Не дожидаясь согласия, она рухнула на шкуру рядом с Сян Лю, протягивая ему гребень.

Сян Лю провёл всю ночь в медитации, пытаясь успокоить свой разум, но как тут его успокоить! Он послушно взял гребень и стал распутывать длинные пряди её волос, аккуратно скользя пальцами по шёлку, стараясь не показать смятение, которое росло в нём с каждым мгновением.

Сян Лю вздохнул тихо. Он аккуратно провёл пальцами по шелковистым серебристым прядям Чаньэ, собирая их для гребня. Каждое движение казалось слишком близким, слишком личным, и в груди что-то сжалось, непонятное и тревожное.

Он подумал о Сяо Яо: страсть, безответная любовь, тоска... И теперь чувство, тревожное и новое, совсем непохожее, поднималось в нём к Чаньэ. Она больше не была ребёнком, которого он оберегал. Она стала девушкой, и его тело и разум реагировали на это слишком живо, слишком остро.

— Спокойно... — прошептал он себе, проводя гребень по одной пряди.

Чаньэ тяжело вздохнула, почти прильнув к нему. Её тёплое дыхание касалось его руки, когда он расчёсывал её волосы. Она была совсем рядом, и он вдруг осознал, что волнует её... как мужчину, а не просто наставника. Он постарался сосредоточиться на движениях, на гребне, на прядях, лишь бы не смотреть. Но каждый взгляд в её изумрудные глаза, на мягкий изгиб щёк и губ, на лёгкую усталость в её плечах будил в нём непривычные ощущения. Внутри Сян Лю росло смятение: часть его желала отступить, другая остаться, наслаждаясь этим близким контактом, опасным и запретным.

Прислонившись спиной к коленям наставника, Чаньэ закрыла глаза. Только рядом с ним она чувствовала облегчение: боль в голове отступала, а руки Сян Лю, осторожно скользящие по её прядям, успокаивали каждое нервное окончание.

— Наставник, — прошептала она, — избавь меня от головной боли.

Сян Лю положил ладони на её виски, и почти мгновенно боль ушла. Но вместо неё возникло другое ощущение, странное, тёплое, тревожное. Чаньэ почувствовала, что не хочет, чтобы его руки отрывались от неё. Волнение охватило её целиком; когда-то она ощущала его смутно, но сейчас оно стало ярче, сильнее, и сердце её забилося быстрее. Она медленно открыла глаза и встретилась взглядом Сян Лю, словно пытаясь понять, что происходит с ней самой, и в молчании спрашивая его: *«Почему так?»*

Сян Лю почувствовал, как внутри него растёт смятение. Он глубоко вдохнул. Чаньэ стала девушкой, и это волнение, что охватило её, теперь отражалось и в нём самом.

Он осторожно убрал руки с её висков, но сделал это так, чтобы не спугнуть её и не разрушить момент доверия. Сян Лю понял, что теперь ему нужно быть более сдержанным, внимательным, держать дистанцию там, где прежде её не было. Не позволять собственным чувствам управлять действиями, не показывать смущение, которое легко могло бы её запутать.

— Всё хорошо, Чаньэ, — тихо сказал он, стараясь, чтобы голос был ровным, спокойным. — Отдыхай.

Она слегка улыбнулась и закрыла глаза. Сян Лю остался рядом, наблюдая за её дыханием, осознавая, что забота теперь требует не только силы и наставления, но и внутреннего контроля. Это было новое испытание: быть близким, но осторожным, быть наставником и одновременно держать себя в руках, чтобы их связь оставалась правильной.

Чаньэ отправилась в источник, Линь ушёл спать, а Сян Лю вышел из пещеры и пошёл неспешно пройти по территории школы. Всё было готово: павильоны, холлы, настилы и парки, созданные его духовной силой и трудом мастеров, уже принимали солнечный свет, и можно было почувствовать, как школа постепенно оживает. Он останавливался у каждого павильона, осматривая резьбу, деревянные настилы, изумрудные детали и крыши, будто дышащие магией. Сян Лю поднял глаза к бескрайнему голубому небу. В его мысли всплыло имя: Небесная школа Янь Шань. Слово прозвучало твёрдо, словно воздух сам принял его решение, и в груди забилося чувство, что теперь школа имеет своё место в мире. Теперь им предстояло непростое: покинуть пик Янь Шань и отправиться в Дахуан, чтобы найти наставников и учителей и объявить о наборе учеников.

«Привлечь учеников в школу, имя которой ещё никому не известно... это будет испытанием», — думал он, оценивая предстоящую задачу. Он поднял взгляд к небу, к бесконечной синеве, и мысленно добавил себе уверенности: «И первое место, куда мы направимся, в бывший Хаолин, гора Ушэнь, город учёных, академий и искусств. Туда, куда всегда стекались даосские мудрецы и монахи, чтобы спорить на философские темы».

Хаолин, Сяо Яо... имя её снова всплыло в памяти, и сердце Сян Лю сжалось. Когда-то она жила на горе Ушэнь в дворце Чэнь Энь и носила имя принцессы Хаолина. Где она сейчас? Есть ли у неё дети? Мальчики или девочка с глазами, как у неё? Оправдал ли Ту Шань Цзин её надежды на тихую, спокойную жизнь, или же теперь она в императорском дворце Дахуана, пьёт вино с братом-императором? Вопросы остались без ответа, и тоска вновь сжала сердце.

Он опустил взгляд на павильоны, на ручей, тихо журчащий между камнями, на ветер, играющий листвой, на свет, отражавшийся в изумрудных водах источников. Всё было готово. Теперь начинался путь Небесной школы Янь Шань, путь, который требовал действий.

Когда, наконец, отоспавшийся Линь и умывшаяся Чаньэ собрались за столом, Сян Лю обратился к ним с важной новостью:

— Завтра утром отправляемся в Дахуан, — сказал он, — и начнём с Хаолина, искать тех, кто наполнит эти стены жизнью.

Чаньэ подпрыгнула от радости:

— Наставник! Мы увидим гору Ушэнь, обитель богов, дворец Чэнь Энь и сады Ци Цин!

Сян Лю лишь улыбнулся, но Линь, наблюдавший за ним, заметил скрытую тревогу в глазах наставника. Он подумал про себя: *«Ему будет нелегко встретиться лицом к лицу с тенями прошлого. Они всё ещё имеют над ним власть».*

Глава 5. «Сяо Яо.» "Это не напрасно, если я смог оставить след в твоём сердце".

После известия о смерти Сян Лю, Сяо Яо долго не могла прийти в себя. Как только она услышала об этом, мир вокруг неё потемнел, ноги подкосились, и только Цзин успел подхватить её прежде, чем она упала. Она пролежала три дня без сознания, и всё это время Цзин не отходил от её постели, сидя молча и сжимая её ледяную ладонь в своих тёплых пальцах. Когда Сяо Яо наконец очнулась, слёзы покатились по её щекам, как будто их не могла сдержать ни одна воля.

— Как он мог... — прошептала она. — Сян Лю... Девять жизней... Неужели он действительно погиб? Как же я могла сказать ему тогда те ужасные слова... Если бы только я знала, что это наша последняя встреча... Даже если он был холоден, даже если казался бессердечным...

Она говорила обрывками, хрипло всхлипывая, не в силах сдержать свои эмоции.

Цзин прижал её к себе, позволив ей рыдать у него на плече, нежно гладя её по спине, не произнося ни слова. Он знал: сейчас не время для слов. Она оплакивала не просто друга, и он всегда это знал. Всегда понимал.

Будучи девятихвостым божественным лисом, хоть и утратившим часть силы, он видел людей яснее, чем сам того хотел бы. Видел, как Император Сюань прятал за холодной вежливостью свою любовь к Сяо Яо. Видел, что Фэн Лун, не остановив Сян Лю их свадьбу, мог бы стать ей неплохим спутником, пусть и без той глубины чувства, что жила в нём самом.

Но она выбрала его, Цзин. Не за страсть, за покой, за руки, что не торопили, за тепло, что не требовало ответа. Он не ревновал. Держа сейчас её вздрагивающие плечи, чувствуя, как слёзы намокают на его вороте, он думал только одно: пусть в её сердце навсегда останется место для Сян Лю. Пусть хранит там память. Она выбрала его, Цзин. И он останется рядом.

— Цзин... — прошептала она, поднимая на него заплаканные глаза. — Прости. Тебе, наверное, больно видеть, как я оплакиваю другого мужчину...

— Нет, — мягко ответил он. — Мне больно, что тебе так больно.

Сяо Яо снова опустила голову ему на грудь, и он обнял её крепче. Она искала защиты от боли, и он был её щитом.

Сяо Яо уже стала женой Цзин. На их свадьбу, нарушая все правила небес и земли, явились три императора: её дед, бывший император Сюань Юань, её названный отец, бывший император Хаолина, и её двоюродный брат Сан-Сюань, правящий Императором Дахуана.

Прибыла и Императрица А Нянь, а вместе с ней А Сян, летающий лис с горы Юйшань, и гордый Ли Ян, юный демон-птица. А Сян был обворожителен: высокий, гибкий, с глубокими чёрными глазами, в которых пряталась ироничная томность. Ли Ян же вспыльчивый, заносчивый, но даже он в этот день сдерживал свой характер и держался подобающе.

Сяо Яо получила множество подарков, каждый прекраснее другого. Но самым удивительным оказался дар А Сяна. Помимо драгоценных нефритовых подвесок с горы Юйшань, он преподнёс ей забавного человечка из железного дерева Фу-Сян, смешную фигурку с улыбающимся лицом. Простая безделушка... но удивительно тёплая. Цзин заметил, что вырезать хоть что-то из Фу Сина требует огромных духовных сил.

«Странно, — подумала Сяо Яо, — почему А Сян не пожалеет столько времени и силы ради такой игрушки?»

После свадьбы они с Цзин решили отправиться в долгое путешествие. Сяо Яо не хотела возвращаться ни на гору Сюань, ни на пик Син Юэ, ни на Ушэнь. Но их верные стражи, демон Левое Ухо и Мяо Пу, настаивали следовать за ними. Пришлось взять их с собой. Некоторое время они странствовали по Дахуану и добрались до океана, где Сяо Яо с детской радостью бродила по подводному миру среди хороводов рыб и сияющих растений. Цзин, хоть и носил в себе ядро демонической рыбы, не разделял её восторга. Она, скользя в глубине, вспоминала Сян Лю, их путешествия, его молчаливое присутствие. Казалось, тут, в глубинах океана, он был рядом. Возможно, именно из-за этого Цзин чувствовал себя там неловко.

Шли месяцы. И вот однажды прилетела ласточка от Сюаня: он спрашивал, когда они вернутся, в поместье на горе Сюань или на пик Сан-Юэ. Поскольку Левое Ухо и Мяо Пу сопровождали их, Сяо Яо и Цзин не могли легко скрыть свои лица под маскировкой и раствориться в толпе.

Однажды вечером, когда ужин был накрыт, Сяо Яо подняла взгляд и сказала:

— Левое Ухо... Мяо Пу... мне очень жаль, но нам придётся расстаться на время. Это не навсегда. Я обещаю. Сейчас мы с Цзинем хотим бесследно раствориться среди смертных, а пока вы рядом, это невозможно.

Лицо Левого Уха потемнело, Мяо Пу вскрикнула и заплакала. Сяо Яо притянула её к себе.

— Я обещаю, — тихо сказала она, — мы вас найдём. Поезжайте в Цин Шуй, в этом городе вы сможете жить спокойно. Как только узнают, что вы больше не путешествуете с нами, за вами никто не будет следить.

После того, как их спутники уехали, Сяо Яо изменила внешность, и Цзин сделал то же самое. Они выбрали ничем не примечательный город Тянь Шунь и именно там начали ту жизнь, о которой так долго мечтали. Тянь Шунь был тихим, тёплым, окружённым холмами и пахнущим сушёными травами и пряностями.

Несмотря на внешнее спокойствие, прошлое оставило в сердце Сяо Яо глубокие трещины, особенно то, что произошло между ней и двоюродным братом, Императором Сань Сюанем. Император Дахуана, сдержав слово, не искал их. Но даже зная это, Сяо Яо не хотела, чтобы он узнал, где она. Он был её единственным родным человеком, её двоюродным братом, её опорой. Она столько раз жертвовала всем ради него, но он нанёс ей смертельный удар, когда попытался убить Цзин. Она не смогла его убить, её рука не поднялась. Вместо этого, она сама приняла яд. И если бы не целебное озеро на горе Юйшань и Королевская мать, её уже не было бы на свете.

Каждый день с Цзин был наполнен тихим счастьем и любовью, но по ночам Сяо Яо не находила покоя. Прошрое не отпускало её. Закрыв глаза, она вновь и вновь видела девятиглавого демона в белоснежных одеждах, парящего на спине огромного орла, или сидящего на ветке дерева, распивая вино. Иногда перед её мысленным взором вставал и Фан Фэн Бэй, его вторая личина, с улыбкой, насмешливой и временами глубоко грустной. Она часто плакала в подушку, стараясь, чтобы Цзин не заметил.

Днём она улыбалась, нежно, спокойно, по-женски. Вместе с мужем они открыли лечебницу и помогали людям, как когда-то в Цин Шуе, снова отправляясь в горы и долины за редкими духовными травами. Маленький лис, духовный питомец Цзин, неизменно сопровождал их по пути. Цзин обладал редким чутьём: он безошибочно находил нужные духовные травы, даже если они прятались в самых глухих уголках. Это была та жизнь, о которой Сяо Яо мечтала много лет: дом, забота, любимый человек рядом. Но, став женщиной, она начала лучше понимать и саму себя, и свои чувства.

Её любовь к Цзин была светлой и спокойной, как гладь озера в безветренный день. Она чувствовала к нему нежность, благодарность и тепло. Любовь к Сян Лю, неосуществлённая, не пережитая, скрытая, не названная вслух, была бы совершенно другой. Она была бы бурей, штормом, способным снести всё на своём пути. Слишком сильной. Слишком страшной. Интуиция подсказывала ей это ещё тогда, в прошлом. И всё же... если бы тогда, перед её несостоявшейся свадьбой с Фэн Лун, если бы он просто протянул руку... Но этого не случилось. Теперь его не было. И никогда больше не будет. Так почему же эта тоска не отпускает её? Он сам сказал, у него никогда не было чувств к ней. Он стёр своё изображение с её зеркала, не оставив даже тени воспоминаний. Он сделал всё, чтобы она поверила: в его сердце не было никого, кроме приёмного отца, генерала Гун Гуна, и его повстанческой армии. Только для него, Сян Лю, хранил верность и преданность, ради него жертвовал всем и был готов отдать все свои девять жизней. Всё, что он делал, он делал только для Шэнь Нун. Остальные были просто пешками, как и она сама. Но... если это правда, почему Сяо Яо всё равно чувствует, что потеряла не просто друга, а кого-то более важного?

Одним ясным утром Цзин получил крылатое письмо. Его срочно вызывали в Цин Чжоу, его родовое гнездо. Хотя он давно отказался от титула главы клана, оставив дела в руках мудрых Худ Жуна и Цзин Е, кровь всё же не вода, и он всё ещё был князем Цин Цю.

— Я должен поехать, — тихо сказал он Сяо Яо. — Это ненадолго.

— Я не поеду с тобой, — ответила она, опустив взгляд. — Я всё ещё не уверена, что Сюань сдержит своё слово.

Цзин не настаивал. Он лишь крепко обнял её перед отъездом, сел в облаковоз, и крылатые звери унесли его в сторону родных земель. Сяо Яо осталась одна. Она давно вынашивала мысль съездить в племя Джиу Ли и ещё раз побывать в доме, где Чи Ю, её отец, демон, которого в Дахуане ненавидели и боялись, жил с её матерью, принцессой Сюань Юань А Хэн.

Путь её лежал на юго-запад Великой Пустоши. С юго-востока на юго-запад Великой Пустоши тянулись высочайшие горные хребты, уходящие за горизонт. Чем дальше к западу, тем они становились мрачнее и таинственнее. Хребты шли в два ряда, вытянувшись меридианами, образуя глубокие ущелья, скрытые долины и чистые, как зеркало, озёра.

Чем ближе к горе Лунтоу Шань, тем гуще становились туманы. Завесы их, словно живые, стекали с вершин и клубились у подножий. Остроконечные скалы тянулись к небу, а изумрудные пики упирались в облака. Порывы ветра играли с вихрями тумана, разрывая и снова соединяя их в причудливые формы. В глубине этих гор, среди высоких деревьев и густой листвы, царил вечный полумрак. Воздух был насыщен вредными испарениями, запахами земли и пряных трав. Среди лиан скрывались ядовитые насекомые, а в тени обитали дикие звери и демонические существа. Эти места были опасны даже для богов.

Рассказывали, что много лет назад великий Бог из клана Шэнь Нун, Чжу Жун, обладавший силой верховных богов, пришёл сюда. Управляя пламенем, он выжег часть лесов, стремясь вызвать на бой защитника гор, Короля Зверей. Но, погубив множество божественных генералов и воинов, так и не смог одолеть его.

Тысячелетиями в этих горах жили племена союза Цзюи, или цзюили, как их ещё называли. Самыми известными и многочисленными были племена Цзюи, Сомо, Дэва и Джиу Ли. Племя Джиу Ли, родное племя отца Сяо Яо, демона Чи Ю, считалось самым загадочным и внушающим страх даже богам.

Когда-то Чи Ю, став Великим генералом Шэнь Нун, использовал свою власть, чтобы добиться равенства для племён цзюи перед Императором Юйванем. В его войсках сражались бесстрашные, жестокие и необыкновенно могущественные воины с этих гор, а вместе с ним до конца стояла его преданная гвардия из восьмидесят одного демона с горы Лунтоу Шань. Они последовали за своим генералом на гибель, защищая земли Шэнь Нун.

После того поражения Жёлтый Император низверг племена цзюи, лишив их статуса свободных народов и сделав рабами. С тех пор, если кто-то из горных племён спускался на равнины, его хватали и уводили в оковах. Почти никто из них больше не покидал свои земли. Они жили по своим законам, поклонялись своим богам и хранили древнюю веру предков.

Племя Джиу Ли называли Племенем Короля Вуду. Они были знатоками ядов и тайной магии вуду, что передавалась только через кровь. Во время ритуалов они молились духам предков, под звуки песен и барабанов приносили жертвы на каменные алтари. Шаманы и колдуны Джиу Ли обладали секретными знаниями, которые не принадлежали этому миру. Они выращивали особых жуков, от смертельных паразитов, убивающих на расстоянии, до сияющих светлячков любви, соединяющих сердца влюблённых.

Именно туда направлялась Сяо Яо. Она отправилась одна, не взяв даже служанку. Облаковоз, преодолевая завесу тумана и облаков, наконец начал снижение. Сквозь разрывы белого марева Сяо Яо увидела знакомое горное укрепление, похожее на позвоночник дракона, уходящий вдаль между скалами. У подножия возвышался огромный белый алтарь, высеченный из цельного камня.

С одной стороны его стояла отвесная скала, усыпанная дикими цветами, с другой струился вниз серебристый водопад, разбиваясь внизу на тысячи сверкающих капель. Вокруг про-

стирались бамбуковые хижины, лёгкие, словно дыхание ветра, всё, кроме каменного дворца Короля Вуду, величественно стоявшего на утёсе над долиной.

Один из шаманов племени Джиу Ли встретил Сяо Яо у подножия. Племя не любило чужаков, но дочь Чи Ю была для них иной. Шаман, наклонив голову, долго и пристально смотрел ей в глаза.

— У тебя глаза отца, — с нежной грустью сказал он. — Здесь мы помним Чи Ю, чтим его и возносим молитвы, как нашему защитнику.

Затем он жестом пригласил её следовать за собой и повёл через персиковую рощу к дому её родителей. Дом стоял, окружённый забором из зелёного бамбука, будто время не властно было над ним. Стены его, сложенные из густо переплетённого бамбука, мерцали под солнцем живым изумрудным светом. У входа звенели костяные ветряные колокольчики с горы Юйшань, вероятно, принесённые сюда её матерью. Их тихая музыка наполняла воздух странным, пронзительным спокойствием.

Вокруг дома, как и в её первый визит сюда, раскинулся сад; среди стеблей цвели розы, красные, жёлтые, белые. Всё вокруг было в идеальном порядке. Племя заботилось о доме, почитая память Чи Ю. Сяо Яо вошла внутрь. На стене висел портрет её отца, высокого, красивого мужчины с пронзительным, страстным взглядом, в красном плаще на спине огромной мифической птицы Бэймин Кунь. Легенда гласит, что её развёрнутые крылья покрывают тысячи миль. Он не подчиняется ни драконам, ни фениксам. Рождается в далёких краях Северного Мина, Бэймина, а улетает умирать в Южный Наньмин. Он стоял, а за ними в тумане простирались скалы и бескрайние персиковые рощи. В комнате пахло древесиной, засушенными цветами и ветром. Сяо Яо молча смотрела на портрет. «Каким же ты был на самом деле, отец? Если моя мама так любила тебя! Каким же ты был, если весь Дахуан ненавидит тебя, а племена юго-западных гор Цзюи поклоняются тебе, как защитнику?»

Сяо Яо поселилась в бамбуковой хижине на несколько дней. Несколько дней прошли в тишине и покое.

В один из вечеров, сидя за чашкой чая с шаманом, они говорили о целебных травах, и разговор незаметно перешёл на племя Джиу Ли и их древнюю магию вуду.

— Это опасная, закрытая магия, — сказал шаман. — Её истинная суть подвластна только детям нашего племени.

Сяо Яо, задумчиво перебирая чашку в руках, впервые решилась рассказать об одном из эпизодов своей юности, как она вырастила двух жуков, одного подсадила в себя, другого в своего брата Сань Сюаня, ещё не зная, кто он, чтобы контролировать его, а потом пересадила жука в другого человека.

— Жук-любовник... или жук-убийца, как его ещё называют, — сказал шаман, вглядываясь в пламя свечи. — Их трудно вырастить, и ныне немногие осмеливаются практиковать подобное. Они связывают два сердца, две жизни и две судьбы. Если возлюбленные не могут быть вместе, такой жук приносит вечную тоску, боль... порой даже смерть.

Сяо Яо улыбнулась, легко, почти беспечно.

— Тот, кому я подсадила жука, был бессердечным демоном. У него не было никаких чувств ко мне. Потому Королевская Мать, наверное, и смогла их удалить.

Шаман усмехнулся и покачал головой.

— Этого не может быть, госпожа. То, что ты смогла пересадить жука из своего брата в другого, объясняется просто: твой брат не согласился. Он не принял жука-любовника, вот он и не прижился. А тот, кто согласился... уже имел в сердце любовь к тебе. Жук входит только в сердце, которое добровольно открыто. Значит, твой демон не был вовсе уж бессердечным. Это связь судьбы. Навсегда.

Сяо Яо вздрогнула. Взгляд её потускнел.

— Но... Королевская Мать удалила жука из меня на горе Юйшань. Возможно, помогла священная магия горы.

— Невозможно, — тихо ответил шаман, — жуков-любовников нельзя извлечь. Их можно только убить, но для этого нужно пожертвовать своей жизнью. В этом мире только один демон... Сян Лю Девять Жизней... был способен на подобное.

Слова вошли в неё, как холод. Сяо Яо побледнела. Чашка выпала из её пальцев, чай расплескался по столу, тонкой тёплой лужицей. Губы её задрожали.

— Значит... меня обманули? Он... он отдал жизнь? — прошептала она, будто не смея дышать.

Перед глазами одна за другой вспыхнули расплывчатые тени тех дней на Юйшане. Горький вкус яда на языке. Странная лёгкость. Мгновение темноты. И пробуждение на священной горе Юйшань... слишком странное, чтобы быть правдой. Нить воспоминаний, которую она всегда считала изломанной, вдруг собралась в один ясный, невыносимый смысл. Шаман молчал. Он видел, как в глазах девушки разгорается пламя боли, горечи и осознания.

— Он знал, — голос её сорвался, — он знал, что жук связан со мной. Он не сказал ни слова. Он просто принял его... и не позволил мне узнать...

Она покачнулась, схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Я... я верила, что он был холодным, жестоким. Что я ничего для него не значила. А он... — глаза её наполнились слезами, — он дал мне всё, что мог. И даже больше. Он не раз спасал меня. И ничего никогда не сказал...

Образы всплывали один за другим. Его насмешливый взгляд, его редкие тёплые слова. Его спина, удаляющаяся прочь, каждый раз, когда ей так хотелось, чтобы он остался. Его прощальные слова. Холод. Молчание. И... последняя встреча.

Сяо Яо прижала ладонь к груди, туда, где когда-то жил жук. Боль, которую она чувствовала по ночам, была не просто тоской. Это была та же боль, которую испытывал жук, оторванный от своей половины. И значит...

— Он знал, что погибнет, что скоро будет последняя битва и он был сильно ранен перед боем. И всё равно убрал жука, потому что знал, это единственный способ... чтобы я жила... — прошептала она, уронив голову на руки.

Шаман подошёл и молча положил руку ей на плечо. Сяо Яо закрыла лицо руками. Она не могла сдерживать рыдания.

И в этой тишине, в доме её отца, под старым портретом, она в полной мере поняла, что Сян Лю никогда не был бессердечным демоном. Он был тем, кто готов был отдать свою жизнь и быть раненым, когда впереди его ждал последний бой. Он убрал жука ради неё молча, не прося ничего взамен. Не было никакой сделки на этот раз. Она по глупости посадила этих жуков, а он пожертвовал собой, чтобы их уничтожить!

Гора Юйшань.

На западе Дахуана возвышается гора Юйшань, древнее святилище, овеянное легендами. Её вершины сияют в лучах рассвета, словно окутанные дыханием богов. Здесь, среди туманов и персиковых садов, когда-то прошло семьдесят долгих лет ожидания, семьдесят лет, что Сяо Яо провела в одиночестве, надеясь, что за ней придут: мать, отец-владыка Хаолина или брат Сан-Сюань. Но никто не пришёл. И однажды, не выдержав, она покинула священную гору, где, несмотря на всю красоту и магию, её душа тонула в безысходной печали.

Королевская Мать, владычица горы Юйшань, правившая здесь многие тысячелетия, теперь умерла. На её место была выбрана новая хранительница, юная, но исполненная древней силы. И Юйшань оставалась прежней: такой же прекрасной, торжественной, наполненной дыханием духов.

С вершины горы спускалась река Яоцзы. Чистая и светлая, как зеркало Небес. Её берега украшали рощи вечно цветущих духовных персиков, лепестки которых никогда не увядали. Среди них росли одиночные деревья с белыми цветами, редкие и священные, их аромат пробуждал древние воспоминания. Здесь, в павильоне Аоту, много лет назад жила её мать, А Хэн. Ветры Юйшань помнили её голос и тонкий запах её духов.

Когда-то, тысячи лет назад, Королевская мать собирала здесь Верховных богов на банкет Пэнтао. Здесь остались ещё их следы. Таких, как её старший дядя Циньян, Великий Владыка Хаолина Шаохао Гао Син, его брат Яньлун Гао Син, принцесса Юньсян Шэнь Нун, четвёртый дядя Чан И... Но Сяо Яо пришла сюда не ради воспоминаний и не ради красоты этих мест. Её шаги вели к другой встрече.

На склоне, где стояли кедры и шумел ветер, её ждал демон, летающий лис, А Сян. Он стоял, высокий, в одеждах цвета утреннего неба. Его черты были безупречны, словно высечены из нефрита: взгляд необыкновенно красивых глаз, мягкий, но с тайной глубиной; губы чуть изогнуты в лёгкой, обворожительной улыбке. В нём было что-то притягательное и полное очарования.

Когда Сяо Яо увидела его, сердце её дрогнуло от того странного чувства: А Хэн была больше матерью этому летающему лису, чем ей. Многие годы они были неразлучны. Когда маленького, умирающего лисёнка ей принёс Чи Ю, она выкармливала его духовными фруктами и своей кровью.

Персиковые деревья тихо шелестели над белоснежным берегом. В воздухе витал лёгкий сладковатый аромат цветов. Сяо Яо казалась потерянной во времени. Рядом шёл А Сян. Его голос был спокоен, но за словами чувствовалась тень того, кто много видел и понимал больше, чем говорил.

— Я понимаю, ты хочешь знать, что тогда случилось, — тихо начал он. — Но я дал слово. Мы все трое дали ему слово.

Сяо Яо не выдержала, протянула руку и крепко взяла А Сяна за ладонь.

— А Сян... я должна знать правду. Прошу тебя.

Он опустил глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, и взглянул на неё с колебанием. *«В конце концов... ни Сян Лю, ни Королевской Матери больше нет»*, — пронеслось у него в мыслях. Он тяжело вздохнул.

— Не знаю, знала ли ты... но я и Сян Лю часто общались.

Сяо Яо удивлённо вскинула брови, идея их дружбы казалась невероятной. А Сян продолжил:

— Королевская Мать и Гун Гун были... ну, если не друзьями, то хорошими знакомыми. Гора Юйшань обычно не вмешивается в дела мира, но Королевская Мать была названной сестрой Императору Пламени. После его смерти она время от времени поддерживала Гун Гуна. Отправляла в повстанческую армию редкое вино, лекарства... А чаще всего за ними прилетал Сян Лю. Лицо А Сяна стало задумчивым и печальным.

— По правилам горы он мог оставаться здесь три дня. Каждый раз. Мы... — он усмехнулся, но улыбка вышла печальной, — мы любили с ним выпить. Он играл на цине, я иногда... пел.

Он замолчал, глядя куда-то в даль, словно там скрывалась тень того, кого больше нет.

— Ты знаешь, никто не может слышать моего пения. Мой голос может затуманить сердце, разрушить душу. Для всех... кроме него. Его сердце было чистым, как кристалл. Его невозможно было сбить с пути ни голосом, ни чарами, ни властью. Ни богатством, ни славой. Ему всё это было безразлично.

А Сян тихо выдохнул, взгляд его стал мягким и странно тёплым.

— Он напоминал мне твоего отца.

Сяо Яо слушала, не шевелясь. Имя Сян Лю, произнесённое вслух, отзывалось в груди острой тянущей болью, будто давно вытесненное чувство наконец прорвало печать забвения.

— Черный Император привёз тебя на гору Юйшань, еле живую, укрытую в магической раковине, испещрённой охранными заклинаниями. Он умолял Королевскую Мать спасти тебя, но она была слишком слаба и не имела силы помочь. Всё, что она смогла, — выполнить просьбу Сян Лю и опустить раковину в священное озеро. Твоя приёмная сестра А Нянь, по его же просьбе, передала раковину Сан-Сюаню, чтобы тот поддерживал твою жизнь. Как Сян Лю сумел договориться с ней, одному Небу известно. Когда Черный Император покинул гору, Сян Лю появился почти сразу. Мы с Ли Ян сперва не поняли, что он задумал, и боялись, что он может причинить тебе вред. Но он стал работать с заклинаниями, и мы увидели, как твои жизненные силы понемногу возвращаются.

Позднее, мы сидели с ним здесь, у берега, а ты всё ещё спала. Он строго запретил будить тебя. Попросил, чтобы я доверился ему и не вмешивался: сказал, что должен освободить тебя от жуков. Не знаю, какой силой он пользовался, но заплатил за это своей жизнью. Сильно пострадал, еле шёл. Когда я предложил ему отдохнуть, он только рассмеялся. Сказал, что перед армией Дахуана одна жизнь, больше или меньше, не играет роли. Он так не позволил разбудить тебя. Сказал, что ты не хочешь его видеть, что так будет лучше. Попросил, чтобы тебе не говорили, кто избавил от жуков. Сказал, что больше вы не связаны. И если вы не можете быть вместе, то лучше не придаваться воспоминаниям, будто бы и не встречались вовсе. Потом, вскочил на своего орла и улетел. Больше я его никогда не видел.

Сяо Яо опустила на песок. Взгляд её упёрся в горизонт.

— Как будто и не встречались ... — повторила она.

— Помнишь фигурку, которую я подарил тебе на свадьбу? Он передал её мне с просьбой отдать как подарок на свадьбу, но не говорить, от кого она.

Маленькая резная фигурка. Она вспомнила её, ту, что она хранила на полке со свитками, толстый человечек со смешным животиком из железного дерева.

— Он тебя любил, — тихо сказал А Сян. — Этот Сян Лю, девять жизней. Он любил тебя... настолько сильно, что сумел отказаться от тебя. Ведь именно он тогда спас Цзин, тайно, чтобы никто не догадался. Русалки Восточного моря подчиняются только демону Сян Лю, и именно он велел им выхаживать твоего Ту Шань Цзин. Ты должна быть очень счастлива, Сяо Яо с Цзин. Он вернулся к тебе.

А Сян смотрел на Сяо Яо с грустью, в которой смешались воспоминания и тоска. Она так сильно отличалась от своей матери, той, по которой он скучал все эти годы. А Хэн была пламенем: бесстрашная, упрямая, готовая отстаивать свою запретную любовь, даже если весь мир восстанет против неё. В её глазах всегда горел огонь, способный как согреть, так и испепелить. Таким же был и демон Чи Ю. Безрассудный, гордый, готовый ради одной минуты встречи с возлюбленной поставить на кон всё, даже собственную жизнь. А Сян часто думал, что любовь таких людей, словно небесное пламя: прекрасное, но слишком яркое, чтобы долго гореть. Сяо Яо была иной. В ней почти не осталось той дикости, что питала кровь её родителей. Вместо безрассудной страсти, которую она могла бы разделить с Сян Лю, она выбрала тихое, земное счастье рядом с Ту Шань Цзин. Её сердце не стремилось вспыхнуть, оно искало покой. Рациональная дочь двух страстных и бесстрашных душ, она словно унаследовала их боль, но не их безумие. И глядя на неё, А Сян невольно чувствовал, будто видит новую эпоху, время, когда дети богов и демонов учатся не сражаться с судьбой, а мириться с ней.

Сяо Яо опустила на песок, лишённая сил. Только слёзы скатились по щекам и упали в песок. Внутри неё всё разрывалось: от боли, от любви, от утраты и невозможности что-то изменить.

— Я никогда не понимала ни его, ни Сюаня! Оказывается, я была его слабостью, — прошептала она. — И он предпочёл исчезнуть... навсегда. Даже следа не оставил.

— Но он оставил след в тебе, — мягко сказал А Сян, — и однажды ты сможешь отпустить его. Не потому, что забудешь, а потому что память тоже способ любви. Он был тебе хорошим другом.

Сяо Яо сидела у реки и смотрела, как солнце медленно опускается за горизонт. Там, где-то заканчивалась земля и начинался океан, её сердце всегда будет ждать чью-то тень в белоснежных одеждах.

Глава 6. «Ничто не предвещало беды.»

Сяо Яо вернулась с горы Юйшань в их дом, укрытый в складках холмов Дахуана. Ту Шань Цзин ждал её у ворот. В уголке его губ дрожала привычная, тёплая улыбка, и от одного его взгляда мир вокруг обретал чёткость. Она подошла, позволила его пальцам сомкнуться на своей ладони и не проронила ни слова о том, что узнала. Быт течёт по прежнему руслу. Дневные заботы, душный воздух лечебницы, шёпот страждущих. Сяо Яо вновь стала прежней. Сосредоточенной. Внимательной. Её руки, пахнущие полыньёю и мёдом, перебирали корни, толкли пестики в ступке, выводили иероглифы на страницах новой книги. Порой она замирала над резной шкатулкой. Внутри дремали крошечные фарфоровые баночки с ядом. Она создала их с нежной тоской для демона, которого больше не было в её мире. Для того, кто ушёл, не оглянувшись.

Ту Шань Цзин двигался почти беззвучно, ступая по циновкам, словно тень, и не задавал лишних вопросов. Он чувствовал, как в ней что-то надломилось, но не тревожил заживающих ран. Однажды вечером, когда густой, янтарный свет заката разлился по комнатам, он подошёл к ней. Она как раз задвигала крышку шкатулки, убирая её на верхнюю полку. Его руки скользнули ей под плечи, притягивая к себе, а лицо утонуло в складках её волос.

— Я часто думаю, — его голос вибрировал у неё за спиной, — каково это. Когда наш ребёнок назовёт меня отцом. Мне кажется, у него будут твои глаза.

Сяо Яо замерла. Пальцы её похолодели.

— Цзин... — выдохнула она, не оборачиваясь. — Прости. Я ещё не готова. У нас впереди вся жизнь. Правда?

Он медленно кивнул, не размыкая объятий.

— Конечно. Вся жизнь. — В его голосе прорезалась лёгкая, хрупкая усмешка. — Мысль о семье с тобой делает меня счастливым. Даже если это случится не сейчас.

Он отстранился, заглядывая ей в глаза.

— У Императора Сюаня уже две дочери. Говорят, он не может на них надышаться. И... — он запнулся, подбирая слова. — А Нянь ждёт ребёнка. Весь дворец в ожидании наследника.

Сяо Яо кивнула. В её взгляде не было ни зависти, ни сожаления. Она шагнула ближе, прижала ладони к его груди, чувствуя ровный стук сердца, и поцеловала его.

— И у нас будут дети, Цзин. Когда-нибудь. Но сейчас я хочу закончить эту книгу. Она способна спасти десятки жизней.

Ту Шань Цзин молча кивнул, скрывая внезапную боль. Он лишь крепче притянул её к себе, жадно впитывая тепло её тела, словно боясь упустить его навсегда.

Во время поездки в Цин Чжоу он виделся не только с семейными советниками, но и с целителями. Он добирался до предгорий, к старому лекарю, ученику самого Шэнь Нун. Тому, кто читает плоть словно свиток. Старик долго молчал, разглядывая его, а потом изрёк:

— Если бы не те старые раны, ты мог бы прожить много веков. Но они словно ржавчина, что медленно пожирает металл. Твои сердечные меридианы разрушены. Готовься, мальчик.

Теперь, когда по ночам его грудь сдавливала невидимая тисками боль, а дыхание свистело в горле, он твердил себе одно: она не должна узнать. Он хотел, чтобы она помнила не его болезнь, а годы света. Смех. Аромат её травяных настоек, пахнувших домом. Он смотрел на неё каждый день, словно впервые. В её улыбке была вся его жизнь. И он был готов отдать всё, лишь бы этот свет не померк.

Прошло несколько месяцев. Весна вновь расцвела в горах Дахуана. Розовые лепестки устилали каменные дорожки, а ветер приносил запах цветущей сливы и влажной земли. Сяо Яо не говорила о прошлом. Она не вспоминала ни гору Юйшань, ни А Сяна, ни деревянную фигурку, спрятанную в дальний ящик. Она жила настоящим. Днём принимала пациентов, учила юных лекарей, выводила иероглифы. По вечерам они с Цзин пили травяной чай на крыльце. Иногда разговаривали до глубокой ночи, иногда она просто слушала, как его пальцы перебирают струны циня.

Но внутри у неё росло липкое беспокойство. Он стал уставать слишком быстро. Раньше Ту Шань Цзин был подобен горному оленю. Лёгкий. Выносливый. Тихий. Он мог идти по лесу часами, не сломав ни одной ветки. Теперь он всё чаще оставался в доме, ссылаясь на усталость. Перестал сам ходить за травами. И главное. Он стал слишком спокоен. Слишком внимателен. Он подолгу играл на цине, зная, как она любит эти звуки. Смотрел на неё, стоило ей лишь повернуть голову.

Однажды, обернувшись слишком резко, она поймала его взгляд. В его глазах плескалась бездонная тоска, которая в то же мгновение сменилась лаской. Он всегда говорил мало. Теперь он стал хранить молчание.

В одну из ночей, когда его дыхание едва ощутимым, Сяо Яо почувствовала озноб. Она подошла, чтобы накрыть его одеялом, и замерла. Его грудная клетка почти не поднималась. Губы приобрели пепельный оттенок.

На следующий день, собирая его одежду, она коснулась шёлкового саше. Он, как и она, всегда носил с собой целебные средства. Она развязала тесёмки и высыпала содержимое на стол.

Травы от боли. Много. Разных. Сильные. Корни для подавления внутреннего кровотечения. Кора для укрепления сердца. Она сжала мешочек в кулаке, пытаясь унять мелкую дрожь в пальцах. Он знал. И ничего не сказал.

Вечером он вернулся домой с бамбуковой корзиной, полной фруктов.

— Сегодня ты выглядишь особенно красиво, — произнёс он с мягкой улыбкой. — Даже цветы тебе завидуют.

Сяо Яо не ответила. Она лишь смотрела на него.

Он поставил корзину на стол, обнял её за плечи и лишь тогда почувствовал, как сильно она дрожит.

— Что случилось? — в его голосе прорезалась тревога.

— Цзин... — прошептала она, не отводя взгляда. — Скажи мне только одно. Когда ты собирался рассказать?

Он замер. Слишком долгая пауза. Слишком тяжёлая тишина. Он отвёл глаза. Его плечи медленно опустились.

— Я хотел, — его голос стал хриплым, — чтобы ты запомнила меня не больным. Не жалким.

Сяо Яо сжимала в ладонях пиалу. Отвар внутри был густым, тягучим, с тяжелым янтарным отблеском. На поверхности плавали три капли её крови, алые, словно раздавленные ягоды тёрна. Цзин сидел на веранде. Лёгкий шёлковый плащ скользил по его плечам. Закатное солнце ложилось на его лицо мягкими, почти прозрачными тенями. Он казался совсем юным. Тот же ясный взгляд. Та же тёплая улыбка.

Она протянула чашу.

— Пей, — произнесла она, и в голосе её прорезалась сталь, хоть пальцы и дрожали. — Этот отвар сильнее. В этот раз ты почувствуешь себя лучше.

Цзин посмотрел на пиалу. Принял её, не отпив ни капли, и поставил на резной столик. Затем притянул Сяо Яо к себе.

— Сяо Яо, — выдохнул он. — Довольно.

Она подалась назад, словно от физического удара.

— Что значит «довольно»? — хрипло спросила она.

— Мы оба знаем правду. Это не лечение. Это жалкая отсрочка. Ты борешься за каждый мой вдох, но я вижу, как это сжигает тебя изнутри. Ты не спишь. Ты превращаешься в тень.

Сяо Яо замотала головой.

— Нет. Я найду способ. Мы попробуем другую формулу...

Он приложил холодный палец к её дрожащим губам.

— Послушай меня. Я не хочу умирать, глядя, как ты выжимаешь из себя последние силы. Я хочу прожить остаток иначе. Просто быть рядом. С тобой. Пока я дышу. Пока я могу тебя обнять.

Сяо Яо опустила голову. Тёмные пряди упали на лицо. Ту Шань Цзин гладил её волосы, перебирая тяжёлые локоны.

— Ты знаешь, что я не переживу, если ты просто сдашься, — прошептала она в ткань его плаща.

Он улыбнулся. Тихо и печально.

— Ты сильнее, чем думаешь. И ты уже дала мне больше, чем я смел просить у небес. Я люблю тебя, Сяо Яо. Этой любви мне хватит на все перерождения.

Впервые в жизни Сяо Яо нащупала стену, которую не мог пробить ни какие слова. Она вцепилась в его руку. Пальцы побелели от напряжения.

— Я не отпущу тебя! Мы клялись быть вместе до конца!

— Прости, — шепнул он, глядя в её залитые слезами глаза. — Я прошу лишь одного. Побудь со мной сейчас. Это всего лишь расставание. Мы обязательно встретимся в следующей жизни. Смерть есть лишь порог, за которым начинается новый рассвет.

Весна вступила в свои права в Тянь Шунь. Тёплый ветер кружил по улицам, неся густой, дурманивший аромат цветущих садов. У их дома вспыхнули розовым облаком персиковые деревья. Но внутри дома воздух был иным. Жизнь уходила. Тихо. Неумолимо. Как догорающая масляная лампа. Цзин почти не вставал с постели. Его дыхание стало поверхностным, а взгляд скользил по предметам, словно он уже смотрел в иные дали. Когда у него оставались силы, он улыбался ей. Но чаще молчал, слушая шорох трав, тихое кипение отвара, тёплое дыхание любимой, греющей его ладонь. По вечерам он читал ей стихи. Тихие, мягкие слова плели между ними невидимую нить, которую не могла перерезать ни одна болезнь. В один из таких вечеров, когда мир за окнами затих, он позвал её.

— Сяо Яо.

Она осторожно приподняла его, подложила под спину высокие подушки и села рядом, укрыв их обоих одним тяжёлым пледом. Он откинулся на её колени. Она бережно расчёсывала его длинные волосы, касаясь губами его холодного виска.

— Обещай мне, — прошептал он.

— Что обещать, дорогой? — Голос её сорвался на всхлип.

Он медленно повернул к ней лицо. В его глазах не было страха. Лишь бездонная нежность.

— Обещай, что не будешь долго плакать. Что не станешь жить в одном лишь горе. Что когда-нибудь ты снова найдёшь радость. Что будешь жить. Ради себя.

Сяо Яо не сдержалась. Солёные капли падали на его щёки. Она прильнула к нему, покрывая его лицо поцелуями, вдыхая утешающий запах его кожи.

— Я не смогу, — шептала она. — Я не знаю как.

— Сможешь, — ответил он почти беззвучно. — Ты сильная. Ты всегда была.

Он затих. Она почувствовала, как его дыхание стало тише. Как пульс на запястье замедлил свой бег, а затем и вовсе остановился. Сердце Сяо Яо сжалось, но она не закричала. Она просто сидела, держа его в объятиях, пока за окном ночь не сменилась холодным, серым рассветом.

К утру его не стало.

Похороны Ту Шань Цзин стали событием, собравшим весь клан Ту Шань и почётных гостей со всего Дахуана. На горных склонах, где белоснежным ковром стелились редкие цветы, а ветер перебирал струны траурных циннов, собрались все, кто знал и любил его. Он был не просто главой клана. Он был душой этого рода. Его мягкость, благородство и преданность навсегда отпечатались в сердцах пришедших.

Великий Владыка, названный отец, лично приехал отдать дань памяти. Владычица А Нянь, названная сестра Сяо Яо, прибыла, несмотря на то что ей пришлось оставить совсем маленького принца. Она стояла рядом, молча держала Сяо Яо за руку. Ни слова. Просто её тёплое, живое присутствие. Это было важнее любых утешений.

Весть о смерти Цзин достигла и дворца Императора Сань Сюань. Он долго смотрел в расписное окно своих покоев, прежде чем произнёс:

— Не поеду.

Он хотел. Всем сердцем хотел поехать. Встать рядом с ней. Стать той опорой, в которой она сейчас нуждалась. Но он знал правду. Сяо Яо не желала его видеть. Она настоятельно просила названного отца и А Нянь передать эту просьбу. Он чувствовал её боль. Знал, что её рана кровоточит не только от утраты мужа, но и от прошлого. От прошлого, в котором он был виноват. Ужасно, непростительно виноват.

По просьбе А Нянь он ограничился дарами. Редкие травы, сокровенные книги, старинные амулеты и шкатулка с белыми нефритами, символизирующими чистую скорбь. А также письмо с краткими, искренними словами соболезнования. Ни одного лишнего слова.

Затем он начал пить. Без памяти. Без удержу. Так он не пил уже много лет. Никто из слуг не смел переступить порог его покоев. А на следующий день он долго сидел на резных качелях в саду феникса. В её саду. В его сердце, вопреки рассудку, вновь зажглась надежда. Горькая. Упрямая. Неуместная. Надежда на то, что теперь, когда её сердце вновь одиноко, она, быть может, вернётся. Пусть не как возлюбленная. Пусть просто как сестра. Как та девочка, что была с ним в детстве и с тех пор стала для него целым миром.

Глава 7. «Жёлтый Император.»

Дом опустел в ту же секунду, как только клан Ту Шань увёз гроб с телом Цзин в Цин Чжоу. Воздух, ещё вчера пропитанный горьковатым ароматом полыни и тёплым звуком циня, теперь казался холодным и чужим. Приглушённый смех, что часто разносился из сада, растаял, подобно утреннему туману на солнцепёке. Сяо Яо долго стояла на пороге. Она не двигалась, словно пыталась удержать дыхание этого дома хотя бы на миг. Потом медленно шагнула внутрь и плотно закрыла за собой дверь. Слез не было. Источник давно иссяк.

— Когда придет новый лекарь, мы уедем, — тихо произнесла она, не оборачиваясь к служанке. Та лишь молча кивнула, опустив ресницы.

В комнате, где они с Цзин когда-то склонялись над свитками, перебирая корни и споря о свойствах трав, она открыла резной сундук. На ладонь легла деревянная кукла. Память о Сян Лю. Рядом лежал туго свёрнутый портрет: они с Цзин стоят под цветущим персиковым

деревом. Его последняя работа. Его прощание. Ниже покоилась шкатулка с ядами. Редкими, почти невозможными по составу. Она собирала их сама, для того, кого больше никогда не увидит.

— Глупо, — выдохнула она, и на губах мелькнула почти невидимая усмешка. — Никогда не умела прощаться.

Она уложила вещи на дно и захлопнула крышку. Медленно. Словно хоронила внутри что-то важное. Может быть, так и было. Сяо Яо перевела взгляд на окно. За тонкой бумагой шевелились ветви вечно цветущего персикового дерева. Ветер шелестел листвой, тихий и ласковый, словно само небо шептало ей слова прощания.

На рассвете, когда первые лучи только коснулись верхушек деревьев, к воротам прибыл юный лекарь с горы Сюань. Его прислал сам Великий Владыка Шаохао. Парень держался почтительно, в его ясных глазах читалась осторожность. Он низко поклонился и протянул ей запечатанное письмо от приёмного отца.

Ещё до отъезда Великий Владыка пытался уговорить её вернуться на гору Сюань. В его взгляде тогда читалась глубокая тревога. А Нянь не скрывала слёз, умоляя её последовать за ней в Хаолин, туда, где тепло и где её окружают заботой. Тогда Сяо Яо лишь обняла отца, прижавшись щекой к его плечу, как делала в детстве. Затем крепко, словно прощаясь навсегда, обняла А Нянь.

— Пожалуйста, не обижайтесь. — Голос её дрогнул, но взгляд оставался твёрдым. — Сейчас я хочу побыть одна. Затеряться среди людей Дахуана. Не ищите меня. Когда буду готова, я вернусь сама. Обещаю.

Приёмный отец молча кивнул. Он знал: уговорами её не сломить. Они не стали выпытывать причины. Но в глубине сердца оба понимали: между ней и Сюань Юань произошла беда. Нечто непоправимое. Раньше казалось, что в случае несчастья лишь Сюань Юань сможет её утешить. Тот, с кем она прошла сквозь огонь и кровь к трону. Та, кто всегда была рядом, принося себя в жертву, деля с ним и радость, и страдание. Но вот уже сто двадцать лет, с самой свадьбы с Цзин, Сяо Яо избегала встреч с императором Дахуана. Ни писем. Ни визитов. И теперь стало ясно: она не вернётся ни на гору Сюань с приёмным отцом, ни на гору Ушэнь к А Нянь, ни в столицу Джии к имперскому двору.

Едва повозка тронулась, Сяо Яо легко коснулась запечатанного цветка на своём теле. Черты лица поплыли и изменились. Теперь в зеркале на неё смотрел молодой мужчина. Простая внешность, ничего примечательного, словно мелкий торговец или слуга из хорошего дома. Тёмный дорожный халат, волосы собраны в тугий мужской узел. На поясе позвякивала связка счётных косточек и несколько глиняных склянок с травами. Её путь лежал на пик Сан Юэ, на гору Шэнь Нун. К дедушке. К Жёлтому Императору.

Так началось её новое странствие. Без Цзин. Без дома. Без имени. Словно в те давние времена, когда она была Вэй Сяо Лю. Несколько недель Сяо Яо скиталась по Центральным равнинам. Она обходила стороной большие города и шумные тракты, выбирая глухие деревни и пыльные просёлки. Там, где люди не задавали лишних вопросов, где она могла быть просто странствующим лекарем. Молчаливым. Учтивым. С каждым днём звон в её голове становился тише, а острая боль в груди чуть притуплялась.

Наконец она призвала облаковоз. Прежде чем окончательно раствориться в просторах Дахуана, ей нужно было увидеть дедушку. Кто знает, вдруг эта встреча станет последней. Паром мягко опустился в долине у подножия пика Сан Юэ. Сяо Яо ступила на землю, вдыхая терпкий, свежий горный воздух. Всё вокруг осталось прежним, словно время не властно над этим местом. Пик был суров и прост. Дикий лес стоял густой стеной, скрывая тропы, знакомые лишь тем, кто здесь жил. Долина, раскинувшаяся у подножия, всё так же была покрыта синими

цветами. Они мерцали на ветру, будто впитывая небесный свет. На склоне, где лес расступался, виднелись четыре могилы. Камни были чисто вымыты дождями, ухожены заботливыми руками. Вокруг цвели те же голубые цветы, что и много веков назад. Сяо Яо подошла ближе.

На первой плите было высечено: «Могила любимой жены Шэнь Нун Тинци. Со слезами воздвигнута мужем, Шэнь Нун Шин Ян». На второй: «Могила любимой дочери Шэнь Нун Яоцзы. С горем воздвигнута отцом, Шэнь Нун Шин Ян». И, наконец, на третьей, самой величественной: «Могила Императора Пламени Шэнь Нун Шин Ян. С горем воздвигнута его детьми: Шэнь Нун Юйвань, Шэнь Нун Юньсян и Шэнь Нун Му Цзинь». На четвёртой плите значилось: «Могила любимого брата Шэнь Нун Юйвань. С горем воздвигнута любящими сёстрами: Шэнь Нун Юньсан и Шэнь Нун Му Цзинь».

Здесь покоился весь королевский род Щэнь Нун. И сколько ещё таких могил разбросано по свету. Виновник всего этого Жёлтый Император. Её дед. Сяо Яо тихо выдохнула, и холодный воздух обжёг лёгкие. Она достала из мешочка благовония, зажгла их и трижды низко поклонилась. Тонкий дымок потянулся в небо, растворяясь в утренней дымке, будто унося её безмолвную молитву к предкам.

Когда она выпрямилась, взгляд зацепился за движение у кромки леса. Там стоял олень. Редкий, с шерстью цвета осенней листвы и мягким сиянием на рогах. Проводник горы. Страж древних троп пика Сан Юэ. Он молча посмотрел на Сяо Яо и, неторопливо повернувшись, повёл её через долину. Путь вывел их на просторное горное плато. Перед глазами вновь открылись знакомые поля, засеянные лекарственными травами. Ветер ласково качал тонкие стебли, разнося горьковатый аромат женшена и влажной земли. Всё было так же, как в детстве. Сяо Яо улыбнулась.

— Столько лет прошло, а дедушка всё ухаживает за полями, — пробормотала она, покачивая головой. — А ведь казался таким слабым, когда передавал престол Сюань Юань. Хитрец.

В её голосе звучала нежность. В этих словах не было упрёка, лишь тихая радость от того, что в мире, полном перемен и утрат, хотя бы одно место осталось неизменным. Она подошла к дому и сняла маскировку.

Прошло так много лет с тех пор, как они с Цзин бродили здесь, держась за руки и смеясь, словно дети. Тогда в ней ещё жила радость. Здесь она провела бесчисленное множество дней с Жёлтым Императором и Сюань Юань, после того как он стал Императором и женился в третий раз на Щэнь Нун Синь Юэ, провозгласив её Владычицей. Как давно это было! Огромное, кряжистое дерево феникса у дома стояло в пышном цветении. Его яркие, кроваво-красные цветы усыпали дорожку, будто кто-то нарочно расстелил алый ковёр. Ветви тихо шелестели, приветствуя её, как давнюю подругу. Здесь всё было связано с Сюань Юань. С тем Сюань, что был для неё семьёй и братом.

Слуга, увидев её, замер. Потом тихо ахнул, низко поклонился и бросился вглубь дома доложить о её прибытии. Сяо Яо осталась стоять у дерева, осторожно касаясь шершавой коры. «Здесь ничто не меняется», — подумала она. Даже время, казалось, текло на этой горе иначе. Словно здесь всё ещё живы те, кого она потеряла. Она закрыла глаза и прислонилась лбом к стволу. Только здесь, только рядом с дедушкой, она могла позволить себе опереться на чьё-то плечо. Хоть на миг.

Жёлтый Император был искренне рад её видеть. Он обнял Сяо Яо так крепко, словно перед ним стояла не взрослая женщина, а маленькая внучка, вернувшаяся из долгого странствия. В его глазах блестела влага, но голос оставался твёрдым, как и подобает повелителю, прожившему тысячи лет.

— Я очень переживал, когда узнал о Цзин, — сказал он, усаживая её за стол под деревом феникса. — Он был редким человеком. Чистое сердце, мудрый взгляд. И так любил тебя.

Слуги подали лёгкую еду и тёплое вино. Какое-то время они просто молча сидели, глядя вдаль, на окутанные весенним туманом горные склоны.

— Сюань Юань приехал ко мне сразу, как только узнал. Рвался ехать к тебе. Я едва его удержал. Ты ведь знаешь, он не всегда благоразумен, когда дело касается тебя.

Сяо Яо не ответила. Она лишь склонила голову. Имя Сюань Юань всё ещё отзывалось глухой болью внутри, хотя прошло так много лет. Она скучала по нему. По тому другому Сюань, с кем рука об руку прошла сквозь огонь и кровь. Она давно простила его. Но их дороги разошлись.

— Я ведь когда-то сказал ему, — продолжал Император, медленно вращая чашу с вином, — что невозможно иметь всё сразу. Или власть и трон, или...

Он отпил и взглянул на неё долгим, спокойным взглядом.

— Знаешь, у него уже трое дочерей от первой и второй жены и сын от А Нянь. А с Синь Юэ... он не заходил в её покои с тех пор, как узнал о её замыслах против тебя. Только титул оставил, ради формы. И то лишь потому, что дал слово Фэн Лун. После смерти брата она и сама изменилась.

Они вспоминали ушедшие годы. Мать Сяо Яо. Её юность. И, наконец, разговор неизбежно коснулся разгрома армии Гун Гун и Сян Лю.

— Ты знаешь, — тихо сказал Жёлтый Император, глядя прямо на неё. — Я всегда боялся, что ты сбежишь с ним. Я знал, что он тебе не безразличен. В нём была притягательная сила. Демон с честью и преданностью. Но он был моим врагом, врагом Сюань Юань, а мы оба хотели бы, чтобы он стал другом. Что только ему не предлагали, чтобы перешёл на нашу сторону. А он предпочёл умереть. У вас никогда не было шанса. И, — он сделал паузу, — история твоей матери и Чи Ю тому живое напоминание.

Сяо Яо молчала. Она смотрела на цветы феникса, такие яркие, будто налитые кровью, и что-то тихо сжималось в груди.

— Ты сделала правильный выбор, — повторил Император. — Ты благоразумная девочка. И я горжусь тобой.

Но Сяо Яо знала: выбор не всегда делает человек. Иногда его делает судьба.

— И всё же, бабушка, — тихо сказала она, не отрывая взгляда от багровых лепестков, — я часто думаю... что было бы, если бы тогда я сделала другой шаг. Если бы не выбрала безопасность. Если бы не испугалась.

Жёлтый Император посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула тень.

— Ты была так молода, Сяо Яо, — мягко произнёс он. — Ты пережила столько ещё до того, как поняла, чего желаешь по-настоящему. А Сян Лю... Он был как буря. Ты не смогла бы его остановить.

Она качнула головой, почти невидимо.

— Он ушёл, не сказав прощай, — прошептала она. — Он выбрал умереть со своими воинами.

Жёлтый Император тяжело вздохнул.

— Это был его выбор.

Сяо Яо отвернулась. Лепестки феникса дрожали на ветру, словно её ресницы, не удержавшие слёз.

— Спасибо, что выслушал, — сказала она наконец.

— Он всегда будет жить в твоей памяти, — ответил Император. — Как и Цзин.

Незаметно спустились сумерки. Жёлтый Император давно ушёл отдыхать. Сяо Яо осталась одна в тишине и, как в детстве, села на старые качели под деревом феникса. Ветер едва колыхал алые лепестки, усыпавшие землю под ногами. Качели тихо скрипели, покачиваясь взад-вперёд.

— Как жаль, — сказала она вслух, — что невозможно остаться детьми на всю жизнь.

В памяти всплыл забытый, почти призрачный образ: Сюань Юань, мальчишка с живыми глазами, раскачивает её на качелях. А неподалёку сидят мама, тётя и бабушка. Улыбающиеся. Молодые. Живые. Казалось, вся жизнь была впереди, и ничто не могло разрушить их счастье.

Наутро Сяо Яо проснулась позже обычного. Солнце уже успело согреть верхушки деревьев. На кухне она сама приготовила обед. Ароматные овощи на пару, рис с лотосом и жареная рыба. Она знала вкусы дедушки. За десятки лет они не изменились. Жёлтый Император, как всегда, встал до рассвета и ушёл в поле ухаживать за своими целебными травами. Когда он вернулся, они обедали вместе. Просто, спокойно, почти по-домашнему.

Жёлтый Император с интересом посмотрел на неё.

— А куда ты пойдёшь теперь? Может, поживёшь здесь подольше?

Сяо Яо улыбнулась чуть грустно.

— Пока не знаю. Хочу побродить по миру. Побывать среди простых людей, посмотреть на жизнь со стороны. Я всё ещё не готова возвращаться.

Жёлтый Император кивнул, вздохнув.

— Понимаю. Но если решишь остаться, ты всегда желанный гость.

— Пик Чин Жун до сих пор остаётся запретным местом, — сказал он. — Император Сюань сдержал обещание, данное Сян Лю. С тех пор как он погиб, туда мало кто поднимался. Всё было выжжено огнём. Земля отравлена формацией из крови Сян Лю. Там спят спокойно последние воины бывшего государства Шэнь Нун.

Сяо Яо молча кивнула. Она ничего не сказала, но уже приняла решение. Ей нужно туда. Чтобы поклониться. Проститься.

Они долго ещё болтали. Вспоминали ушедшие годы, спорили о травах, смеялись. В тот вечер она была просто внучкой, а он просто стариком, которому дорога семья.

На следующее утро они обнялись у ворот. Сяо Яо поцеловала дедушку в щёку, прошептала слова благодарности. Он ничего не ответил. Только смотрел ей вслед, пока её фигура не скрылась за поворотом тропы.

Сразу за пределами пика Сан Юэ она изменила внешность. На этот раз она выбрала облик молчаливого юноши в простом мужском платье. Она вскочила на облачного коня и отправилась на пик Чин Жун.

По дороге она сделала остановку у реки Цин Шуй. Подошла к берегу быстрой горной реки и села на плоский камень у воды. Подняла голову. Там, в вышине, среди ветвей высокого дерева, она впервые увидела Сян Лю. Фигура в белых одеждах. Серебряная маска. Белые волосы, тронутые лёгким ветром. Он сидел на ветке, словно был частью этого неба, этой дикой, недоступной силы. Девятиглавый демон Сян Лю. Девять жизней. Советник Гун Гун. Безжалостный, хитрый, бесстрашный. Тогда она пыталась спасти маленького пушистого зверька Фэй Фэй и отравила Пушистика, его верного орла. Сян Лю принял её за шпионку и велел выпороть. Так началась их история.

Сяо Яо долго сидела, слушая, как шумит вода и ветер шепчет в листве. Прошло много лет. Но всё здесь хранило ту первую встречу. Отдохнув, она поднялась.

Скоро она достигла пика. Прошло сто двадцать лет, и природа взяла своё. Молодые деревья пробивались сквозь золу, обвили уцелевшие корни, зазеленели кроны. И всё же кое-где всё ещё стояли вековые исполины с почерневшей корой, храня на себе следы былой катастрофы. Они были немymi свидетелями последней битвы. Битвы, которую здесь вёл Сян Лю с остатками своих воинов.

Поднимаясь всё выше, Сяо Яо заметила старую табличку с предупреждением. Дальше шла отравленная территория. Вход воспрещён. Формация крови, оставленная Сян Лю, когда-то отравила здесь всё живое. За прошедшие годы её сила почти угасла. И всё же воздух здесь был иным. Тяжёлым, глухим, будто сама земля помнила смерть.

Скоро она нашла это место. Прямо в центре поляны темнело выжженное пятно. Чёрная, потрескавшаяся почва. Здесь когда-то пал Сян Лю. Сяо Яо достала из сумки перчатки и надела их. Затем собрала вокруг камни и сложила из них небольшую горку. Аккуратно, словно прикасалась к ране, она выровняла землю. Вытянула из сумки две дощечки, вырезанные заранее. На первой было выжжено: «Воины Щэнь Нун умирают, но не сдаются». На второй были начертаны простые слова: «Сян Лю. Верность и преданность». Она установила таблички, зажгла благовония, разложила на камнях фрукты и лепёшку. Потом опустилась на колени и трижды поклонилась до земли, сложив руки.

— Как было бы хорошо, Сян Лю, — тихо прошептала она, глядя на горку камней. — Если бы тогда, давным-давно, не Гун Гун спас тебя и назвал своим сыном, а я.

Она замолчала, проглотив подступивший ком.

— Тогда ты мог бы быть просто Фан Фэн Бэй. Весёлым. Свободным. Счастливым.

Она посидела ещё немного в молчании. Вдалеке шумел лес, ветер трепал листву, где-то щёлкнула ветка. Всё казалось прежним и в то же время навсегда другим. На сердце стало чуть легче. Будто она наконец попрощалась с очень дорогим человеком. Сяо Яо встала и отправилась в обратный путь.

Сяо Яо шла обратно узкой тропой, петлявшей между сосен и серых камней. Вечернее небо постепенно темнело, и на его фоне уже мерцали первые звёзды. Когда дорога вывела её в долину сразу за мёртвым лесом, она заметила небольшую деревню. Из одного двора навстречу ей вышел старик. Низкорослый, с лицом, иссечённым временем. Он прихрамывал, а правая рука бессильно висела, будто давно не слушалась.

— Господин, — хрипло произнёс он, прищурившись, — ищите кого в этом забытом Небесами месте?

Сяо Яо тихо покачала головой.

— Нет. Я пришла лишь почтить память тех, кто пал здесь.

Старейшина всмотрелся внимательнее, взгляд его смягчился.

— Вы знали кого-нибудь из погибших?

— Нет, — ответила она. — Но мои родители когда-то были знакомы с генералом Гун Гун. Всё это давно в прошлом.

Старейшина молча кивнул.

— Уже темнеет. Если угодно, господин, останьтесь у нас на ночь. Трапеза скромна, но под кровом будет теплее, чем в горах.

Сяо Яо поблагодарила и последовала за ним. Дом старейшины стоял на краю деревни. Пахло дымом и сушёными травами. За ужином, за миской риса и сладковатым отваром из дикого корня, старик рассказал ей о жителях деревушки. Многие пришли сюда после войны. Каждый из них потерял кого-то в последней битве. Здесь, у подножия горы, они нашли приют среди руин и тишины. Выращивали травы, строили бамбуковые хижины. Сяо Яо слушала молча. Её глаза блестели в слабом свете масляной лампы.

На рассвете она поднялась. Туман стлался над землёй, и колокольчики на ветру звучали, как далёкие голоса. Поблагодарив старейшину, она вновь отправилась в путь.

Спустившись с горы, Сяо Яо и сама не знала, почему направилась в Цин Шуй. За все эти долгие годы она ни разу не возвращалась туда. Более полутора веков прошло с тех пор, как Сюань, готовясь к решающей битве с армией Гун Гун, приказал эвакуировать город. После разгрома повстанцев город быстро восстановился. Казалось, всё вернулось на круги своя. Только вот люди были совсем другие. Лица незнакомые, чужие. Смертные не живут так долго. Сам город сильно изменился. Появилось множество лавок, шумных торговых рядов, аккуратных новых домов. Сяо Яо медленно шла по улицам и по наитию дошла до места, где когда-то сто-

яла Лавка омоложения. Её дом, когда она была Вэй Сяо Лю. Теперь это место у реки было застроено богатыми домами местных купцов.

Она сняла комнату в скромном постоялом дворе. Желание остаться в Цин Шуй было настолько сильным, что удивило даже её саму.

На следующее утро Сяо Яо приняла облик молодой женщины. В последний раз, глядя на своё лицо, она заметила две тонкие белые пряди в волосах. Цветок формирования, запечатанный в ней, по-прежнему сохранял её молодость и свежесть, но душевные раны всё же оставили свой след. Она не стала закрашивать волосы. Лишь немного изменила черты лица. Во всей Империи Дахуан ей не укрыться от Сюань и его шпионов, если он нарушит своё слово. Но пока он его держал. Тем не менее осторожность не помешает.

В Цин Шуй ей нужно было найти Левое Ухо. Демона, который долгое время служил ей телохранителем. И Мяо Пу, её бывшую верную служанку. Когда они с Цзин хотели замести свои следы, ей пришлось отослать их, велев найти дом и завести семью. Теперь прошло слишком много лет, чтоб Сюань продолжал следить за ними.

На поиски Левое Ухо ушло несколько дней. Сяо Яо не была уверена, найдёт ли его. Она расспрашивала на рынке и в харчевнях. В одном из трактиров, у старого мясника, она наконец услышала нужное имя. Левое Ухо жил на окраине. Народ его уважал. Он промышлял охотой и рыбалкой, помогал, с духами ладил. Только с незнакомцами не разговаривал.

Дом и правда оказался у самого леса. Невысокий, чистый, аккуратный. Во дворе сушились травы, рядом бегала маленькая девочка и играла с котёнком.

— Твой отец дома? — спросила Сяо Яо.

Девочка подняла на неё глаза. Настороженные и тёмные, как уголь.

— А кто вы?

— Скажи ему, что пришла Сяо Яо.

Девочка бросилась в дом. Через несколько мгновений из двери вышел высокий мужчина. С одним ухом. Второе было оторвано. Густые брови нависали над глазами. Он замер на крыльце, будто вкопанный.

— Госпожа, — прошептал он и тут же упал на колени. — Я слышал, что вы исчезли. Я думал, больше никогда вас не увижу.

Сяо Яо подошла ближе и мягко коснулась его плеча.

— Вставай, Левое Ухо. Мы столько прошли вместе. Не время больше кланяться.

Он поднялся. В его взгляде были преданность и трепет.

— Я сдержал обещание. Ушёл в Цин Шуй. Мы поженились с Мяо Пу. У нас дочь. Я живу, как вы велели.

— Я не велела, — мягко возразила она. — Я просто отпустила вас. А где же Мяо Пу?

Он смотрел на неё, не веря глазам.

— Вы по-прежнему такая же. Только в глазах у вас теперь печаль. Мяо Пу сойдёт с ума от радости. На рынок пошла.

Сяо Яо улыбнулась устало.

— Я много кого потеряла. И много что повидала.

Он провёл её в дом. Скромный, но ухоженный. На стене висела старая шкура демона тигра. Внутри пахло мясом, пряными корнями и жареным луком. Они сидели на низких табуретах за скромным столом. Левое Ухо поставил перед ней чашку горячего чая и кусочек пирога с мясом. Его глаза всё ещё не могли поверить, что она здесь. Живая, рядом.

Сяо Яо обхватила ладонями чашку и тихо сказала:

— Цзин умер.

Левое Ухо опустил голову. Долгое время он молчал, потом медленно произнёс:

— Я надеялся, что вы будете счастливы долго. Он был добрым.

— Был, — просто ответила она. В тишине за окном пролетела птица. — Теперь я одна. Я долго бродила. И вот пришла сюда. Не знаю, зачем. Просто ноги сами привели. Я хочу остаться. Жить в Цин Шуй. Но так, чтобы никто не знал, кто я. Ни старые враги, ни старые друзья. Я хочу быть незаметной. Раствориться в толпе. Стать просто женщиной среди людей. Не принцессой. Не Силин Сяо Яо, внучкой Жёлтый Император. Просто никем из прошлого.

Левое Ухо кивнул.

— Я всё понял, госпожа.

— Мне нужен маленький, но надёжный дом. Чем ближе к лесу, тем лучше. И ещё. Мне нужна служанка. Но такая, которой я смогу доверять. Спокойная, скромная. Не слишком любопытная. Хорошо, если из мелких демонов или духов.

— Я всё устрою. Мы с женой всё устроим, — твёрдо сказал Левое Ухо. — Я найду вам подходящий дом. И девушку. Никто не узнает, кто вы. Ваше имя не прозвучит. Ваш дом будет тихим, и ваш покой неприкосновенным. Пока я жив, ни один волос не упадёт с вашей головы.

Он говорил это не как слуга, а как пёс, который всю жизнь ждал возвращения хозяйки и вот дождался.

Сяо Яо слабо улыбнулась.

— Спасибо, Левое Ухо. Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

Он отвёл взгляд, пряча волнение. Но ухо, точнее, одно ухо, дрогнуло.

— Наше место рядом с вами, госпожа.

Пока они пили чай, дверь тихо отворилась, и вошла Мяо Пу. Она задержалась на пороге, с изумлением глядя на молодую женщину в собственном доме. Левое Ухо вскочил и воскликнул:

— Ты только посмотри, кто у нас!

Мяо Пу переводила взгляд с мужа на Сяо Яо, будто не смея верить глазам, и вдруг рухнула на колени.

— Госпожа. Моя госпожа. — Её голос сорвался, и она разрыдалась. — Вы вернулись.

Они втроём ещё долго сидели вместе. Мяо Пу, дрожа от волнения, приготовила все любимые лакомства Сяо Яо. Она категорически настаивала, что должна снова прислуживать госпоже. Но Сяо Яо пришлось долго и мягко убеждать её. Так будет безопаснее. Шпионы Лазурной Птицы кишели по всему Дахуан, и любой лишний взгляд мог стать бедой.

Прошло всего три дня, когда Левое Ухо вновь явился к ней на постоянный двор. Он постучал рано утром, как только рассвело, и, получив разрешение, почтительно вошёл.

— Госпожа, — склонил он голову. — Я нашёл дом. Он в восточной части города, у самого леса. Рядом ручей, в котором водятся золотые карпы. Это старый павильон, раньше принадлежал вдове богатого торговца. Он сдержанный, не броский, но построен прочно. Центральный зал, две боковые комнаты, летняя кухня, крытая галерея и маленький внутренний дворик с цветущей сливой. Слуги говорят, что весной в саду появляется пара диких фазанов. Добрый знак.

Сяо Яо слушала молча. И в глазах её постепенно появлялось то самое тихое, острое чувство. Будто сердце, измученное странствиями, вдруг почувало пристань.

— Ты говоришь, там тихо? — спросила она.

— Очень. Местные жители обходят ту улицу стороной, считая место немного холодным. Говорят, что после смерти вдовы дом стоит пустым. А для нас это только к лучшему. Я могу расплатиться через доверенного человека, так что ваш след будет не отследить.

— Ты, как всегда, всё предусмотрел.

Он поклонился.

— Я также нашёл девушку. Её зовут А Юнь. Она сирота. Служила раньше в доме старого торговца тканями, ухаживала за ним до самой смерти. Молчит больше, чем говорит. Очень опрятна и готовит прилично. Я проверил, чиста и скромна. Если не подойдёт, я поищу другую.

— Спасибо, — Сяо Яо встала. — Покажешь мне дом?

— Конечно, госпожа. Там уже всё убрано. Немного мебели, только самое нужное. Если пожелаете, я могу приобрести ещё.

— Нет, — она покачала головой. — Мне пока не нужно много.

Они вошли во двор через боковую калитку, увитую диким виноградом. Сяо Яо остановилась на пороге. В утреннем тумане павильон выглядел так, словно его нарисовали на свитке тушью. Крыши, изогнутые будто крылья журавля. Стены цвета молочного нефрита. И клён в углу, у которого всё ещё держались багряные листья. Она прошла через галерею, коснулась ладонью деревянного резного столба, почувствовала тепло. Дерево было живое, настоящее. Выйдя в сад, она посмотрела на одинокую сливу у пруда.

— Да, — тихо сказала она. — Это место мне подходит.

Левое Ухо сдержанно улыбнулся и склонил голову.

— Тогда оно ваше, госпожа.

Сяо Яо вошла в павильон. За резными створками, пахнущими сандалом, открывался тихий внутренний двор с ручейком, старыми сливами и плоскими камнями, усыпанными мхом. Дом был скромен, но чист и устроен с заботой. Место у самого леса, где по утрам в тумане слышался крик журавлей. В доме уже ждала девушка. Служанка с кротким лицом и лёгкими шагами. Скромная, внимательная, без лишних слов поклонившаяся новой госпоже.

В зале Сяо Яо повесила портрет, написанный рукой Цзин. На нём они были вдвоём. Он нежно обнимал её, а она смотрела вперёд с мягкой улыбкой. Цзин рисовал его, когда уже был тяжело болен, вкладывая в каждую линию последние крупницы своей силы и любви. Под свитком она поставила фигурку из железного дерева. Куклу, напоминающую пухлого человечка с круглыми щёчками. Это был последний подарок Сян Лю. Картина была её памятью о Цзин. Кукла тем, что осталось от Сян Лю.

Утром она отправилась на рынок и купила редкие лекарственные и духовные травы, фарфоровые сосуды и книги. Она открыла ставни, впустив свет, и снова, как в прежние времена, принялась варить лекарства. Слух о безымянной лекарке быстро разошёлся. Вскоре в её дом начали приходить бедняки. Она принимала всех, не спрашивая ни имени, ни платы. Так, день за днём, она растворялась в жизни Цин Шуй. Никем и одновременно тем, кто исцеляет. Она не гнала никого. Осматривала, давала отвары, писала рецепты. Не брала платы. Только принимала в дар то, что приносили. Корзину яиц, пучок редких водорослей, пару сушёных змей, полмешка риса. Её имя никто не знал. Просто госпожа из восточного павильона.

Дети с окраины быстро распустили слухи. Будто у той госпожи живёт ручной журавль, что прилетает по утрам, а в саду ночью слышны разговоры духов. Люди обходили дом стороной. С почтением и робостью. А те, кто приходил за помощью, быстро понимали. Спрашивать лишнего не стоит. Госпожа не любила говорить о себе. Она жила тихо, как и мечтала.

День начинался с чашки чая и обхода сада, где цвела дикая слива и щебетали птицы. Девушка-служанка А Юнь прибирала, готовила скромно, но вкусно, и молчала почти всегда. Левое Ухо и Мяо Пу навевались нечасто, но незримо держали всё под контролем.

Прошло несколько недель. Сяо Яо привыкала к новой жизни. Не как беглянка, не как принцесса, а просто как женщина с болью в сердце и нужными руками. Иногда по вечерам она выходила на крыльцо и смотрела, как туман стелется по травам. И в груди сжималось что-то знакомое. Тоска по тем, кого уже не вернуть. В те вечера она брала в руки куклу из железного дерева. Тяжёлую, неподдающуюся. Прижимала к груди, будто в ней билось чьё-то сердце. Иногда ей казалось, что внутри что-то дрожит. Или это просто её воспоминания оживали. Она не знала, что скоро сюда, в Цин Шуй, ступит тот, кто ушёл не простившись. Тот, чьё имя она давно не произносила вслух. Но оно жило в её сердце.

Глава 8. «Путь в мир смертных.»

Первые солнечные лучи лишь коснулись пиков, когда трое основателей Небесной школы Янь Шань покинули свою обитель. Им предстояло спуститься в мир смертных, чтобы найти тех, кому суждено стать будущим. Сян Лю достал из дорожной сумки плоские баночки с густой чёрной краской.

— Нам нужно скрыть истинный цвет волос, — его голос был ровным, но не терпящим возражений.

Чаньэ недовольно поморщилась, вертя в пальцах фарфоровую баночку.

— Зачем?

— Ты хочешь, чтобы на каждом перекрестке на тебя оборачивались? — буркнул Сян Лю, не поднимая глаз. — Мы спускаемся в Дахуан. Чем незаметнее мы будем, тем спокойнее пройдет путь.

Линь, опираясь на резные перила, ухмыльнулся:

— Хозяин, постарайтесь не измазать всю одежду. Иначе нам придется искать нового наставника, пахнущего сажей.

Сян Лю лишь тихо фыркнул, но уголок его губ дрогнул. Чаньэ, пытаясь самостоятельно нанести краску, уже умудрилась размазать черную массу по щеке. Линь, едва не подавившись от смеха, заявил, что теперь она точь-в-точь дух из страшных легенд гор Цзюи. Сян Лю молча забрал у нее кисточку. Его длинные пальцы ловко и бережно разделили пряди на ее затылке.

— Сиди спокойно. Иначе будешь похожа на павлина, — произнес он тихо. В этом сухом тоне сквозила едва уловимая нежность.

Линь отошел на шаг, наблюдая за этой сценой. Он наклонил голову и тихо пробормотал себе под нос: *«Хозяин снова улыбается. Он греется. От нее. Как зимой на солнышке»*.

На рассвете следующего дня они оседлали летающих скакунов. Ветер хлестал по лицу, унося их в Хаолин, на гору Ушэнь. Туда, где веками жили мудрецы, каллиграфы и алхимики.

Хаолин давно стала частью Дахуана, но ее дух изящество, звон струн и аромат туши, всё так же витал в разреженном горном воздухе. Эту землю называли краем рек и озер, обителью вечной весны. Воды здесь текли неторопливо, отражая облака, словно сама земля дышала покоем. Люди и боги Хаолина носили одеяния из тончайших тканей, что струились, подобно туману над водой. Цвета их одежд переливались пастельными оттенками рассвета. Женщины украшали волосы живыми цветами, рожденными из чистой духовной энергии. Говорили, каждый такой бутон обладал собственной душой и мог шептать хозяйке тайны ветра.

У подножия Пяти Вершин Богов раскинулся первый город на их пути. Тихое солнце стекало с черепичных крыш, алые фонари покачивались от легкого ветерка, а из уличных чайных доносился перебор семиструнных цитр. Сян Лю, Чаньэ и Линь остановились у массивных городских ворот. Их волосы теперь были угольно-черными. Маскировка скрывала их истинную природу.

Для Чаньэ это был первый большой город. До сих пор ее миром были камни, облака и горные пещеры. Здесь же улицы кишели народом. Лавки с яркими тканями, танцующие духи цветов, гномы-торговцы, расхваливающие шелка, переливающиеся, как лунная вода на ряби пруда.

Чаньэ перебежала от прилавка к прилавку. Ее глаза сияли. Она угощалась шиповником в сахаре, примеряла браслеты из цветного стекла, прислушивалась к колокольчикам.

— Наставник! Смотри! — она подбежала к нему, сжимая в ладонях светящийся камень. — Ты видел? Это живые камни! Они мурлычут, если их согреть!

Он молча шел позади. Улыбка то и дело рождалась на его губах. Тихая, почти незаметная. Он смотрел, как она открывает для себя этот мир, и каждый ее смех отзывался в нем чем-то

глубоким и давно забытым. Но в этом легком мгновении вспыхнула тень. Мимолетный образ Сяо Яо. Ее смех. Ее голос. Он моргнул, прогоняя наваждение.

— Говорят, этот город славится своими учеными, — тихо сказал он, догоняя Чаньэ. — Если нам повезет, мы найдем наставников для школы.

— Найдем, — уверенно кивнула она. — А пока... можно я ещё посмотрю вот те серьги? Они как пыльца!

Они пошли дальше. Позади них, сгибаясь под тяжестью свертков, тащился Линь. Шелковые платья, пояса, цветные шнуры и туфельки громоздились в его руках.

— В следующий раз я останусь на горе, — бурчал он себе под нос. — Или приму истинную форму. Только не буду таскать чужие побрякушки.

Линь тяжело вздохнул, поправляя ношу. *«Одна, как дитя. Второй потакает ее бесконечным прихотям. Да что с этим миром не так?»*

Чаньэ замерла перед очередной лавкой, замороженно глядя на длинные серебристые заколки с подвесками. Они мелодично звенели при каждом движении. Сян Лю протянул продавцу серебряную монету, не дожидаясь ее просьбы.

— Девушке нужны украшения, — произнес он ровно. — Иначе кто поймет, что она выросла?

— А я... выросла? — удивленно переспросила Чаньэ, ловя заколку.

— Уже давно, — сухо бросил он. Но в голосе скользнула едва уловимая мягкость.

В постоялом дворе, что стоял у ивовой рощи, им выделили просторные комнаты. Девушка удивленно нахмурилась, когда служанка указала ей отдельную комнату в другом конце этажа.

— Зачем мне жить так далеко от Наставника и Линя?

Сян Лю, расплачиваясь с хозяйкой, лишь едва заметно приподнял бровь.

— Потому что ты девушка. А мы мужчины.

— Ну и что? — искренне недоумевала Чаньэ. — Мы всегда жили рядом!

— Мы больше не в горах. Здесь цивилизация. Там женская половина.

Она насупилась. Но, заметив, что Линь еле дышит от возмущения, быстро отвлеклась.

— Надо разложить платья!

Пока Чаньэ раскладывала вещи, запах жареного мяса и пряных трав долетел до их окон. Вечерний зал трактира был полон. Смертные, демоны, цветочные духи и пара лесных духов с зелеными прядями в волосах.

Сян Лю позволил себе расслабиться. Вино было крепким, но ароматным. Оно согревало не только тело, но и воспоминания. Чаньэ тоже потребовала себе вина. Ее глаза заблестели, щеки зарозовели. Она заулыбалась так широко, что один из духов благовоний уронил поднос, залюбовавшись.

— Вкусно! — объявила она. — Хочу ещё!

— Достаточно, — строго сказал Сян Лю. — А то превратишься в духа шиповника. Вечного пьяницу в сиропе. Кажется, прошлый раз тебя ничему не научил.

После ужина они разошлись по комнатам. Линь шлёпнулся на циновку без сил. Сян Лю забрал с собой бутылку вина. Ему хотелось тишины.

Он только успел развязать пояс и присесть, как дверь распахнулась. В комнату влетела Чаньэ, прижимая к груди охапку пёстрых платьев.

— Наставник! Смотри! Я хочу всё примерить! И ты будешь говорить, какое лучше!

— Я... — Сян Лю даже не успел закончить фразу.

— Вот это с голубыми цветами! А вот это с золотыми птицами! — она уже вертелась по комнате, закручиваясь, как весенний вихрь. Заколки звенели в волосах.

Он прикрыл глаза, потёр виски. Была бы у него слабость к головной боли, она бы точно началась. Причём у всех девяти голов. Нелегко быть наставником.

— Ты хоть понимаешь, что приличные девушки так не делают?

— А кто сказал, что я приличная? И что значит приличная? — невинно ответила Чаньэ.

Он не выдержал и расхохотался. По-настоящему.

— Наставник, у меня ничего не выходит! — вздохнула Чаньэ, держа в руках шпильку. Её волосы, густые и мягкие, как туман на водной глади, постоянно выскальзывали из причёски.

Сян Лю, всё ещё с бутылкой вина в руке, уселся на стул и поманил её пальцем.

— Иди сюда. Покажу.

Она подползла и устроилась у его ног, послушно подогнув их под себя, словно кошка. Сян Лю поставил бутылку в сторону, взял гребень и принялся расчёсывать её волосы.

— Чтобы шпилька держалась, волосы нужно правильно закрутить. — Его движения были точны и умелы. — Удивительно, что ты столько лет живёшь, а ни разу не делала себе причёску.

— Всегда и ленточки хватало, — пробормотала она.

Он усмехнулся. Заправляя шпильку в закрутку, он тихо произнёс:

— Ты теперь девушка. А не лохматая дракониха.

Именно в этот момент распахнулась дверь. На пороге замер Линь. Он не успел даже постучать. Его глаза округлились. Перед ним была сцена, от которой перехватило дыхание. Девятиглавый демон, некогда вселявший ужас в сердца военачальников и богов, сидел почти ласково, склонившись над девушкой. Он поправлял ей волосы. Его движения были бережными, а взгляд почти нежным. С той глубокой печалью, которая остаётся у тех, кто слишком много потерял. Чаньэ сидела у его ног, тихая, как одуванчик перед грозой.

— Хозя...ин... — Линь, заикаясь, подошёл ближе. — Уже поздно. Очень поздно! Давай... пойдём, Чаньэ. Тебе нужно отдыхать. Завтра столько дел...

— Но я не закончила показывать платья, — возразила она.

Линь уже осторожно подталкивал её к двери. Когда она ушла, Сян Лю долго сидел молча, перебирая в руках оставшуюся шпильку.

Он вздохнул.

— Тяжело будет, — пробормотал он. — Приучить её быть барышней из хорошей семьи.

Он поднялся, налил себе остатки вина и в одиночестве выпил, глядя в окно на усыпанный звёздами небосвод. Мягкий свет упал на его лицо. Спокойное и печальное.

Раннее утро. Город ещё только пробуждался. По улице неспешно тянулся аромат жареных лепёшек и душистого чая. Сян Лю сидел на веранде постоянного двора, опершись на перила. В руках у него была чашка с дымящимся чаем.

Шаги сзади были тихими, но хорошо знакомыми.

— Хозяин, ты так и не отдыхал? — Линь подошёл и почтительно поклонился.

— Немного. — Сян Лю не обернулся. — Когда в моих головах столько мыслей... Да и ты сам знаешь, демоны спят редко.

Некоторое время они молчали. Только ветер играл с бумажными фонариками над улицей.

— Линь, — наконец заговорил Сян Лю, — ты знаешь, я никогда не был наставником. Я привык командовать. Разрушать. Убивать. Я учил воинов тому, как отнимать жизни.

Он сжал чашку в руке, и та хрустнула от давления.

— И ты боишься, что не сможешь? — осторожно спросил Линь.

— Я никогда не пытался контролировать свой гнев. Он всегда был частью меня. А теперь есть Чаньэ. И ещё те юнцы, которых мы хотим взять. Сто таких, как Чаньэ, к примеру? Я не знаю, справлюсь ли.

Линь медленно сел рядом.

— Но ты меняешься, Хозяин. Я это вижу. С того дня, как ты позволил этой девчонке бегать по твоим следам. Ты стал теплее. Мягче.

Сян Лю усмехнулся, устало.

— Начало конца?

— Или начало чего-то настоящего, — спокойно ответил Линь.

Сян Лю кивнул. Некоторое время они сидели в тишине, пока по улице не пробежала группа детей с пёстрыми воздушными шарами. Сян Лю посмотрел на них. Его взгляд прояснился.

— Мы задержимся здесь. Я хочу посетить местную академию. В Хаолине всегда были учёные, музыканты, алхимики. Возможно, кто-то из выпускников захочет присоединиться к нам. Нам нужны учителя. Настоящие мастера. Я могу учить боевому искусству, как и ты. А ещё нам нужна строгая Наставница для Чаньэ. Одному мне не справиться.

Сян Лю отпил остывший чай. Его взгляд стал спокойнее.

Утро было ясным. Небо над горой Ушэнь сияло чистотой. Три фигуры: Сян Лю, Чаньэ и Линь стояли у подножия скалы. Их путь лежал на вершину горы Ушэнь, место, где некогда жил Великий Император Шаохао и куда ступали лишь бессмертные.

Гора Ушэнь поражала величием. На её вершине раскинулся древний Дворец Чэнь Энь, словно вырезанный из белого нефрита. Крыши были устланы золотыми листьями, а фонари не гасли даже в грозу. Этот дворцовый комплекс был целым городом. Танцевальные павильоны, залы искусств, медитационные залы, сады с поющими ручьями, пруды, где плавали черепахи с сияющими панцирями, и целые леса, в которых жили духовные звери. Говорили, через сотни лет многие из них примут человеческую форму.

Именно здесь, в затенённой магнолиями части дворцового сада, находилась Великая Академия. На каменной террасе, у пруда с водяными лотосами, они впервые увидели его. Даоса с серебряной бородой, в одеждах цвета пепельной корицы. Он сидел в позе лотоса. Его глаза были закрыты. Но, когда Сян Лю приблизился, он открыл их. В них вспыхнули мерцающие круги, как от упавшего в воду лепестка.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он спокойно. — Я Лао-Цзы, странствующий даос из Сычуани, ученик Школы Небесных Наставников. Дао привело меня сюда. Как и привело вас.

Сян Лю поклонился.

— Мы основали Небесную школу на пике Янь Шань, на одной из гор Цзюи. Ищем учителей, чтобы вести учеников по Пути Дао и меча. Мы хотим дать шанс всем расам. Смертным и демонам, духам. Независимо от происхождения. Всем, кто ищет Свет и хочет закалить тело и дух.

Лао-Цзы кивнул.

— Надо начать с простого. Нанять глашатаев. Пусть разнесут вести по всей округе, что в школу на Янь Шань могут прийти смертные с врождённой духовной силой, демоны, отвергшие путь зла, и духи, обретшие человеческую форму. Обещаем еду, крышу над головой, знание. Великая цель. Но путь будет тернист. Отбор учеников требует тонкости. Не только талант важен. Сердце должно быть чисто.

Он внимательно посмотрел на Сян Лю. В его глазах отразилось удивление. Перед ним был юноша с огромной духовной силой.

— У тебя десять корней духа! — воскликнул старец. — Никогда не думал, что это не выдумка! Все элементы, дерево, огонь, земля, вода и металл, подчиняются тебе. Но твоя магия ледяная. Холодная, как глубины души. Ты построил силу на боли, заморозил чувства, чтобы выжить. Но теперь ты созидает. Кто же ты такой? Высшее божество из Шанцина? Ты не принадлежишь этому миру...

Сян Лю промолчал.

Лао-Цзы перевёл взгляд на Чаньэ.

— А ты, дитя, чей род столь древен?

Чаньэ шагнула вперёд и опустила в поклон.

— Я дочь Повелителя драконов и племянница Повелительницы Снежных драконов Бэй-мина.

— Тогда ты не слабее, чем он, — задумчиво сказал старец. — Ваша судьба переплетена. Он поднялся.

— Я присоединюсь к вам. И приведу других. Среди моих братьев и сестёр есть учителя каллиграфии, алхимии, волшебных печатей, музыки и философии. Вместе мы создадим не просто школу. Мы зажжём новую звезду на горе Янь Шань.

Так к их делу присоединился Лао-Цзы. Первый Великий учитель Небесной школы. Тот, кто несёт слово Дао.

После разговора в садах Лао-Цзы не медлил. Его спокойный голос быстро собрал вокруг него учёных и мастеров. Странствующих бессмертных, отшельников, алхимиков, бывших наставников кланов. Кто-то пришёл ради Дао, кто-то, ведомый любопытством.

Лао-Цзы взял с собой Линя, чтобы тот сопровождал наставников в Небесную школу. На прощание Линь бросил на наставника долгий, многозначительный взгляд. В нём сквозила тихая ирония. Теперь Глава оставался наедине с Чаньэ. И юная дракониха не обещала покоя.

Чаньэ обняла Линя с нежностью.

— Старший брат, не задерживайся. Мне будет скучно без тебя, — с детским упрёком проговорила она.

Линь улыбнулся и пообещал вернуться как можно скорее. Они условились встретиться позже, в Цин Чжоу.

Сян Лю, назвавшийся Ли Сыфэном, остался с Чаньэ в Хаолине. Они неторопливо гуляли по городам и улочкам. Чаньэ была в восторге. Она бегала от витрины к витрине, примеряла заколки, щебетала и смеялась.

Сян Лю покупал ей украшения и платья, объясняя:

— Теперь ты девушка. Тебе подходит красиво одеваться, носить шпильки и знать, как себя вести.

Но, улыбаясь, он понимал, что приучить дракониху к женственности будет непросто.

В одной из чайных Сян Лю услышал чужой разговор.

— ...Император Сюань подарил Владычице А Нянь нефритовый павильон. У неё родился второй сын. Император выделяет её из всех своих жён. Владычица никогда не покидает Хао-лин, и Император сам часто навещает её.

Сян Лю вспомнил юную, надменную принцессу А Нянь. Но воспоминание, как снежинка на ладони, растаяло. Он посмотрел на Чаньэ, что, смеясь, нюхала мешочек с благовониями.

— Пойдём, — сказал он. — Нам пора.

На вечернем рынке её взгляд задержался на наставнике. Он стоял у прилавка травника и неспешно выбирал яды. В коробках переливались фиолетовые жемчужины, словно кровь редких скорпионов, сушёные лепестки огненной змеи, настойки из чернильных грибов. Продавец, низкий дух с корнями вместо ног, с почтением предлагал ему пузырьки и свёртки.

Чаньэ замерла.

— Наставник?.. — нерешительно окликнула она. — Ты покупаешь яды? Зачем тебе это?

— Яд мой союзник, — его голос был тихим, но твёрдым. — Моё тело привыкло к нему давно. Отрава не причинит мне вреда. Наоборот, она поддерживает мою силу.

Чаньэ нахмурилась.

— А зачем тебе столько?

Он усмехнулся. Взгляд стал серьёзнее.

— Не все яды для меня. Некоторые, чтобы приучить тебя. И ты, Чаньэ, тоже должна принимать их. Немного. Постепенно.

Она уставилась на него, округлив глаза.

— Я?.. Ты хочешь отравить меня, Наставник. Даже если немного, то это всё равно яд!?

Он покачал головой.

— Слабые, разведённые. Это нужно, чтобы в будущем никакой враг не смог навредить тебе подлой отравой. Линь уже начал закаляться. Ты из рода драконов, твоё тело сильно. Но это не значит, что ты неуязвима.

Чаньэ задумалась. Она не боялась боли. Но идея выпить что-то, что может убить, звучала странно.

— Ладно, — наконец кивнула она.

Сян Лю усмехнулся и протянул ей малиновый шарик с тонким запахом орхидеи.

— Это не убьёт. Только будет покалывать в животе. И сделает тебя чуточку сильнее.

Она съела. И действительно, покалывало.

С этого дня в её жизни появился ещё один урок. В маленьких каплях, порошках и благовониях с прикрытой горечью. Так Сян Лю начал не только учить Чаньэ искусству выживать. Он готовил её к тем опасностям, что могли встретиться им на пути. На территории Дахуана, под властью его бывшего врага Императора Сюаня, лучше быть готовым ко всему.

— Всё страшное становится привычным, если рядом есть тот, кто знает, как с этим справляться.

Чаньэ кивнула. В этот миг она почувствовала, что Сян Лю не только её наставник. Он её щит от мира, в котором она пока ещё ребёнок. А он древний могущественный демон, умеющий смеяться, кормить сладким и глотать яд, будто это лекарство. У неё самый замечательный Наставник в мире. И пусть он часто холоден и отстранён, он всё равно самый лучший.

На следующее утро лёгкий туман окутывал Хаолин. В воздухе витал сладкий аромат цветущих слив. Чаньэ, в светлой одежде с лентами в волосах и мешочком с благовониями на поясе, поднялась на спину небесного коня. Сян Лю молча последовал за ней. Его длинные волосы развевались на ветру.

Они не оборачивались, покидая город вечной весны.

Теперь их путь лежал в Средние долины, в город Цин Чжоу. Туда, где они должны были встретиться с Линем. Лао-Цзы уже занял своё место старшего наставника в Небесной школе. Он и отобранные им учителя вели работу по набору учеников.

Сян Лю же, под именем Ли Сыфэна, тем временем вёл Чаньэ по пути приобщения к человеческому миру. Он позволял ей видеть, познавать, удивляться и меняться. Это путешествие было ради того, чтобы юная дракониха научилась жить среди людей. Чтобы она выросла не только в силе, но и в духе.

Под копытами их лошадей плыли облака. Впереди расстилались земли, полные скрытых талантов, древних кланов и простых смертных.

Глава 9. «Цин Чжун. По следам памяти».

Небесные кони несли их быстро над бескрайними просторами Дахуана, на север, в Средние равнины. С высоты птичьего полёта мир менялся под ними неторопливо и величаво: зелёные рисовые поля уступали место горным хребтам и рекам, потом снова приходили равнины, а вдали тянулся горный массив Шэнь Нун. На севере он соединялся с центром военного округа провинции Чжэ, а с юга его подножья переходили в плодородные земли провинции Ян, где поля колыхались под ветром, словно золотое море.

На востоке, меж холмов и ущелий, текла широкая река Дан, питая равнины и города. А на западе, у подножия дальних гор, раскинулась столица Джии, древний город, некогда сердце империи Шэнь Нун. Более ста лет назад Император Дахуана перенёс столицу из Сюаня в Джии, и с тех пор этот город стал новым средоточием власти и духа империи.

Под ними лежала земля, что когда-то звалась Империей Шэнь Нун. Горы тянулись с севера на юг, состоя из девяти величественных вершин, с которых вытекали четыре реки, пересекавшие Центральные и Средние земли. На самой высокой из них, горе Цзы Цзинь, и поныне стоял дворец Императора Пламени. Почти тысячу лет назад Сян Лю побывал во дворце Цзы Цзинь вместе с приёмным отцом, Гун Гуном. Тогда он видел самого Императора Шэнь Нун Яньди и его прославленных военачальников: Чжу Жуна, Чи Ю и Хоу Ту. Теперь их имена хранили лишь древние летописи.

Они пролетели над изумрудными хребтами, затянутыми дымкой облаков. Внизу показался город с чёрными крышами и флагами на высоких столбах, жёлтыми и красными, трепетавшими на ветру. Это был Цин Чжиу, первая остановка в их пути по Средним долинам. Сян Лю направил коня вниз, скользя по воздуху. За ним летела Чаньэ, не отставая.

Прошло полтора века с тех пор, как он бывал здесь. За два столетия многое меняется: исчезают империи, гибнут кланы, затихают легенды. Но не в памяти богов и демонов.

Город Цин Чжиу находился под покровительством семьи Ту Шань, одной из четырёх Великих семей Дахуана. Потомки девятихвостого лиса были богаты и влиятельны, соперничая с родами Чишуй, Силян и Гуй Фан, и могли сравниться по древности с самим Жёлтым Императором. Именно здесь Сян Лю в облике Фан Фэн Бея провёл немало времени. Сейчас многое изменилось, но осторожность не помешает.

— В этом месте я скрою своё лицо, — сказал он Чаньэ.

Лёгкое движение, и облик его изменился, сохранив при этом прежнее благородство. У девятиглавого демона было девять истинных лиц и более восьмидесяти воплощений. Среди демонов смена облика являлась делом обычным. Чаньэ менять облик не было нужды: достаточно лёгкой вуали, как носили девушки из знатных семей. Они направились на постоянный двор, принадлежавший старому демону-волку. Сян Лю знал его с прежних времён: вино было достойным, комнаты просторными, а хозяин молчаливым. После короткого отдыха они переоделись и вышли на улицу. Центральная торговая площадь Цин Чжиу гудела жизнью. Посыльные и упряжки, духи и демоны вперемешку с потомками богов сновали между лавок. Пахло жареным мясом, горячим маслом и пряными травами, связки которых свисали у дверей аптекарских лавок. Торговцы кричали наперебой, где-то позвякивали монеты, скрипели тележки, и над всем этим неумолчным шумом плыл терпкий запах уличной кухни.

— Наставник, смотри! — Чаньэ остановилась как вкопанная. — Шиповник в сахаре! Можно попробовать?

Сян Лю промолчал, сдерживая раздражение. Город был шумным, пёстрым, полным незнакомых лиц. Здесь, в резиденции Ту Шань, мог оказаться кто угодно. Даже Сяо Яо.

С тех пор как они попали в Дахуан, он ничего не слышал о ней. Он не позволял себе думать о ней часто, но сейчас, на улицах этого города, где, казалось, в каждом переулке слышался отзвук её голоса, мысли всплывали сами собой. Перед последним боем на пике Чин Жун он знал, что Сяо Яо вышла замуж за княжича Ту Шань Цзин. Он пожелал ей счастья. Бросил взгляд на Чаньэ: та смеялась, держа мешочек сладостей, и лицо её светилось таким искренним детским восторгом, что он невольно отвёл взгляд.

— Постарайся не потеряться, — тихо сказал он. — В этом городе тебя могут обменять на бочонок вина и ещё получить сдачу.

Она фыркнула и побежала вперёд. Но вскоре, обернувшись, почувствовала перемену в его настроении. Он шёл молча, глаза его скользили по улицам, словно искали тени прошлого.

— Наставник... может, вернёмся? — предложила она.

Он кивнул.

Они поднялись к постоялому двору, неся свёртки и угощения. На лестнице столкнулись с Линем.

— Линь! — радостно вскрикнула Чаньэ и бросилась ему на шею. — Ты вернулся!

Линь чуть не потерял равновесие и смущённо огляделся по сторонам.

— Э-э... Чаньэ... ты уже барышня...

— Ну и что! — рассмеялась она. — Мне скучно было без тебя!

Сян Лю остановился на ступеньку ниже и молча посмотрел на Линя. Взгляд его был красноречив: *«Ты сам её учил, теперь получай»*. Но в этом взгляде было и другое, усталость и голод.

Все вместе они спустились в общий зал. Выбрали столик у окна, откуда тянуло вечерней прохладой. Над крышами домов начинали мерцать первые звёзды, и шум улиц постепенно стихал. Масляные фонари вдоль торгового ряда загорались один за другим, отбрасывая на мощёную улицу оранжевые дрожащие пятна.

Линь рассказывал, разливая вино.

— Почти все ученики уже прибыли. Лао Цзы начал отбор. Завтра первые испытания, решится, кто останется в школе.

Чаньэ, устроившись рядом, тайком подкладывала ему лучшие кусочки. Когда солнце почти спряталось за горизонтом, за соседним столиком расположились трое демонов-торговцев. Говорили они негромко, но слух у Сян Лю был острым.

— Несчастлив клан Ту Шань, — проворчал один. — Уже почти двести лет беды на бедах. Проклятие, говорят.

— Ты про княжича Цзин? — отозвался второй. — Красавец был, да такой, что сам Хоу на его фоне казался мрачной скалой. А ведь Хоу боевые искусства знал в совершенстве.

— Да-да, — подхватил третий. — А ещё за невесту его Фан Фэй Ин Я. Красавица знатного рода, из семьи мастеров-стрелков. Все думали, свадьба соединит два великих рода.

Они говорили о том, как жених пропал на десять лет, вернулся другим человеком, как невеста ждала, как свадьбу всё откладывали, как родился наследник. А потом: измена, смерть, изгнание. И снова женитьба на той, что считали принцессой Хаолина, дочерью Великого Владыки, внучкой Жёлтого Императора. А оказалось, дочерью демона Чи Ю.

Сян Лю сидел, будто окаменел. Линь молчал, сжав кулаки под столом. Чаньэ побледнела и не осмеливалась дотронуться до наставника. Шум трактира стал глухим, далёким, как будто вдруг отгородился стеклом.

Линь поднялся.

— Принести ещё вина?

Сян Лю кивнул.

— Принеси в мою комнату.

Когда он ушёл, Линь взял два бочонка самого крепкого вина и поставил их рядом с ним, ничего не говоря.

Чаньэ схватила Линя за рукав.

— Кто эти люди? Кто Ту Шань Цзин? Кто она для Наставника? Это та женщина, по которой он тосковал?

Линь нахмурился, но кивнул.

— Они никогда не могли быть вместе, и он сам отдал её другому. Она внучка Жёлтого Императора, его бывшего смертельного врага. Он только жертвовал собой, много раз спасая её, и любил тайно.

Чаньэ разрыдалась и обняла его.

— Не оставляй меня одну сегодня.

— Хорошо, — сказал Линь и лёг на циновку рядом.

Сян Лю пил всю ночь. Даже самое крепкое вино не действовало на него так, как действует на смертных. Оно лишь вытягивало наружу то, что он прятал. С рассветом он сел у окна. Ветер растрепал чёрные пряди. За окном улица Цин Чжиу просыпалась медленно: первые торговцы

катили тележки, где-то вдали кричал петух, и серый предрассветный свет лежал на мокрых от росы крышах.

«Хочу ли я найти тебя, Сяо Яо?» Он не знал ответа. Прошлого не вернуть. У него теперь другой путь. Есть Чаньэ. Есть Линь. Есть Небесная школа Янь Шань.

Он взмахнул рукой, и в воздухе соткался древний цинь. Струны засеребрились в рассветном свете. Он провёл пальцами по ним, и первая нота дрогнула, как дыхание ветра на воде. Мелодия была простой, но в ней звенели горы, шелестели листья, звучал зов прошлого.

Он тихо запел. Голос был чистым и глубоким, будто сама ночь продолжала петь свою последнюю песню:

О-е-йю-и-о

Вырви мне сердце,

Пусть моя кровь заливают пустоши,

Как цветы на горных склонах,

Лишь бы ты чувствовала меня в своём сердце.

О-е-йю-и-о

Когда последние ноты угасли, он закрыл глаза. Но где-то в глубине сердца струна всё ещё звучала. Песня демона Чи Ю, которую тот любил петь своей возлюбленной когда-то давно.

Утром Чаньэ и Линь сидели за столом, не прикасаясь к еде. В дверях появился Сян Лю. Он был бледен.

— После еды мы покидаем город. Направляемся в Чишуй. Нужно двигаться дальше.

Они молча кивнули. Так начался новый путь.

Глава 10. «Город Чишуй.»

Город Чишуй стал гнездом одного из четырёх Великих кланов Великой Пустоши. Его история начиналась с «Маленького» Чжу Жуна, сына бога войны и потомка королевской семьи Шэнь Нун. После тысячелетней войны он сдался Жёлтому Императору, став его наместником в Средних равнинах. Жёлтый Император женил его на единственной дочери главы клана Чишуй. С тех пор город превратился в сердце новой эпохи. Под управлением Чжу Жуна Средние равнины преобразились: появился порядок, соблюдались законы, расцвела торговля. Крепость Чишуй стояла на воде, словно каменный дракон, обвивший русло реки. За прошедшие столетия она разрослась в город-цветок, раскинувшийся на каналах и мостах. Здесь по-прежнему бился пульс судостроения Дахуана: верфи принадлежали клану Чишуй, а тайна их мастерства хранилась внутри рода. За стенами крепости кипела жизнь. Рынки с шелками и нефритом, мастерские оружейников, чайные дома и дома удовольствий. Вечером улицы озарялись фонарями, чьи огни дрожали в водах каналов, а запахи жареного теста и пряных трав смешивались с густым ароматом благовоний.

Сян Лю, Чаньэ и Линь скользили на крылатых конях над холмами и долинами. Когда перед ними раскинулся Чишуй, бело-серебристый в лучах утреннего солнца, окружённый водой и старинными стенами, Сян Лю подал команду:

— Спускаемся. Здесь мы задержимся на пару дней.

Они мягко опустились перед постоянным двором, известным Сян Лю с прежних времён. Он ненадолго задержался, глядя на город в утреннем свете: мостовые блестели от росы, по улицам тянулись повозки, пахло печёными лепёшками и свежим чаем. Чишуй хранил слишком много его тайн. Они поселились под вымышленными именами. Сян Лю надел маскировку, одно из девяти своих лиц. Он не хотел рисковать, чтобы кто-то узнал в нём Фан Фэн Бэй.

Когда-то, пятьсот лет назад, всё было иначе. Тогда он не пришёл в Чишуй, он вернулся домой. Не как демон Сян Лю. Это случилось на далёком Севере, среди ледяных озёр. Там уми-

рал юноша-божество, сбежавший наследник клана Фан Фэй. Он попросил Сян Лю о последнем: занять его место и позаботиться о матери, чтобы та не умерла одна. Обменять свою духовную силу на возможность дать ей увидеть сына. Это было великое чудо. Божество добровольно отдаёт силу демону. Сян Лю согласился. Так он стал Фан Фэн Бэй, вторым сыном аристократической семьи Фан Фэй. Он вернулся в Средние равнины с ледяными кристаллами и новостью: молодой господин выжил, но изменился и не помнит прошлого. Мать узнала. Или захотела узнать. Он остался с ней до конца её дней, ухаживал, читал, приносил отвары. Впервые за века у него появилась мать, семья, имя. Клан признал его. Он овладел их тайнами, искусством стрельбы и ремеслом убийц. Но ближе всего он стал к младшей сестре, Фан Фэн Ин Я. Она была юной, весёлой, лучницей без равных. Для неё он был старшим братом, защитником. А по ночам он исполнял поручения клана.

Вечером, когда за окнами зажглись фонари, Сян Лю наливал вино. Линь и Чаньэ молчали, будто боялись спугнуть воспоминание.

— В этом мире людей, богов и бессмертных, — тихо сказал он, — у меня был дом. Была мать, была сестра. Хоть раз и на короткий срок, но я познал это.

Чаньэ смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— А что стало с твоей сестрой?

— Она была красавицей, — с отстранённой грустью ответил он. — Весёлая, живая. Но ей не повезло полюбить не того человека. Ту Шань Хоу, старший брат Ту Шань Цзин. Он был мерзавцем, ловким манипулятором. Он играл её чувствами в борьбе за титул главы клана. Она была помолвлена с его младшим братом. Когда их связь раскрылась, она понесла наказание за «прелюбодеяние». Искупила вину кровью. Этот мир жесток к женщинам.

Он замолчал. В воздухе зазвенела тишина.

Когда Сян Лю ушёл, Чаньэ осталась сидеть, глядя в чашку с остывшим супом.

— Линь... скажи, что это за чувство, любовь? Зачем она нужна, если от неё столько боли?

Линь помолчал.

— Я не знаю. Я никогда не любил женщину. Не успел.

Чаньэ задумалась.

— Я люблю Наставника. Но для меня это другое. Это радость. Когда я его вижу, мне тепло. Как будто в сердце загорается солнце. Он как солнце днём и как луна ночью. Он всегда есть, и от этого мне спокойно. Может, это и есть любовь? Такая, которая не ранит, а греет?

Линь слабо улыбнулся, но ничего не ответил. Он знал: даже светлая любовь может стать ядом, если ей не суждено найти дорогу в этом мире.

— Ты ещё юна, Чаньэ, — тихо сказал он. — И твоя любовь к Наставнику... и любовь к мужчине, это разные вещи. Ты поймёшь, когда встретишь того самого. Любовь... она разная. Есть любовь к матери, к брату, к тем, с кем прошёл сквозь огонь. И есть любовь, что может стать радостью, а может вечной болью.

На следующее утро город встречал их светом, прохладным ветром с реки и запахом свежих лепёшек. Улицы оживали: купцы раскладывали фарфор и шелка, раздавались выкрики зазывал. Среди этой мирной суеты трое путников шли, не торопясь. Сян Лю показывал Чаньэ и Линю знакомые места: дворец главы клана Чишуй с его строгими воротами, старую чайную у моста. Он говорил мало, сдержанно. Но он не сказал им, что каждая улица этого города помнила его и Сяо Яо. Помнила их, когда они, смеясь, пили вино, бродили по ночным садам. Здесь он начал учить её стрельбе из лука. Здесь их знали как неразлучную пару. И сегодня, идя той же дорогой, он чувствовал, как память жалит под кожей.

Тишину улицы разорвал сухой треск кнута. Все трое обернулись. По мостовой гнали несколько рабов, истощённых, с опущенными головами, в рваных одеждах. Одна девушка спо-

ткнулась и упала на камни. Работорговец, не раздумывая, ударил её по лицу. На щеке остался кровавый след.

— Прекрати! — Голос Чаньэ прорезал воздух, жёсткий и звонкий. Она бросилась к девушке, помогая подняться.

Работорговец фыркнул:

— Это не твоя собственность, госпожа. Она куплена и будет идти, пока не сдохнет.

Сян Лю подошёл вплотную. Его глаза стали ледяными, губы изогнулись в холодной полу-улыбке:

— За сколько ты готов продать эту грязную, измождённую, едва живую девчонку?

Тот усмехнулся, решив, что перед ним богатый господин, желающий поиграться:

— Десять золотых. Не меньше. На что-то может сгодиться.

Сян Лю молча бросил мешочек с монетами. Работорговец поспешно отступил, чувствуя в этом человеке что-то опасное. Чаньэ прижала девушку к себе, словно защищая от остального мира.

— Как можно быть такими жестокими? — её голос дрожал от гнева. — Как можно покупать и продавать живых людей, словно они скот?

Линь опустил глаза.

Сян Лю тихо сказал:

— Мир смертных всегда был жесток. Люди коварны. Не все достойны жизни, что им дана.

Они вернулись на постоянный двор. Чаньэ с Линем помогли девушке подняться в комнату. Та не говорила ни слова, только испуганно смотрела из-под длинных ресниц, словно зверёныш, загнанный в угол. Чаньэ принесла тёплой воды, аккуратно омыла её от грязи и крови, промыла рану на щеке, залечив светом своей духовной силы. Под её ладонями кожа зажила, рубец исчез, и на бледном лице проступили тонкие, утончённые черты. Волосы, чёрные с фиолетовым отливом, рассыпались по плечам, как струи тёмной воды.

— Ты... ты не смертная, — прошептала Чаньэ, касаясь её ладони. — Ты дух цветка, принявший человеческую форму. Очень древний и прекрасный.

Ланьхуа, так она назвалась, когда заговорила. Её голос был лёгкий, как ветер в цветущем саду:

— Я дух орхидеи, принявший человеческий облик. Из рода древнего племени с горы Лунтоу Шань. Мы живём в уединении, охраняя забытые рощи и благовонные холмы. Я осталась одна... и попала в руки смертных.

Она не плакала. В её голосе была только прозрачная тишина, как роса на лепестке.

Чаньэ обняла её:

— Больше ты не одна. Мы не отдадим тебя никому.

Линь стоял в стороне, молча наблюдая. Он подумал: что её появление знак с Небес. Цветок, раскрывшийся в страдании, нёс в себе силу, а может быть, даже судьбу.

Когда Сян Лю вошёл, он на мгновение остановился, встретившись взглядом с Ланьхуа. Её тонкие губы дрогнули, но она не опустила глаза. Он ничего не сказал. Только кивнул. И в том кивке было молчаливое принятие.

На следующее утро Ланьхуа уже выглядела иначе. Чистая, ухоженная, в элегантном платье, которое дала ей Чаньэ, с аккуратным гребнем в волосах. Она напоминала бутон, умытый первым весенним дождём: ещё хрупкий, но уже полный света. Спустившись вниз, она остановилась перед Сян Лю, опустила на колени и торжественно поклонилась:

— Благодарю за спасение, Хозяин. Моя жизнь теперь принадлежит вам.

Сян Лю посмотрел на неё спокойно, почти отстранённо, затем слегка покачал головой:

— В этом мире у тебя больше нет хозяев. Ты свободна. Можешь уйти, куда пожелаешь. Либо остаться с нами и последовать в Небесную школу, если хочешь продолжить путь совершенствования.

Ланьхуа подняла глаза, в которых блеснули слёзы облегчения. Она молчала, а затем робко спросила:

— А... можно ли учиться, если у меня мало духовной силы?

Сян Лю посмотрел внимательнее. Его взгляд задержался на тонких пальцах, на почти незаметной вибрации ауры, струящейся от девушки, как аромат от цветка:

— У тебя духовная связь с деревом, — сказал он наконец. — Это один из пяти корней в учении Дао. Дерево, это жизнь, рост, весна. Такая сила редка. Ты можешь вызывать рост деревьев, расцвет цветов. Это чистая и мирная сила. Ты не воин, но природа будет откликаться на твоё присутствие.

Чаньэ с восхищением наблюдала, как Ланьхуа слегка коснулась деревянного подоконника. Тот вдруг источил аромат сандала, а на поверхности расцвёл крошечный цветок.

— О! — воскликнула Чаньэ. — Это прекрасно!

— Тогда я хочу остаться, — с тихим решением сказала Ланьхуа. — Я больше не хочу бояться. Я хочу научиться быть полезной... и сильной. Пусть не мечом.

Сян Лю кивнул:

— Тогда поешь. В дорогу начнём завтра.

— Хозяин... — нерешительно начала Ланьхуа, склоняя голову.

Сян Лю слегка нахмурился и прервал её твёрдо, но спокойно:

— Не называй меня хозяином. Для тебя я теперь Наставник.

Он посмотрел на неё внимательнее. Девушка стояла в утреннем свете, хрупкая, как лепесток, но с внутренним достоинством, присущим духам древних деревьев. Её аура была мягкой, текущей, как весенний ветер среди цветущего сада.

Чаньэ села рядом и улыбнулась, стараясь ободрить новенькую.

— Есть вещи, которые знать тебе не нужно, — продолжил Сян Лю. — Наши настоящие имена, это одно, но для учеников Небесной школы: я буду Главой школы Ли Сыфэн, Линь мой помощник, для тебя стану Наставник, а Чаньэ будет Старшая Ученица или просто Старшая. Так и должно быть.

Ланьхуа кивнула, принимая правила. Её голос прозвучал тише, но увереннее:

— Хорошо, Глава.

Он заметил, как её рука на миг коснулась деревянной чаши, и та словно потеплела от прикосновения. В ней не было боевой силы, не было яда или огня, но была жизнь. Простая, тихая, но сильная.

— Ты не обычная, — произнёс Сян Лю почти себе под нос. — Посмотрим, как цветок распустится.

Ночь была тиха. За окнами постоялого двора слышался лишь редкий шорох ветра, касавшегося ставней, да скрип крыши. Сян Лю стоял у окна, сложив руки за спиной, и долго смотрел в темноту. Он вспомнил улицы Чишуя. Знакомые и уже чужие. Здесь слишком много прошлого. Слишком много лиц, которых уже нет, и слишком много чувств, о которых лучше молчать. Он чувствовал усталость от этих воспоминаний, пронзительную, как холод, что не уходит даже в тёплой комнате. Путешествие, которое они начали по Средним равнинам, потеряло смысл. Лао-Цзы и его помощники уже набрали учеников, нашли учителей. Он не искал большего. Он уже всё нашёл: тех, кто остался рядом, и тех, кто ушёл навсегда. Сян Лю сел на край постели и, прикрыв глаза, на миг прислушался к себе. Пора было возвращаться.

Вскоре он позвал Линя.

Линь пришёл быстро, словно уже ожидал зова. Он склонил голову:

— Наставник?

Сян Лю поднялся, глаза его были спокойны:

— Мы не поедem дальше, — сказал он просто. — Завтра возвращаемся в Небесную школу на Янь Шань.

Линь кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Путешествовать такой компанией в этих землях небезопасно, привлечём ненужное внимание, — продолжил Сян Лю. — А значит, больше нам тут делать нечего. Школа ждёт нас.

— Я всё подготавливаю, — тихо ответил Линь.

Небесная школа Янь Шань теперь была не просто местом. Это был их дом, который они построили сами. Там было настоящее и будущее. Не в воспоминаниях, не в чужих городах.

Глава 11. «Седоволосый старец.»

Небесные кони исчезли в лёгком тумане, стоило им коснуться земли. Четверо путников, Сян Лю, Чаньэ, Линь и Ланьхуа, оказались на лесной поляне у подножия одной из гор Цзюи. Рядом журчал чистый горный ручей, в его воде сверкали отблески неба и зелень листвы. Они разожгли костёр из сухих веток, и мягкое тепло распространилось от огня. Чаньэ скинула обувь и ловко зашла в воду, выуживая рыбу руками. Ланьхуа собрала сухие ветки и приготовила место для пикника. Линь чистил коренья. Скоро аромат жареной рыбы наполнил воздух, и когда они, наконец, сели есть, расслабившись в этой краткой передышке, из леса появился старик.

Высокий, с длинными белыми волосами, он опирался на изогнутый посох. Глаза его были мутны, он едва различал тени, но шёл уверенно, ведомый запахом пищи и голосами.

— Простите, — произнёс он хрипло. — Я услышал вас и почувствовал запах жареной рыбы. Разрешите ли вы старому путнику присесть у вашего огня?

Сян Лю встал первым и кивнул:

— У нас найдётся еда и место у огня для любого усталого путника. Проходите.

Старец опустился на бревно и взял предложенную пищу. Он ел медленно, вдумчиво, словно смаковал не только вкус, но и само присутствие рядом с людьми. Затем он повернул лицо к Сян Лю и сказал негромко:

— Ты не тот, за кого себя выдаёшь, но мне это неважно. Ты уже один раз умер. Проживи эту жизнь по-другому.

Сян Лю молчал, лишь слегка приподняв бровь.

— На твоём новом пути тебя ждёт не одно испытание, — продолжил старец. — Оно даст тебе шанс исправить многое из прошлого, но и может привести к новым ошибкам. Ты думаешь, что отпустил всё, что было? Но чтобы отпустить, надо сначала заглянуть туда. Вернуться. Исправить. Иначе это будет держать тебя до конца.

Старик замолчал, уставившись в пламя, как будто слышал в нём нечто, недоступное остальным. Он отпил из предложенной чаши с вином, поднёс её к губам обеими руками и тихо продолжил:

— Я расскажу вам одну историю. Может, в ней есть и правда, а может и вымысел. Но в легендах, как вы знаете, иногда живёт неудобная правда.

Давным-давно на этих землях существовали два великих государства. Империя Шэнь Нун занимала центральную часть Великой Пустоши, плодородные, обжитые земли, где реки текли золотом урожая, а города цвели, словно сады. Правил этой страной мудрый император Яньди, которого называли Императором Пламени. Учёный, медик, он управлял по законам милосердия и справедливости, даруя своему народу свет знаний и защиту от бед.

К юго-востоку земля становилась гористой и суровой. Чем ближе к горам Цзюи, тем выше поднимались хребты, теряясь в облаках и тумане. Там обитали не люди, а демоны с причудливыми способностями. Говорили, в тех местах водятся злые духи, свирепые звери, кровожадные насекомые. Там жили племена Бофу, Сомо и Цзюи, Дэва, а на самой большой из гор Цзюи, горе Лунтоу Шань, на вершине жило племя Джиу Ли, владеющее магией Вуду. Правил ими Король Вуду, чьи глаза, как говорили, могли видеть сквозь время. В столицах их называли дикарями, ведь они не признавали законы Империи Шэнь Нун и жили по собственным обычаям, древним, как сами горы. Вся власть в племенах была в руках шаманов, чьи песни могли вызвать дождь и успокоить грозы.

Вторым великим государством было Хаолин. Им властвовало Божественное племя Гао Син. Это далёкий юго-восток, земля восходящего солнца, родина долины Тангу и истоков всех вод, Хуасюя. Там правили мудростью и ритуалом, чтили богов предков и древние обеты, хранили традиции, не позволяя времени их размывать.

Но пока два этих владыки, Шэнь Нун и Хаолин, были заняты делами своих народов, с северо-запада, из-за Великой Пустоши, поднялась третья сила. У подножия неприметной, но суровой горы Сюань Юань жило тогда малоизвестное племя богов. Никто не замечал их, пока среди них не вырос юноша редкой силы, ума и амбиций. Его избрали вождём. Так возникло третье государство, Сюань Юань, чья звезда только начинала восходить. С тех пор на землях Дахуана утвердились три правителя: Яньди в Шэнь Нун, Цзюньди Гаосин в Хаолине и Хуанди в Сюань Юань.

На самом высоком пике гор Шэнь Нун, из двадцати восьми вершин, возвышался великолепный дворец Цзи Цзинь, резиденция Императора Пламени Яньди. Он был глубоко увлечён медициной и почти всё своё свободное время проводил на пике Сан-Юэ, изучая свойства редких трав и создавая лекарства, способные исцелить самые тяжёлые недуги. После смерти любимой жены Тиньци он больше не женился, храня ей верность даже после ухода в мир иной. Тиньци родила ему двух дочерей и сына: старшую Юньсан, прекрасную, как утренняя заря, младшую Яоцзи, болезненную и рано умершую, и сына Юйваня, доброго и великодушного, но слабого в духовной силе. Была у него и приёмная дочь Му Цзинь, чьё происхождение окутывала тайна.

Изучая тайны разных лекарственных сборов, Император Яньди отравился. Все лекарства, которые он ранее испытывал на себе, привели к тому, что помочь ему уже ничто не могло. Яд, подобно пламени, пожирал его изнутри, не давая ни минуты покоя. Его дни были сочтены, и, терпя страшные муки, он изо всех сил боролся за жизнь, ведомый лишь одной мыслью: удержать мир от гибели. Он знал, что с его смертью Небо и Земля снова погрузятся в войну. Уже тогда внутри империи Шэнь Нун зрело соперничество между четырьмя божественными аристократическими кланами: Чжу Жуном, Гун Гуном, Хоу Ту. Каждый хотел власти, и каждый считал её своим правом.

У Императора Пламени был один ученик, которого он сам привёл с далёких гор Цзюи, с самой горы Лунтоу Шань из племени Джиу Ли, того, кого народы цзюили называли Королём зверей и поклонялись ему как защитнику. Яньди дал ему имя Чи Ю и научил жить среди богов, читать древние свитки и понимать законы неба и земли. Чи Ю обладал необычайной мощью, владел всеми девятью элементами и управлял силами природы, как ему вздумается. Он постиг управление всеми стихиями этого мира, а кроме того, все звери и птицы повиновались его воле, приходя на зов и служа верно. Император Пламени видел в нём того, кто может помочь Юйваню удержать престол после его смерти, и признал Чи Ю своим приёмным сыном. Он заставил Юйваня поклясться, что он никогда не усомнится в верности Чи Ю, а Чи Ю поклялся, что никогда не предаст Юйваня и всегда будет защищать Шэнь Нун.

Юйвань и правда подружился с Чи Ю. Он был очень добр, терпелив и снисходителен к своему дикому другу. Чи Ю, чувствительный к доброте и чистоте сердца, тоже полюбил

Юйваня, как брата, защищая его от любой опасности. Перед смертью Яньди назначил Чи Ю Великим генералом, доверив ему защиту всей империи и своего сына. Так демон из племени Джиу Ли стал Великим генералом Шэнь Нун и названным братом Юйваню из императорской семьи Шэнь Нун.

Когда Император Пламени умер, началась долгая и жестокая война. Император Сюань Юань, мечтавший о богатых землях, напал на Шэнь Нун, а в самом государстве росли противоречия, подобно трещинам в фундаменте дома. Генерал Чи Ю жестоко подавлял непокорные аристократические кланы Шэнь Нун, удерживая власть во имя Юйваня. Он прослыл кровавым и безжалостным, вырезая целые семьи под корень, которые выступали против Юйваня, не щадя ни старых, ни малых. Кровь лилась рекой по некогда мирным землям. Против него зрело недовольство среди аристократии Шэнь Нун, которая видела в нём чужака, дикаря, узурпировавшего власть. Его главным противником был Чжу Жун, вспыльчивый, жадный до власти и недалёкий, чей взгляд застилала жажда первенства. Гун Гун оставался гордым и непреклонным аристократом, неспособным к уступкам даже ради блага государства. Хоу Ту был скрытным и расчётливым, он следовал лишь собственным целям.

В Хаолине тоже развернулась война за власть, полная интриг и предательства, где брат шёл против брата. Цзюньди Гаосин, император, любивший музыку, красоты и красавиц, имел много детей от жён и наложниц. Первый сын его, от умершей императрицы, был красавец с необыкновенными духовными силами, изысканный Шаохао. Не было ни одной девушки во всех землях Великой Пустоши, не мечтавшей стать хотя бы наложницей прекрасного принца. Клан Цинлин поддерживал его, как и клан Сэхэ. Теперешняя императрица подарила Цзюньди двух принцев, Яньлуна и Чжун Жуна. Шаохао и Яньлун оба вступили в борьбу за место наследного принца. Яньлуна поддерживала императрица и два клана, Чанси и Байху. Шаохао удалось захватить трон. Кто говорит, что он сам отравил отца, кто утверждает, что император умер после долгой болезни. Смутные времена были тогда, когда каждая тень казалась врагом, а каждый шёпот был заговором. Яньлун сгинул в неизвестности, Чжун Жун пытался поднять восстание и был убит в битве, не сумев противостоять силе старшего брата.

В Сюань Юань Жёлтый император плёл свою паутину, затягивая в неё всё новые земли. В войне с Шэнь Нун он не жалел своих сыновей, видя в них лишь оружие для достижения цели. Он беспощадно жертвовал ими: погибли его первый, второй, третий и четвёртый принцы на этой безжалостной войне, не зная отцовской любви даже после смерти. Пока Чи Ю лечился от серьёзной травмы, Хуанди хитростью заманил в ловушку императора Юйваня и отрубил ему голову, лишив Шэнь Нун правителя и надежды. Чи Ю поклялся отомстить за своего брата Юйваня, и эта клятва была высечена в его сердце, подобно иероглифам на камне. Но Шэнь Нун лишился императора, стал подобен телу без головы. Гун Гун пытался объединить князей Шэнь Нун, но был чуть ли не осмеян и обвинён в том, что метит в императоры, желая захватить трон.

В конце концов, Сюань Юань брал верх над разрозненной армией Шэнь Нун, до тех пор, пока Чжу Жун, пожертвовав собой, не вызвал подземный огонь, в котором сгорел сам и сжёг целую армию Сюань Юань. В этом огне погиб и четвёртый принц Сюань Юань, Чан И, отец нынешнего императора Дахуана. Осталось только войско Великого генерала, демона Чи Ю, у которого была демоническая гвардия из восьмидесяти одного преданного демона с гор Цзюи, его соратник Фэнбо, что управлял ветром, и Юй Ши, тот, кто повелевал дождём. С ними он не только отвоевал территории Шэнь Нун, но и вступил на земли Сюань Юань, неся возмездие врагу. Гибель империи Сюань Юань была неизбежна, как приход зимы после осени. Войска врага трепетали от одного лишь имени Чи Ю, которое стало символом страха и неминуемого поражения.

Но тут вмешалась любовь, изменив ход истории подобно реке, меняющей русло. Много веков назад Чи Ю встретил и страстно полюбил девушку по имени А Хэн. Их встреча была случайной: она искала путь к горе Бофу, он шёл усмирять подземный огонь. Вместе они спасли

горы от гибели, и с этого началась их любовь, чистая и сильная, как горный поток. Чи Ю был дик, жесток, безрассуден, пылок, наивен и честен. Полюбив А Хэн, он был готов рисковать жизнью, жертвовать собой, только ради мгновения встречи с ней, ведь каждая минута рядом с ней была дороже вечности без неё.

А Хэн была заточена за провинность Королевской Матерью на горе Юйшань на шестьдесят лет, и Чи Ю каждый раз, рискуя жизнью, пробирался на гору, чтобы увидеть её улыбку. Так он принёс ей в подарок летающего лисёнка А Сян и огненную птицу Ле Ян, писал ей письма и добыл для неё цветок молодости. На горе Лунтоу Шань в племени Джиу Ли, в праздник Цветов в апреле, когда склоны горы покрыты цветущими дикими персиками, они дали обещание друг другу каждый год встречаться на этом месте, когда цветут персики, даже если судьба разлучит их.

Однако А Хэн скрывала от Чи Ю, что она принцесса Сюань Юань и была обручена с принцем Хаолина, Шаохао Гаосин. Союз царств был решён задолго до её рождения, подобно тому, как звёзды предопределяют судьбу. Под натиском интриг двора, чтобы уберечь свою мать-императрицу и своих братьев, ей пришлось согласиться на этот брак, принеся свою любовь в жертву долгу. В первую ночь они с принцем Шаохао договорились, что будут союзниками и компаньонами, а не мужем и женой, связаны договором, но не сердцем. Она поможет ему занять трон, как принцесса Сюань Юань, а он, заняв трон, даст ей развод и свободу вернуться к тому, кого она любит.

Они с Чи Ю вновь встретились и обрели короткое счастье в доме в Джиу Ли, где А Хэн рассадил сад, обустроила дом, превратив его в уголок рая среди суровых гор. Чи Ю с ней предавался мечтам о будущей жизни, где нет войн, нет долга, а есть только их любовь. Но война набирала обороты, не считаясь с мечтами влюблённых. Чи Ю был серьёзно ранен, и его верная мифическая птица Кунь Пэн унесла его в далёкий Бэймин. А Хэн вернулась к матери на пик Чао Юань горевать о смерти брата. Вскоре она узнала, что ждёт от Чи Ю ребёнка, плод их запретной любви. От него не было известий, даже не знали, жив он или мёртв, и эта неизвестность терзала её сердце.

А Хэн поделилась с Шаохао своим секретом и попросила его признать дочь своей, чтобы уберечь ребёнка от гонений. Шаохао к тому времени уже полюбил всем сердцем А Хэн, хотя и знал, что его чувство не будет взаимным. Он дал слово защищать и её, и ребёнка, что должен был родиться. Когда родилась девочка, А Хэн почти год лежала без сознания, истощённая родами и горем. Каждый день Шаохао носил её к святому источнику Гуйсюй и не спускал с рук ребёнка, заботясь о нём как о собственной дочери. Он полюбил девочку, как свою, ведь она была частичкой той, которую он любил, и единственным существом, искренне любившим его на горе Ушэнь.

Тем временем Чи Ю излечился от ран и в день цветения персиков поспешил в свой дом, мечтая встретить на пороге А Хэн, которую не видел три долгих года. Но дом встретил его заброшенным и опустевшим, словно сердце, из которого ушла любовь. Узнав о счастливой семье уже императора Шаохао, его любимой супруги и их дочери, обида, боль и ненависть захлестнули его сердце подобно волне, смывающей всё на своём пути.

Он встретился с А Хэн и задал ей только один вопрос: «Почему?» Но А Хэн не могла ответить, связанная клятвой молчания. Она не могла сказать, что Чи Ю по ошибке убил её любимого старшего брата Цзиньяна, так как они скрывали эту смерть от Хуанди, и генерал Шэнь Нун не должен был этого знать. Она не могла сказать ему и о ребёнке, боясь, что эта тайна может стоить жизни их дочери.

Чи Ю с разбитым сердцем посвятил себя мести. Его легионы стали грозой Сюань Юань, наводя ужас на врагов. Время шло, и А Хэн и Чи Ю опять воссоединились, поняв, что их любовь сильнее обид и недомолвок. А Хэн поспешила написать письмо Шаохао о разводе, и оба мечтали поскорее закончить войну, чтобы начать новую жизнь.

Чи Ю предложил Хуанди сдаться, пообещать, что никогда не посягнёт на земли Шэнь Нун и преклонит колени перед памятью погибшего Юйваня, но хитрый Хуанди не собирался этого делать. Он не хотел отказаться от мечты завоевать Шэнь Нун. Раненый в битве с Чи Ю, Хуанди понял, что ему никогда не одолеть Чи Ю в честном бою. Хитрый правитель узнал, что в его руках есть оружие против Чи Ю: его дочь, А Хэн, которую беззаветно любит Чи Ю.

Хуанди, притворяясь слабым и немощным, заставил А Хэн принять командование над оставшимся войском Сюань Юань, окутав её словами о долге перед народом, перед тем самым народом, о котором он не думал ни секунды, жертвуя тысячами солдат во имя своей необузданной амбиции завоевать мир. А Хэн, не в силах противиться долгу, возглавила войска Сюань Юань. Судьба вновь свела их с Чи Ю, на этот раз на поле битвы, где они должны были сражаться друг с другом, хотя сердца их стремились к единению.

В разгар сражения она, отчаявшись, вызвала огонь, чтобы прекратить бой, но не справилась с духовной силой и превратилась в уничтожающего всё демона-огня, теряя контроль над своей силой и собой. Чи Ю спас её ценой собственной жизни, принеся в жертву своё сердце. Его душа рассеялась, превратившись в цветущий персиковый сад посреди пустыни, вечное свидетельство любви, которая сильнее смерти. А Хэн стала демоном засухи, её зелёная тень бродила среди того сада веками, ища и не находя покоя, тоскуя по тому, кого потеряла навсегда.

Жёлтый Император вовремя привёл свежие войска и уничтожил армию Шэнь Нун. Все погибли, но не сдались, верные своему слову и долгу до конца. Народы с гор Цзюи Жёлтый император вернул в статус «дикарей» за их преданность Чи Ю, лишив их права называться частью империи. Великого генерала Шэнь Нун объявил безжалостным, кровавым демоном и списал на него все преступления времён войны. Из героя, что стоял до конца, верный своему слову, Чи Ю стал всеми проклинаемым чудовищем, чьё имя матери шептали непослушным детям, чтобы те боялись темноты.

Принцесса Сюань Юань вошла в историю как героиня, победившая демона, и ни слова о том, что она всё время жертвовала Чи Ю ради себя, своих близких и даже ради Хуанди. Её слава стала ещё одним орудием в руках победителей, переписывающих историю.

Хуанди потерял в этой войне пять своих сыновей, шестого принца убил сам за неповиновение, а восьмого заточил в драконью тюрьму за мятеж. Генерал Гун Гун долго ещё с армией сопротивления прятался в горах Шэнь Нун, отказываясь признать поражение. Но время властно и над богами, и над правителями. Пришёл тот день, когда Хуанди сам передал престол своему внуку, Сюань Юань Сань Сюань, как и обещал когда-то А Хэн в обмен на её помощь. Внук исполнил мечту деда, объединив Сюань Юань, Шэнь Нун и Хаолин в единую империю Дахуан, создав то, о чём мечтал его дед. Вскоре он разгромил армию Гун Гуна, положив конец сопротивлению. Говорят, император Дахуана уничтожил все записи о той многовековой войне, чтобы никто не узнал правды о цене, заплаченной за объединение. Жёлтый император, скорее кровавый император, удалился на покой в почёте и славе, оставив после себя легенду, далёкую от истины.

Когда старец закончил, небо на востоке уже светлело. Огонь потрескивал, и Сян Лю молча подбросил ветви. Старец встал, опираясь на посох. Чаньэ помогла ему пройти к дереву, где он лёг и затих, словно растворившись в утренней тишине. Четверо странников спали у костра, лишь Сян Лю не мог найти покоя. Он прошёл к реке, наблюдая за её бурным течением. Слова старца отозвались в его сердце старой болью и воспоминаниями, которые он так долго пытался похоронить.

Когда-то, мимолётно, он видел многих героев этой истории. Он видел Великого генерала, всегда одетого в красное, символ силы и власти. Заносчивого и вспыльчивого Чжу Жуна, красивого и харизматичного Хоу Ту, прекрасную и всегда грустную принцессу Юньсан, чьи глаза хранили тайны древних времён.

Эта история была историей родителей Сяо Яо, и он понимал это с болезненной ясностью. Если бы не интриги, если бы не Жёлтый император, Чи Ю и А Хэн могли бы быть счастливы, растить свою дочь вместе. Ему захотелось рассказать всё Сяо Яо, открыть ей правду, которую от неё так долго скрывали. Пальцы его невольно сжались в кулаки, а в груди натянулась тугая, звенящая струна.

Когда он вернулся, небо переливалось розовым и золотом, предвещая новый день. Птицы перекликались в ветвях, приветствуя солнце. Старец исчез, не оставив ни следа, ни посоха, ни складок на мхе, словно его никогда и не было.

— А мы даже не узнали, кто он был, — произнёс Сян Лю глухо, чувствуя, как тайна ускользает, подобно утреннему туману.

Он разбудил остальных. Четверо странников призвали небесных коней, и вскоре серебристые копыта взметнули росу ввысь. Они направились дальше, сквозь рассвет, к пику Янь Шань, оставляя позади тайны прошлого, но унося их в своих сердцах.

Глава 12. «Небесная школа Янь Шань.»

С гор тянулись облака, серебристые, как дыхание дракона, в то время как первый утренний свет уже ласкал купола и крыши. Многое изменилось за годы, что Сян Лю, Чаньэ, Линь и Ланьхуа вернулись на Янь Шань. Теперь Небесная школа дышала полной жизнью.

На дорожках между павильонами разносились шаги учеников, юношей и девушек в воздушных одеждах. Их пояса были украшены жетонами школы: символом ветра и горы, что означали свободу и стойкость. Ветер колыхал широкие рукава, в которых то прятались, то вспыхивали тонкие пальцы. Одни ученики тренировались с мечами. Отточенные, точные, их движения были подобны потоку воды, мягкие, но неумолимые. Клинки сверкали в утреннем солнце, оставляя за собой след света, как падающие звёзды. Готовились к отборочным турам.

В дальнем саду, под раскидистыми соснами, юные даосы сидели в беседке, окружённой прудом с белыми лотосами. Они читали древние свитки, переписывали трактаты о Дао, слушали наставления старших.

По каменным ступеням неспешно поднимался седовласый наставник Лао-Цзы. За ним следовали трое младших учеников, каждый нёс за плечами свитки и ларцы с артефактами.

Сян Лю, по обыкновению не выдавая эмоций, окинул всё это взглядом. И всё же даже он не смог скрыть лёгкой тени удовлетворения в глазах. Небесная школа жила своей особой жизнью: пахло сушёной полыньёю, слышался ритмичный стук деревянных мечей и тихое пение мантр.

Линь шёл молча, как всегда, но глаза его задержались на новых лицах.

А Сян Лю поднял глаза к вершине, где всё так же стоял Главный павильон с крышей, уходящей в небо, и медными колоколами, звенящими при каждом ветре. Пора снова стать частью школы.

На следующий день, после возвращения, Сян Лю впервые по-настоящему ощутил, что значит быть Главой школы.

Это было вовсе не так романтично, как представлялось тем, кто видел в нём лишь Великого мастера в бело-зелёных одеждах, парящего в небесах. Быть Главой значило не только давать наставления и прогуливаться по территории, заложив назад руки. Это значило быть тем, кто держит весь этот живой организм в равновесии, день за днём, от рассвета до заката.

Ему пришлось познакомиться со всеми: с учителями, с учениками, с наставниками боевых искусств и духовных трактатов, с теми, кто отвечал за травяные сады, кухни, оружейные и медитативные залы. Но главное: Глава отвечал за всё. Еду. Одежду. Лекарства. Чернила для письма. Лопаты и корзины. Счета и таблички. Всё до последней курицы и последнего мешка риса.

В прежней жизни, когда он был Советником армии Шэнь Нун, было ещё труднее: у него не было ни серебра, ни союзников. Сделка с Ту Шань Цзин, когда тот умолял его сорвать свадьбу Сяо Яо с Фэн Луном, принесла Сян Лю целых тридцать семь лет поставок провизии для армии Гун Гуна. Сделка, которая делала его бессердечным демоном в глазах Сяо Яо, спасала от голода тысячи солдат.

Теперь всё было иначе, и в то же время так же.

На горе жило уже более ста пятидесяти человек. А вокруг ни деревень, ни караванных путей, только леса и дикие племена у подножья.

К счастью, у него теперь была команда. Ученики сами освоили плато вокруг школы: разбили огороды, выращивали овощи и лекарственные травы, завели кур, коров и кроликов. Одежду можно было соткать с помощью магии, но ткань всё равно нужно было где-то добывать и доставлять.

Линь стал его правой рукой, но и он порой терялся в хозяйственных расчётах. Тогда Лао-Цзы, улыбаясь под своей длинной бородой, привёл молодого человека, тихого, с ясными глазами и умелыми руками, способного запомнить цену каждого корня и вес каждого камня. Он не был силен в сражениях, но за неделю навёл порядок в хранилищах и записях. По совету Лао-Цзы Сян Лю назначил его управляющим по хозяйственным вопросам.

Всё, что не требовало его личного присутствия, Сян Лю с удовольствием делегировал. Когда появлялось свободное время, он уходил с Чаньэ в горы на охоту.

Это были одни из немногих мгновений настоящего покоя.

Они ходили вдоль скал, по ущельям, где леса кишели дичью. Сян Лю брал простой лук, а Чаньэ училась контролировать свою духовную силу. Она была слишком велика для её возраста, и бывало, вместо одного оленя исчезала целая роща. Однажды её удар уничтожил не только цель, но и испепелил целое поле, превратив деревья в пепел, а землю в треснувшее стекло.

Но вместе с этим исчезли и злобные демоны. В округе не осталось ни одного, кто бы осмелился приблизиться к Восточной горе. Школа стала безопасной гаванью.

У подножия жили дикие, низкорослые племена, враждебные, непризнанные, не говорящие на общем языке. Но стоило Сян Лю однажды спуститься в долину, как они, завидев его,

пали ниц. Легенды о нём дошли и до них. Школа предложила защиту и лекарства в обмен на провизию и редкие корни. Медленно, но, верно, начался обмен.

Ланьхуа раскрылась, словно бутон, и оказалась для школы истинным даром.

Если земля была хоть немного влажной, она могла вырастить на ней целое поле за час. В её руках расцветали персиковые деревья, вздымались виноградные лозы, оживали зерновые культуры, о которых она читала лишь в старых свитках. А если кто-то из учеников давал ей часть своей духовной силы, вечером в столовой уже стояли корзины с фруктами.

Однажды она увидела в трактате изображение гриба долголетия, редчайшего духовного растения, способного продлевать жизнь даже бессмертным. Через несколько дней такой гриб вырос у неё на заднем дворе. Наставники были в восторге. Лао-Цзы молча поклонился ей.

Среди высоких гор, на пике Янь Шань, жизнь текла по своим законам, неторопливо, как облака над бездной. Здесь всё подчинялось Пути: совершенствование духа, закалка тела, формирование золотого ядра, постижение просветления и искусство боя, подобное танцу ветра и пламени.

Так шли годы. Для смертных вечность, для богов и демонов лишь дыхание мира. Пятьдесят лет пролетели, словно горсть тающих снежинок на ладони Вечности.

Глава 13. «Когда наставник становится судьёй, сердце ученицы остаётся без приюта.»

Жизнь в школе для Чаньэ и Линя сильно отличалась от их прежних отношений с Сян Лю. Теперь, как глава школы, он был вынужден уделять внимание не только им, но и десяткам других учеников, учителей и бесконечным делам, что обрушивались на него каждый день. Учителя обсуждали с ним успехи и трудности учеников. Те, кто совершенствовал духовные силы, время от времени нуждались в помощи с их стабилизацией. Тем, кто изучал технику меча или стрельбу из лука, требовались наставления. Сян Лю приходилось быть не только лидером, но и наставником, судьёй и врачом.

Но однажды произошёл неприятный инцидент. Чаньэ вступила в спор с одним из учеников. Он уже некоторое время проявлял к ней чрезмерное внимание, что вызывало раздражение. Это был высокий юноша с мощной духовной силой, но со скверным, порывистым характером. Сян Лю давно наблюдал за ним и понял: с этим учеником будут проблемы. Парень явно носил в себе божественную кровь, но мать его была смертной, и потому он шёл к силе через упорную практику. У юноши была склонность терять контроль при неудачах, и в нём пробуждалась жестокость. Сражения с другими учениками нередко заканчивались травмами. Иногда он делал это нарочно, а затем, криво усмехаясь, просил прощения с издёвкой. Имя этого ученика было Дэн Вэй, и он утверждал, что родом с юга Дахуана.

В тот день Чаньэ занималась в группе, когда Дэн Вэй во время тренировочного боя с силой ударил другого ученика. Тот отлетел на несколько метров и закашлялся кровью. Чаньэ сразу подбежала, почуяв неладное: удары повредили меридианы юноши. Она влила в пострадавшего свою духовную силу и велела отнести его в лекарскую.

Когда ученика увели, она обрушилась на Дэн Вэя:

— Как ты мог ударить так сильно? Это всего лишь тренировочный бой! Он твой соученик! Ты жестокий и злой! Я давно за тобой наблюдаю. Сегодня же наставники узнают об этом!

Дэн Вэй злобно сощурился.

— Заткнись, — процедил он сквозь зубы. Подойдя ближе, прошипел: — Скажешь хоть слово, убью.

Он смотрел прямо в глаза, стараясь внушить страх. Чаньэ вспыхнула:

— Попробуй! Я преподам тебе урок прямо здесь!

Они сцепились на месте. Чаньэ всего лишь хотела проучить его, но бой быстро вышел из-под контроля. Дэн Вэй получил серьёзные травмы: пострадали ноги, а вместе с ними и его духовный корень. Ладони Чаньэ предательски задрожали, а по коже прошёлся холодок. Она совсем не собиралась так тяжело ранить юношу. К ним уже спешили наставник Ю Чэн и Линь. Сян Лю, наблюдавший издали, тоже направился в их сторону.

Линь первый склонился над пострадавшим.

— Чаньэ... ты с ума сошла? Ты чуть его не убила! — тихо прошептал он, глядя на Дэн Вэя.

У Чаньэ на глазах выступили слёзы. Она протянула руку, пытаясь передать юноше свою духовную силу. Рядом уже собрались другие ученики, столпившись плотным кругом. И в этот миг все обернулись, услышав властный голос Главы:

— Ученица Чаньэ, встань! Ты забыла главное правило школы! Ступай в свою комнату. С этого момента ты наказана и не имеешь права покидать её тридцать дней. Всё это время будешь заниматься каллиграфией и читать мантры. Никаких тренировок. На площадке ты больше не появишься без моего указа!

Сян Лю развернулся и пошёл к главному зданию. Даже Линь опешил. Никогда прежде Сян Лю не говорил с Чаньэ таким холодным, приказным тоном, да ещё и при всех учениках и наставниках. Чаньэ шла быстро, не поднимая глаз. Как только за ней захлопнулась дверь её комнаты, она прижалась спиной к стене и сжала кулаки. Губы дрожали, в глазах блестели слёзы. В висках пульсировала тугая, неровная дробь, а дыхание сбивалось.

Наставник отчитал её при всех. Она же не хотела так сильно ранить Дэн Вэя, она думала, что он сильнее. А она-то думала, что у них особенная связь. Он ведь сам звал её «глупой девчонкой» с ласковой усмешкой, сам укрывал в холодные ночи, сам учил читать звёзды и находить в небе дорогу. Он знал, когда она устала, когда голодна, когда испугана, не по словам, а по взгляду. Разве всё это было просто дружбой наставника и ученицы? Разве не он был с ней с детства? Разве не его руку вложил в её ладонь её отец, доверив ему свою дочь?

Чаньэ сжала зубы. Воспоминания о тех днях, когда они втроём, Сян Лю, Линь и она, странствовали по горам и долинам, были как светлые сны. Тогда он не был Главой школы, а её Сян Лю был её Наставником.

— Наставник... тогда был только мой... — прошептала она и заплакала. Слёзы стекали по щекам, горячие, упрямые. — Только мой...

Для Чаньэ самым важным человеком в этом мире был он. После него шёл Линь, старший брат, тот, кто всегда знал, как её утешить, как помочь, когда Сян Лю становился холодным и недостижимым. С остальными она была добра и заботлива, такая уж у неё натура, но не больше. Держалась на расстоянии. Ни один из учеников не знал её по-настоящему. Даже Ланьхуа, её подруга, не стояла рядом с Наставником и Линем в её сердце. Только с ними двумя она могла быть самой собой, порывистой, упрямой, капризной, наивной, сильной.

А теперь её наказали. За то, что она защитила другого. За то, что не сдержалась.

Если бы Наставник просто обнял её и сказал, что всё понимает... хоть раз... Но он выбрал порядок. Школу. Дисциплину. Как будто она была просто ученицей. Она села на циновку и уткнулась лицом в колени. Звуки за окном отдалились, превратившись в глухой, ватный гул.

Линь подошёл к комнате Чаньэ и мягко постучал в дверь:

— Чаньэ, это я.

В ответ стояла тишина. Только спустя мгновение раздался глухой голос, едва слышный сквозь деревянную перегородку:

— Уходи, Старший брат. Я не хочу никого видеть.

Линь задержался у двери, будто надеясь, что она всё же откроет. Но шагов за порогом не последовало. Он вздохнул и молча ушёл.

На следующее утро Ланьхуа пришла с подносом. Тёплый пар от свежесваренной каши и аромат сушёных фруктов наполняли коридор.

— Чаньэ, открой. Я принесла завтрак. Ты ведь ничего не ела...

— Уходи, Ланьхуа, — коротко ответила Чаньэ. Голос был сухим, словно утомлённым.
— Я не хочу ничего.

Ланьхуа постояла ещё немного, сжимая поднос, затем пошла искать Линя. Она нашла его на нижней площадке у тренировочной залы, где тот наблюдал за учениками, оттачивающими мечи.

— Наставник, — сказала она, подойдя ближе, — Чаньэ уже второй день не ест. Что нам делать?

Линь отложил бамбуковую дощечку с именами и тяжело вздохнул.

— Я сообщу Главе, — сказал он после паузы.

Путь к залу Главы был коротким, но Линь шёл медленно, обдумывая каждое слово. Он уважал Сян Лю, подчинялся ему, как полагается, но не был слеп. Он знал, что Сян Лю поступил правильно с точки зрения порядка и дисциплины. Чаньэ была не просто одной из учениц. Она часть той миссии, которую возложил на них Повелитель драконов, отец Чаньэ и спаситель Сян Лю. Тот, кто даровал демону новую жизнь. Сян Лю обязан ему жизнью, а значит, обязан и Чаньэ. Линь знал, как много значит для неё Сян Лю. Может, сам Наставник этого не замечает... но Линь видел. Для неё они были всем: семьёй и защитой. Чаньэ могла спорить, быть упрямой, но он знал, что её сердце привязано к Сян Лю крепче, чем к кому бы то ни было. А Сян Лю... он мог быть холоден, неприступен, беспощаден. Тех, кого допустил к себе, можно было пересчитать по пальцам. Его приёмный отец, Сяо Яо, Линь... и теперь Чаньэ. Линь поднялся по ступеням к залу и, подойдя к двери, коротко постучал.

— Входи, — раздался голос Сян Лю.

Линь вошёл, поклонился и сказал просто:

— Хозяин, речь о Чаньэ. Она отказывается от еды и не открывает дверь. Уже второй день. Ты ей нужен.

Сян Лю медленно оторвал взгляд от свитков. На мгновение его лицо осталось бесстрастным, но в глазах промелькнула тень. Он встал.

— Я сам с ней поговорю, мы избаловали её, — коротко сказал он.

Сян Лю медленно опустил взгляд обратно на лежащий перед ним свиток. Несколько мгновений он молчал, и Линь уже подумал, что тот не ответит.

— Она должна научиться жить среди людей и подчиняться правилам, — тихо сказал Сян Лю, не поднимая головы. — Я не могу быть рядом всегда и контролировать её.

— Но ты всегда был рядом, — возразил Линь. — Для неё ты не просто наставник, ты... её опора. Ты знал, как она появилась в этом мире. Она не такая, как другие. В ней ещё детская чистота, если ты оттолкнёшь её, не объяснив, она не поймёт.

Сян Лю сомкнул веки. Под рёбрами разлился свинцовый холод. Он сам это знал. Знал лучше, чем кто-либо. Он чувствовал её душу, сильную и ранимую, её преданность, которая, быть может, была больше, чем он заслуживал. И всё же...

— Если она хочет стать по-настоящему сильной, — проговорил он, — она должна пройти через боль. Без моей тени. Без моей защиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.